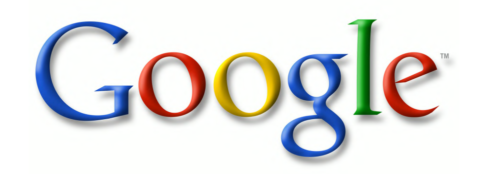
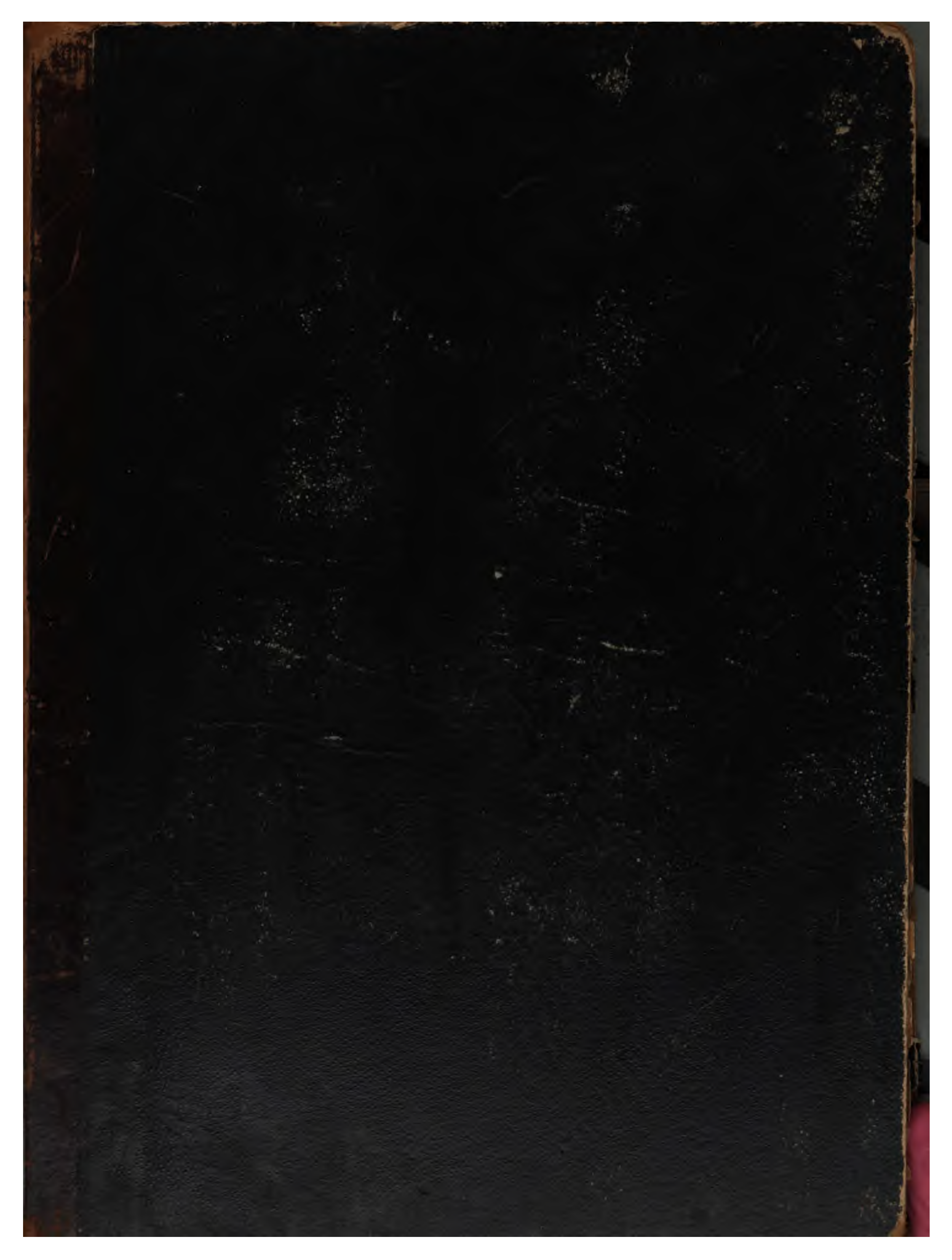
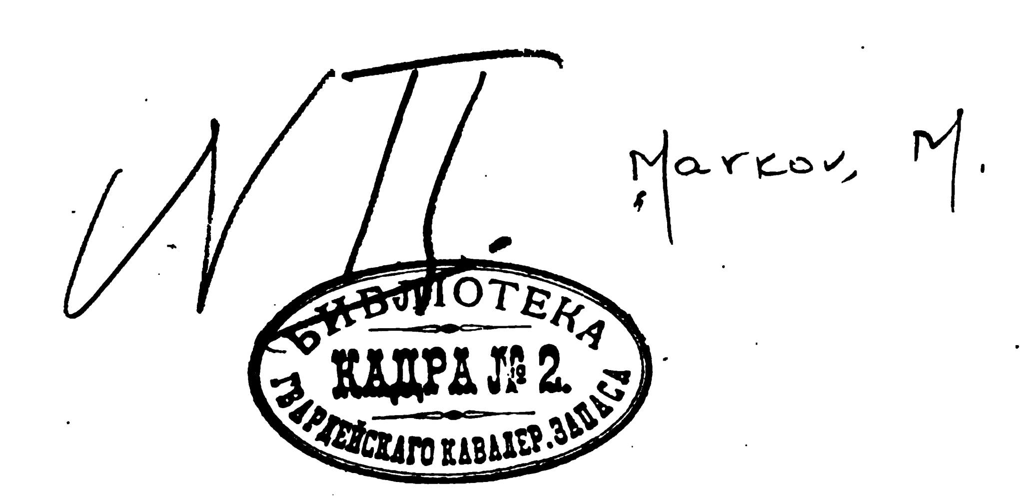

ГВАРД. ЗАПАСН КАВАЛЕР. ПОЛКЪ
БИБЛIОТЕКА
№ 54.
ОТД. II.
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ВАЛЕР. ПОЛКЪ

ИСТОРІЯ КОННИЦЫ

ЧАСТЬ 3-я.

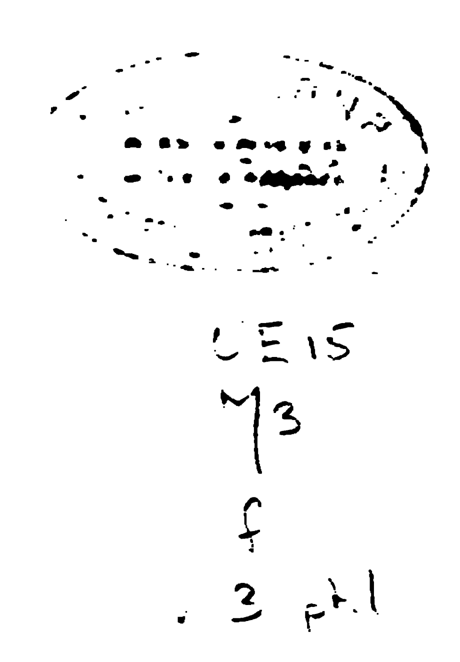
Отъ вооруженія конницы огнестрѣльнымъ оружіемъ до Фридриха Великаго.

СОСТАВИЛЪ

Полковникъ МАРКОВЪ.

Командиръ 1-го Лейбъ-Драгунскаго Московскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Ф. С. Муравьева.
1887.

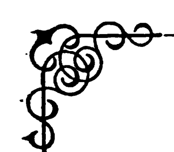
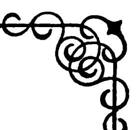

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 23 Апрѣля 1887 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ вооруженія конницы огнестрѣльнымъ оружіемъ до Густава Адольфа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава 1-я.

Появленіе огнестрѣльнаго оружія. Первоначальные виды его, введенные для употребленія въ конницѣ. Устройство европейской конницы въ началѣ XVI столѣтія. Испанцы. Тяжелая и легкая конница, джинеты, карабены. Французская конница, жандармы, конные стрѣлки и шеволежеры. Нѣмецкая конница, кирасиры. Итальянская конница. Кондотьеры и страдіоты.

Въ предыдущей части мы иногда упоминали объ употребленіи у нѣкоторыхъ народовъ греческаго огня, а потомъ о появленіи и огнестрѣльнаго оружія.

Извѣстно, что въ половинѣ XIV столѣтія оно входитъ въ употребленіе во всѣхъ государствахъ западной Европы, которая заимствовала его отъ испанскихъ мавровъ, аравитяне же считаются первыми изобрѣтателями огнестрѣльнаго оружія. Но первоначальныя дѣйствія какъ ручнаго, такъ и артиллерійскихъ орудій было такъ слабо, что не обнаруживало никакого вліянія на исходъ боя, какъ можно было видѣть изъ описаній нѣсколькихъ сраженій Столѣтней и Швейцарскихъ войнъ.

Первое ручное огнестрѣльное оружіе, изобрѣтенное арабами еще въ XIII столѣтіи, состояло изъ пустаго желѣзнаго цилиндра или ствола, укрѣпленнаго на концѣ шеста или копья; внутри этого пустаго цилиндра помѣщалась трубка съ порохомъ, поверхъ котораго клали пулю или иногда стрѣлу. Для сообщенія огня, посредствомъ раскаленной проволоки, въ стѣнѣ трубки дѣлали запалъ.

Дальнѣйшее усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія принадлежитъ уже западной Европѣ. Здѣсь въ XIV столѣтіи встрѣчаются первоначально больше всего въ употребленіи ручныя пушки или каноны (canon à main). Онѣ состояли изъ короткихъ желѣзныхъ стволовъ съ длиннымъ желѣзнымъ казенникомъ. Для заряда имѣлась коробка, которая вкладывалась черезъ казенную часть въ стволъ и закрѣплялась стремянкой. Запалъ дѣлали сначала въ верхней части ствола, а потомъ съ правой стороны. Огонь сообщался посредствомъ фитиля. Для болѣе удобнаго и скораго употребленія, стали стволъ вдѣлывать въ деревяное ложе, продолжая его назадъ, чтобы человѣкъ могъ легко поддерживать и направлять оружіе одною рукою въ то время, когда другою сообщалъ огонь. Оружіе это получило названіе „аркебузы", по сходству устройства своего съ этимъ метательнымъ оружіемъ. Кавалерійскія аркебузы были короче и легче пѣхотныхъ, но нѣсколько бо́льшаго калибра.

Необходимость прочной связи между стволомъ и коробкою заставляла давать извѣстнымъ частямъ оружія большіе размѣры, отчего получался большой вѣсъ, и оружіе было неудобно для продолжительной носки и дѣйствія одному человѣку. Это побудило (около 1364 года) удлинить коробку и употреблять ее безъ ствола, что и считаютъ началомъ пистолетовъ.

Въ XIV же столѣтіи нашли возможность слить казну и дуло ствола вмѣстѣ, дѣлая его изъ плавкихъ металловъ, особенно изъ бронзы. Стволъ этого оружія, названнаго кулевриной (coulevrine à main) вдѣлывался въ деревяное ложе, и одинъ человѣкъ могъ удобно заряжать, прицѣливать и производить выстрѣлъ. Но оружіе это было очень тяжело и могло быть введено въ конницѣ только въ началѣ XV столѣтія, когда, съ усовершенствованіемъ искусства ковать желѣзо, стали приготовлять стволы изъ этого металла.

Въ 1424 году изобрѣтены были фитильные замки, и такое оружіе названо было серпентинами (canon à main à serpentin). Первоначально замки были введены только въ конницѣ, въ пѣхотѣ продолжали сообщать огонь посредствомъ фитиля, вмѣщеннаго въ пальникъ.

Чтобы получить возможность увеличить калибръ и дѣйствіе ручнаго оружія, нужно было уменьшить дѣйствіе отдачи. Для этой цѣли испытывали упирать конецъ весьма искривленнаго ложа въ луку сѣдла; но этимъ ослаблено дѣйствіе отдачи весьма мало. Чтобы приблизить точку опоры къ направленію ствола, искривили нѣсколько прикладъ, продолживъ его такъ, чтобы упирать въ нагрудныя латы. Это оружіе, подъ названіемъ петриналя (pétrinal, poitrinal), появилось около 1449 года и въ 1480 году употреблялось въ пѣхотѣ и конницѣ; въ первомъ случаѣ оно имѣло около 4, а во второмъ около $2^1/_2$ футовъ длины. Вѣсъ его былъ до 17 фунтовъ. Но петриналями называли еще раньше употреблявшіяся въ конницѣ каноны съ желѣзными упорами въ грудь и переднюю луку.

Въ 1515 году въ Германіи былъ изобрѣтенъ колесный замокъ, состоявшій изъ колеса, соединеннаго съ пружиною. „При спускѣ курка, колесо приходило въ быстрое вращательное движеніе, ударяя въ стальную пластинку, и производило искры, которыя, падая на полку, воспламеняли порохъ. Этотъ механизмъ былъ сложенъ, а потому и оружіе, снабженное имъ, не могло получить общаго распространенія и было отчасти введено только въ кавалеріи“ [1]).

Самымъ употребительнымъ оружіемъ въ XV столѣтіи въ конницѣ была аркебуза, къ которой примѣнены были всѣ приведенныя усовершенствованія. Но необходимо замѣтить, что очень часто аркебузами называли и прочіе виды ручнаго огнестрѣльнаго оружія, каноны, петринали и проч. Мы подъ именемъ аркебузы будемъ понимать желѣзный стволъ на деревянномъ ложѣ сначала съ серпентиномъ; а съ 1515 года съ колеснымъ замкомъ.

Въ началѣ XVI столѣтія изобрѣтенъ былъ мушкетъ и въ 1521 году введенъ въ употребленіе въ Испаніи, а въ 1527—во Франціи, взамѣнъ аркебузъ. Мушкетъ отличался отъ аркебузы бóльшимъ калибромъ и длиною и пѣхотою употреблялся

[1]) Пузыревскій. Часть II, стр. 106.

„Исторія конницы"
М. Маркова.

Источники: Max Jaehns атласъ,
Пузыревскій атласъ.

Ручная пушка, или петриналь,
XV столѣтія.

панцырь, большіе щиты, копье и мечъ, для пѣхоты же арбалеты, пращи, пики, малые щиты или тарчи и острые мечи. „Роскошна, многочисленна и храбра была испанская конница", продолжаетъ онъ на стр. 89 [1]). Она до половины XIV столѣтія была вооружена по мавританскому обычаю легко: имѣла нагрудники и шишаки (capelinas), мечъ и копье. По принятіи дономъ Педро IV Аррагонскимъ на жалованье французовъ и англичанъ, въ Испаніи водворилось ихъ вооруженіе, и здѣсь конница стала носить шлемъ и панцырь, доспѣхи съ наручниками и набедренниками, боевые мечи, кинжалы и длинныя шпаги".

Фроассаръ приводитъ слѣдующія слова Генриха Кастильскаго [2]): „у меня 7000 воиновъ, каждый на хорошемъ ратномъ конѣ, и всѣ покрыты желѣзомъ; такъ что они не боятся никакого стрѣлка изъ лука. У меня есть еще 20 тысячъ другаго войска, на испанскихъ жеребцахъ, вооруженныхъ съ головы до пятъ; кромѣ того у меня есть 40 тысячъ общинныхъ солдатъ съ копьями, дротиками и большими щитами".

Изъ этихъ выписокъ можно замѣтить, что въ Испаніи въ XIV столѣтіи существовала рыцарская тяжелая конница, устроенная на манеръ французскихъ hommes d'armes, и легкая конница на манеръ мавританской. „Тяжелой конницы испанцы имѣли гораздо менѣе", пишетъ кн. Голицынъ [3]), „нежели другіе западно-европейскія государства. Въ устройствѣ, вооруженіи и образѣ дѣйствій она сходствовала съ французскими ордонансъ-ротами и соперничествовала съ ними въ наѣздничествѣ, искусствѣ владѣнія оружіемъ и рыцарской храбрости".

Легкая конница называлась джинетами или женетерами (genetajos, génétaires), отъ кровныхъ андалузскихъ лошадей, на которыхъ они сидѣли и которыхъ мавры называли джинетъ, а испанцы ginesta [4]). Эта конница далеко превосходила современныя французскую и нѣмецкую. Относительно вооруженія джинетовъ встрѣчается разногласіе. Голицынъ говоритъ [5]), что они вмѣсто латъ носили кожаные полукафтаны, подбитые нѣсколькими рядами толстаго холста, и кожаные же щиты, остроконечные внизу, были вооружены кривыми саблями, луками и стрѣлами и длинными легкими дротиками, (sagaye), дѣйствовали же такого рода наѣздничествомъ, которое было въ обычаѣ у мавровъ и другихъ восточныхъ народовъ. Пузыревскій, называя легкую испанскую конницу гинетами, пишетъ [6]), что она носила кольчужныя брони и вооружена была легкими пиками гинетами и мечами.

[1]) Geschichte der Kriegskunst. Ч. I.

[2]) Armures de fer. Froissart, vol I, cap. 240.

[3]) Всеобщ. воен. истор. средн. временъ. Часть 3, стр. 54.

[4]) Suzanne—Histoire de la cavalerie française.

[5]) Тамъ же, стр. 54.

[6]) Часть II, стр. 112.

Копейщикъ начала XVI столѣтія.

Источники: De militia equestri antiqua et n
Hugo. — Costümkunde.

Принимая во вниманіе вышеприведенныя слова короля Кастильскаго о своей конницѣ на испанскихъ жеребцахъ, мы склонны относительно предохранительнаго вооруженія джинетовъ скорѣе согласиться съ Пузыревскимъ; хотя очень можетъ быть, что были отряды разнообразно вооруженные, т. е., одни въ кольчужныхъ латахъ, другіе безъ латъ въ кожаныхъ полукафтанахъ.

Огнестрѣльное оружіе раньше другихъ государствъ начало появляться въ Испаніи, которая заимствовала его отъ мавровъ; раньше другихъ войскъ оно появилось въ конницѣ и первоначально заводилось отдѣльными личностями, которые то пріобрѣтали его, то опять бросали, находя его въ бою крайне неудобнымъ. Но при легкой конницѣ сформировались партіи конныхъ стрѣлковъ, вооруженныхъ арбалетами, задолго до Итальянскихъ войнъ и извѣстныхъ подъ названіемъ карабеновъ (carabins). Карабены набирались большею частью изъ басковъ и гасконцевъ. Имя свое они получили отъ арабскаго слова карабъ, означающее вообще оружіе. Карабены были конные и пѣшіе.

Правильное устройство и организацію карабены получили при Фердинандѣ Католикѣ, въ 1497. Онъ приказалъ пятую часть легкой конницы преобразовать въ стрѣлковъ изъ арбалета. Всѣ эти стрѣлки получили предохранительное вооруженіе изъ шлема или каски, панцыря и кольчуги.

Карабены строились на флангѣ джинетовъ въ нѣсколько шеренгъ. При встрѣчѣ съ непріятелемъ они подскакивали къ его фронту, давали залпы шеренгами и потомъ скрывались за джинетами. Если-же и у непріятеля были свои карабены [1]), то они нападали на нихъ въ разсыпную и старались мѣшать имъ стрѣлять по легкоконнымъ.

Главную часть французской конницы со временъ Карла VII, какъ извѣстно, составляли ордонансовыя роты, которыя до такой степени сдѣлались во Франціи популярными, что вся знать считала за честь служить, а тѣмъ болѣе, командовать этими ротами. Чтобы удовлетворить этому честолюбію, короли увеличили число ордонансовыхъ ротъ, уменьшая ихъ составъ. Такимъ образомъ были роты въ 30, 50, 60 и 100 копій, капитанами которыхъ числились разные принцы, коннетабли и другія высокопоставленныя лица, нерѣдко еще въ пеленкахъ зачисленныя капитанами и никогда своими ротами не командовавшіе. Настоящими же командирами, которые занимались ротами и въ мирное время и водили ихъ въ бой, были поручики этихъ ротъ, храбрые, испытанные дворяне, прошедшіе черезъ всѣ должности ротъ, пажа, стрѣлка, жандарма и знаменщика. Вслѣдствіе этого явились двѣ каттегоріи капитановъ, капитаны номинальные или шефы и настоящіе капитаны ротъ, изъ которыхъ впослѣдствіи, благодаря ихъ опыту, вырабатывались талантливые предводители войскъ, какъ Баярдъ, Тюреннъ и другіе.

[1]) Во Франціи также были карабены, какъ увидимъ ниже.

Ордонансовыя роты содержали въ себѣ тяжелую и легкую конницу, жандармовъ и стрѣлковъ. Такъ было до Итальянскихъ войнъ, измѣнился только составъ копья, а именно, вмѣсто шести человѣкъ его составляли восемь: два жандарма, отвѣчающіе другъ за друга, при каждомъ по одному стрѣлку, оруженосцу и пажу. Но во время Итальянскихъ войнъ стрѣлковъ отдѣлили отъ жандармовъ и составили изъ тѣхъ и другихъ самостоятельныя роты тяжелой и легкой конницы. Формированіе легкой конницы въ отдѣльныя части было сдѣлано въ подражаніе итальянской и испанской конницамъ.

Но такъ какъ легкой конницы у французовъ оказывалось мало, только 10 ротъ, по 100 всадниковъ, т. е., тысяча человѣкъ, то Людовикъ XIII принялъ на французскую службу легкую албанскую конницу или страдіотовъ, объ устройствѣ которыхъ мы будемъ говорить при описаніи итальянской конницы. Въ 1507 году, во время осады Генуи, у Людовика XIII было 2000 страдіотовъ, подъ командою капитана Меркуріо. Два года спустя Георгъ Кастріото привелъ ему 400 мавританскихъ всадниковъ, которые, дополненные французами до тысячнаго состава, названы были новыми ротами легкой конницы. Люди новыхъ ротъ были вооружены копьями и назначались для дѣйствій противъ испанскихъ джинетовъ. Въ 1530 году Францискъ I повелѣлъ дать лошадей всѣмъ стрѣлкамъ изъ лука (archers), вслѣдствіе чего легкая конница еще болѣе увеличилась и получила разныя подраздѣленія и названія опять въ подражаніе иностраннымъ конницамъ. Такимъ образомъ въ арміи Генриха II, собранной въ 1552 году подъ Мецемъ, въ составѣ конницы, кромѣ жандармовъ, были роты конныхъ стрѣлковъ (archers), аргулеты, албанцы или страдіоты, пистольеры или рейтары и конные аркебузѣры. Въ промежутокъ времени отъ 1512 года до Генриха существовали во французской конницѣ женетеры (génétaires), а при Генрихѣ III аргулеты переименованы были въ карабинеровъ.

Всю эту разнообразную по своимъ названіямъ легкую конницу можно раздѣлить на двѣ каттегоріи: конныхъ стрѣлковъ и легкихъ копейщиковъ или шеволежеровъ (cheveau-légers), какъ ихъ вообще называли. Но это подраздѣленіе существовало только до конца XVI столѣтія, когда вся французская конница, отбросивъ пики, вооружилась огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Вооруженіе французской конницы во время итальянскихъ войнъ было слѣдующее: каждый жандармъ долженъ былъ имѣть двѣ хорошія строевыя лошади и вооруженъ кирасами, шлемомъ (armet), большими наручниками, наплечниками, латами для ногъ, хорошимъ крѣпкимъ копьемъ и щитомъ. Всадники легкой конницы имѣли по одной лошади и вооружены были металлическими нагрудниками (corselet), наручниками или рукавами изъ желѣзныхъ колецъ и шишакомъ (morion). Нападательное оружіе стрѣлковъ заключалось во время царствованія Людовика XII еще въ лукахъ и арбалетахъ; потомъ они вооружались петриналями съ упо-

Исторія конницы
М. Маркова.

Жандармъ Ордонансовыхъ ротъ XVI столѣтія.

Источники: Histoire du costume
en France Quicherat.

Первая регулярная конница, учрежденная Максимиліяномъ по примѣру ордонансовыхъ ротъ, называлась кириссерами (Kirisseren) [1]) или вѣрнѣе кирасирами [2]). Максимиліянъ привлекъ нѣсколько молодыхъ изъ лучшихъ фамилій рыцарей на свою службу за жалованье, поручилъ имъ навербовать конныхъ людей и составилъ 4 дружины (Faehnlein), каждую изъ 25 кирасировъ и соотвѣтствующаго числа хорошо вооруженныхъ слугъ. Въ каждой дружинѣ было три офицера: гауптманъ, поручикъ и прапорщикъ (знаменщикъ), которыхъ назначалъ самъ императоръ изъ лучшаго дворянства Австріи. Всѣ прочіе 100 кирасиръ также были дворяне. Каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть полный панцырь, коня въ латахъ, одного коннаго стрѣлка съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, двухъ полупикинеровъ и трехъ оруженосцевъ, изъ нихъ одинъ изъ дворянъ. Это составляло, по примѣру ордонансовыхъ ротъ, глѣвъ или копье.

Каждая дружина или рота, вмѣстѣ съ нестроевыми, состояла изъ 200 до 250 всадниковъ тяжелой и легкой конницы, изъ которыхъ послѣдніе, т. е., какъ стрѣлки, такъ и слуги носили шлемы и половинныя брони [3]).

Со вступленіемъ на престолъ Карла V число стрѣлковъ было увеличено: на каждаго кирасира полагалось отъ 4 до 9 стрѣлковъ.

Вслѣдъ затѣмъ стрѣлки были отдѣлены въ особыя роты съ особымъ капитаномъ и прочими офицерами; а такъ какъ тяжеловооруженнымъ всадникамъ также разрѣшалось составлять отдѣльные отряды, то въ скоромъ времени описываемая конница раздѣлилась на роты кирасировъ, копейщиковъ или пикинеровъ и стрѣлковъ, причемъ кирасиры вооружились пистолетами и аркебузами, отказавшись отъ пикъ.

Всѣ роты имѣли свой штандартъ, носимый прапорщикомъ или фенрихомъ, и состояли въ административномъ отношеніи подъ общимъ наблюденіемъ полковника, который считался помощникомъ генерала отъ кавалеріи. Составъ ротъ былъ не одинаковъ. Изъ слѣдующаго перечня содержанія различныхъ чиновъ можно уяснить себѣ до нѣкоторой степени составъ ротъ.

Полковникъ получалъ ежемѣсячно 400 гульденовъ.

Для него содержалось 8 тѣлохранителей, и каждый изъ нихъ получалъ 8 гульденовъ.

Подполковникъ получалъ ежемѣсячно 100 гульденовъ.

Для него и для каждаго ротмистра имѣлось 2 тѣлохранителя съ платою по 8 гульденовъ.

Вахмистръ, провіантмейстеръ и квартирмейстеръ получали каждый по 40 гульденовъ.

---

[1]) Кн. Голицынъ, тамъ же, стр. 62.
[2]) Hoyer. Geschichte der Kriegskunst, Erster Band, s. 162.
[3]) Hoyer. Тамъ же, стр. 163.

Изъ этого можно заключить, что страдіоты подраздѣлялись на копейщиковъ и стрѣлковъ. Но никогда страдіоты не составляли постояннаго войска и по окончаніи войны возвращались на родину.

Глава 2-я.

Образъ дѣйствій конницы въ бою. Понятіе объ устройствѣ и тактикѣ пѣхоты въ войнахъ конца XV и XVI столѣтій. Боевые порядки. Гонзальвъ Кордуанскій. Сраженія при Черинъолѣ и Гарильяно. Ничтожное значеніе огнестрѣльнаго оружія въ началѣ XVI столѣтія. Вліяніе дѣйствій артиллеріи въ сраженіи при Равеннѣ. Сраженіе при Мариньяно. Баярдъ.

Мы уже упоминали, что тяжелая конница, т. е., жандармы и рыцари въ войнахъ XV и частью XVI столѣтій держались прежняго образа дѣйствіи въ бою и атаковали разомкнутыми линіями (en haye).

„Если свойство мѣстности,“ говоритъ Монгомери, [1]) „не дозволяло большимъ ротамъ развернуться въ одну линію, тогда копья ставили въ нѣсколько линій, одну за другою въ разстояніи 40 шаговъ для того, чтобы во время атаки онѣ не мѣшали другъ другу.“

Легкая конница еще въ XV столѣтіи перешла къ глубокому строю. Не образуя собственно полковъ, легкая конница дѣлилась на роты или корнеты, которые въ XVI столѣтіи иногда стали соединять въ эскадроны. Испанскіе джинеты строились обыкновенно поротно въ 25, 50 до 80 человѣкъ каждая. Филиппъ II во всей легкой испанской конницѣ ввелъ раздѣленіе поротно въ 50 всадниковъ подъ командою капитана, называвшагося quadrillero [2]). При каждой ротѣ легкой конницы всегда состояло извѣстное число конныхъ стрѣлковъ. Они дѣйствовали въ разсыпную или шеренгами впереди фронта легкихъ копейщиковъ. Въ XVI столѣтіи мы находимъ ихъ вооруженными, кромѣ аркебузъ или карабиновъ, еще двумя постолетами.

Отдѣльныя роты конныхъ стрѣлковъ также строились поротно въ глубокомъ строѣ, въ зависимости отъ хода усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія.

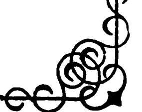
Нѣмецкіе кирасиры сначала ихъ появленія, въ подражаніе жандармамъ, также строились en haye, но скоро перешли къ глубокимъ построеніямъ. Гойеръ пишетъ, [3]) что германцы начали строить свои эскадроны клинообразно, такъ что послѣдняя шеренга была на двѣ трети или вдвое длиннѣе первой. Но подобное

---

[1]) Montgomeri. L'ordre de la cavalerie, pag. 103.

[2]) Hoyer. Zurita, hist. del Rey Hernando el Chatolico. Lib. 3.

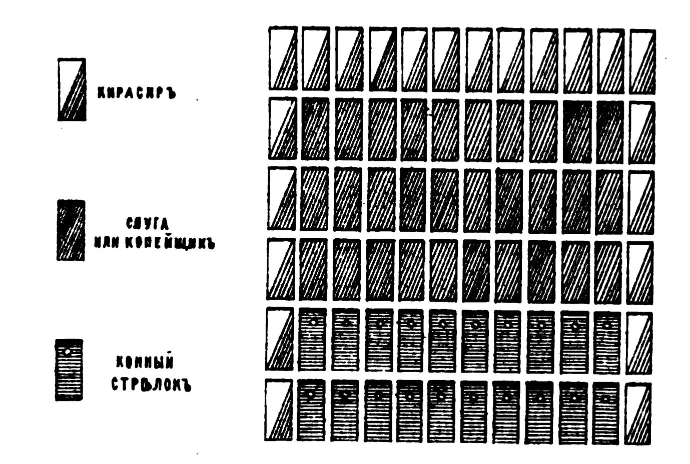
[3]) Kriegsbuch, I Theil, Fol 92; II Theil, Fol. 93.

построеніе по многимъ неудобствамъ было брошено и замѣнено четырехугольнымъ. Всадники съ копьями и въ полномъ вооруженіи становились въ переднія шеренги и на флангахъ ихъ; за ними строились слуги и всадники носившіе не полное вооруженіе; и наконецъ конные стрѣлки. Но иногда тяжело вооруженные, какъ было замѣчено въ предыдущей главѣ, формировали отдѣльные отряды и строились сзади другихъ всадниковъ въ резервѣ. Тогда рота или эскадронъ раздѣлялся на двѣ части, кирасировъ и копейщиковъ съ придачею къ каждой соотвѣтствовавшаго количества конныхъ стрѣлковъ.

По мѣрѣ распространенія и усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, подобно тому, какъ дѣлалось въ испанской конницѣ и у албанцевъ, къ каждой кирасирской ротѣ, независимо отъ стрѣлковъ изъ арбалетовъ, придавали конныхъ пищальниковъ, которые передъ боемъ выстраивались впереди ротъ и завязывали съ непріятелемъ одиночный огонь, а передъ атакою уходили за роты или эскадроны.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СТРОЙ
КИРАСИРОВЪ И РЕЙТАРОВЪ
послѣ перехода къ глубокому порядку.

Относительно кирасировъ, когда они бросили пики и вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ, Пузыревскій приводитъ слѣдующую выдержку изъ сочиненія Мельцо [1]). „Кирасиры должны всегда слѣдовать за копейщиками, чтобы воспользоваться тѣми промежутками, которые послѣдніе образуютъ въ рядахъ противника. Кирасиры могутъ въ извѣстной мѣрѣ, дѣйствовать на мѣстности неровной и на почвѣ мягкой; они также не нуждаются въ лошадяхъ лучшей породы, и всякій, имѣющій соотвѣтствующее вооруженіе, можетъ пріобрѣсти необходимую для этой службы ловкость и умѣніе. Кирасиры двигаются въ атаку рысью,

[1]) Regole militari—sopra il governo della—cavaleria.

ромъ въ грудь и, наконецъ, аркебузами. Изъ холоднаго оружія стрѣлки носили охотничій ножъ (épieu). Шеволежеры имѣли такое же вооруженіе, кромѣ метательнаго, вмѣсто котораго они имѣли пики или копья.

Королевскимъ указомъ 12 ноября 1549 года установлены были размѣры содержанія въ конницѣ. Каждый жандармъ получалъ въ годъ 400 ливровъ, квартермистръ (maréchal des logis) въ добавокъ къ этому еще 100 ливровъ, прапорщикъ или знаменщикъ 200 ливровъ, поручикъ 400 и капитанъ 800, не принимая въ расчетъ суммъ, отпускаемыхъ въ распоряженіе послѣдняго на содержаніе роты.

Каждый стрѣлокъ получалъ 200 ливровъ. Роты легкой конницы приравнены были по содержанію къ стрѣлкамъ ордонансовыхъ ротъ, т. е., простой всадникъ получалъ 200 ливровъ, а офицеры получали на 200 ливровъ меньше офицеровъ жандармеріи.

Остается еще сказать объ ополченіяхъ. Ленное и коммуніальное ополченія (arrière ban) дворянства, если въ случаѣ надобности его призывали къ оружію, организовалось въ роты по образцу ротъ легкой конницы, къ которымъ приравнивалось и по содержанію.

„Военное устройство германской имперіи“, говоритъ кн. Голицынъ [1] „до самыхъ временъ Максимиліяна I (1493) находилось въ жалкомъ состояніи упадка. Причиною этому было то, что оно все еще по прежнему было основано на ленной военной повинности множества имперскихъ князей, большихъ и малыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей, вассаловъ и подвассалловъ, и имперскихъ вольныхъ и всякихъ другихъ городовъ. Даже въ случаѣ важныхъ и необходимыхъ общеоборонительныхъ войнъ, императорамъ было крайне трудно убѣждать этихъ ленныхъ владѣтелей идти лично на войну съ своими ленными войсками и собирать необходимое число послѣднихъ. Словомъ всѣ недостатки феодально-рыцарскаго военнаго устройства, отживавшаго свое послѣднее время, достигли въ эти $1\frac{1}{2}$ вѣка въ обширной, но крайне раздробленной и разъединенной германской имперіи, высшей степени, и тщетны были всѣ мѣры, принимаемыя для того, чтобы помочь этому.“

Эти обстоятельства были главнѣйшею причиною неудачъ германцевъ какъ въ войнахъ съ швейцарцами, такъ и особенно въ гусситскихъ войнахъ.

Императоръ Максимиліянъ I произвелъ многія усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ нѣмцевъ какъ въ отношеніи введенія бо̀льшаго порядка, такъ и въ учрежденіи новыхъ войскъ, болѣе соотвѣтствовавшихъ требованіямъ военнаго искусства. Ему принадлежитъ первоначальное устройство постоянныхъ войскъ по примѣру ордонансовыхъ ротъ; въ его-же царствованіе получаютъ извѣстность ланцкнехты, наемная пѣхота, пріобрѣвшая себѣ первоначально громкую славу.

---

[1]) Всеоб. воен. исторія сред. вѣковъ, ч. 3, стр. 56.

Первая регулярная конница, учрежденная Максимиліаномъ по примѣру ордонансовыхъ ротъ, называлась кириссерами (Kirisseren) [1]) или вѣрнѣе кирасирами [2]). Максимиліанъ привлекъ нѣсколько молодыхъ изъ лучшихъ фамилій рыцарей на свою службу за жалованье, поручилъ имъ навербовать конныхъ людей и составилъ 4 дружины (Faehnlein), каждую изъ 25 кирасировъ и соотвѣтствующаго числа хорошо вооруженныхъ слугъ. Въ каждой дружинѣ было три офицера: гауптманъ, поручикъ и прапорщикъ (знаменщикъ), которыхъ назначалъ самъ императоръ изъ лучшаго дворянства Австріи. Всѣ прочіе 100 кирасиръ также были дворяне. Каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть полный панцырь, коня въ латахъ, одного коннаго стрѣлка съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, двухъ полупикинеровъ и трехъ оруженосцевъ, изъ нихъ одинъ изъ дворянъ. Это составляло, по примѣру ордонансовыхъ ротъ, глевъ или копье.

Каждая дружина или рота, вмѣстѣ съ нестроевыми, состояла изъ 200 до 250 всадниковъ тяжелой и легкой конницы, изъ которыхъ послѣдніе, т. е., какъ стрѣлки, такъ и слуги носили шлемы и половинныя брони [3]).

Со вступленіемъ на престолъ Карла V число стрѣлковъ было увеличено: на каждаго кирасира полагалось отъ 4 до 9 стрѣлковъ.

Вслѣдъ затѣмъ стрѣлки были отдѣлены въ особыя роты съ особымъ капитаномъ и прочими офицерами; а такъ какъ тяжеловооруженнымъ всадникамъ также разрѣшалось составлять отдѣльные отряды, то въ скоромъ времени описываемая конница раздѣлилась на роты кирасировъ, копейщиковъ или пикинеровъ и стрѣлковъ, причемъ кирасиры вооружились пистолетами и аркебузами, отказавшись отъ пикъ.

Всѣ роты имѣли свой штандартъ, носимый прапорщикомъ или фенрихомъ, и состояли въ административномъ отношеніи подъ общимъ наблюденіемъ полковника, который считался помощникомъ генерала отъ кавалеріи. Составъ ротъ былъ не одинаковъ. Изъ слѣдующаго перечня содержанія различныхъ чиновъ можно уяснить себѣ до нѣкоторой степени составъ ротъ.

Полковникъ получалъ ежемѣсячно 400 гульденовъ.

Для него содержалось 8 тѣлохранителей, и каждый изъ нихъ получалъ 8 гульденовъ.

Подполковникъ получалъ ежемѣсячно 100 гульденовъ.

Для него и для каждаго ротмистра имѣлось 2 тѣлохранителя съ платою по 8 гульденовъ.

Вахмистръ, провіантмейстеръ и квартирмейстеръ получали каждый по 40 гульденовъ.

---

[1]) Кн. Голицынъ, тамъ же, стр. 62.
[2]) Hoyer. Geschichte der Kriegskunst, Erster Band, s. 162.
[3]) Hoyer. Тамъ же, стр. 163.

ше даетъ. Свои части вербовали они изъ мѣщанъ, поселянъ и даже бродягъ, изъ которыхъ, за исключеніемъ поселянъ, хорошую конницу трудно было сформировать, и нанимались на службу богатыхъ городовъ Италіи.

Еще въ XIV столѣтіи въ Италіи появились наемныя банды, извѣстныя подъ названіемъ кондотьеровъ. Занимаясь сколько войною, столько мародерствомъ и грабежемъ, эти шайки вытѣснили изъ среды своей пѣхоту и представляли изъ себя конныхъ разбойниковъ, весьма разнообразно вооруженныхъ и дѣйствовавшихъ въ разсыпную. Нѣсколько талантливыхъ личностей, являвшихся во главѣ бандъ, съумѣли мало по малу дать имъ правильное устройство, и кондотьеры составили почти исключительную вооруженную силу Италіи. Вожди ихъ служили, безъ разбора партій и дѣла, всякому, кто хотѣлъ ихъ нанять, и стали располагать судьбою мелкихъ владѣній Италіи и даже нерѣдко возвышаться на ея престолы.

По духу тогдашнихъ временъ и кочевому образу жизни кондотьеровъ, главная сила ихъ дружинъ состояла въ конницѣ, которой иногда считалось 20 тысячъ на 2 тысячи пѣхоты. Вооруженіемъ своимъ, раздѣленіемъ и строемъ кондотьеры походили на французскія ордонансовыя роты; но были нѣсколько слабѣе и далеко уступали имъ опытностью и устройствомъ. Подобно жандармамъ ордонансовыхъ ротъ, кондотьеры раздѣлялись на тяжелую конницу и легкую, cavallarmati и cavallegieri или arcoleti. Тяжеловооруженные, которыхъ также называли спеціальными копейщиками, для боя строились какъ и жандармы (en haye). Легкая конница (arcoleti), вооруженная первоначально луками и арбалетами, а потомъ мало по малу и огнестрѣльнымъ оружіемъ, соотвѣтствовала французскимъ коннымъ стрѣлкамъ. Но эти стрѣлки въ Италіи были гораздо раньше собраны въ отдѣльныя роты и перешли къ глубокимъ построеніямъ.

Кромѣ того итальянскія правительства имѣли нерѣдко наемныя конницы изъ иностранцевъ, страдіотовъ или албанцевъ и споресковъ.

Во время итальянскихъ войнъ встрѣчаются названія копейщиковъ, конныхъ стрѣлковъ и страдіотовъ.

Страдіоты или албанцы появились впервые подъ венеціанскими знаменами. Это были большею частью жители окрестностей Наполи-ди-Романи, принадлежавшей Венеціи. Но въ тоже время албанцы встрѣчаются, какъ мы уже упоминали и въ турецкихъ войскахъ, гдѣ изъ нихъ составлялась превосходная конница, извѣстная подъ именемъ дели, подъ предводительствомъ дели-башей.

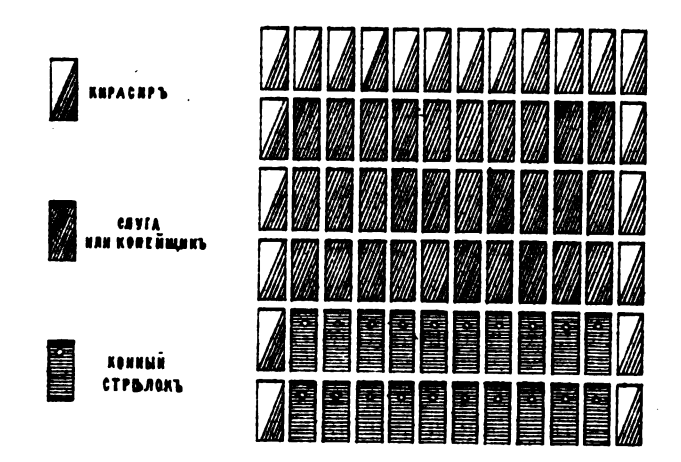
Албанцы сидѣли на легкихъ турецкихъ лошадяхъ въ турецкой одеждѣ, имѣли кольчужные панцыри или латы, желѣзныя рукавицы и желѣзный остроконечный шлемъ или колпакъ. Наступательное оружіе ихъ состояло главнымъ образомъ изъ пики (цагая) въ 10—12 футъ длины съ оковками на обоихъ концахъ; кромѣ того, они носили широкій ятаганъ на боку, а на сѣдлѣ палицу. Пищальники имѣли пищаль [1]).

[1]) Hoyer. Montgomeri. Traité de la milice française, p. 133.

построеніе по многимъ неудобствамъ было брошено и замѣнено четырехугольнымъ. Всадники съ копьями и въ полномъ вооруженіи становились въ переднія шеренги и на флангахъ ихъ; за ними строились слуги и всадники носившіе не полное вооруженіе; и наконецъ конные стрѣлки. Но иногда тяжело вооруженные, какъ было замѣчено въ предыдущей главѣ, формировали отдѣльные отряды и строились сзади другихъ всадниковъ въ резервѣ. Тогда рота или эскадронъ раздѣлялся на двѣ части, кирасировъ и копейщиковъ съ придачею къ каждой соотвѣтствовавшаго количества конныхъ стрѣлковъ.

По мѣрѣ распространенія и усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, подобно тому, какъ дѣлалось въ испанской конницѣ и у албанцевъ, къ каждой кирасирской ротѣ, независимо отъ стрѣлковъ изъ арбалетовъ, придавали конныхъ пищальниковъ, которые передъ боемъ выстраивались впереди ротъ и завязывали съ непріятелемъ одиночный огонь, а передъ атакою уходили за роты или эскадроны.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СТРОЙ
КИРАСИРОВЪ И РЕЙТАРОВЪ
послѣ перехода къ глубокому порядку.

Относительно кирасировъ, когда они бросили пики и вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ, Пузыревскій приводитъ слѣдующую выдержку изъ сочиненія Мельцо [1]. „Кирасиры должны всегда слѣдовать за копейщиками, чтобы воспользоваться тѣми промежутками, которые послѣдніе образуютъ въ рядахъ противника. Кирасиры могутъ въ извѣстной мѣрѣ, дѣйствовать на мѣстности неровной и на почвѣ мягкой; они также не нуждаются въ лошадяхъ лучшей породы, и всякій, имѣющій соотвѣтствующее вооруженіе, можетъ пріобрѣсти необходимую для этой службы ловкость и умѣніе. Кирасиры двигаются въ атаку рысью,

[1] Regole militari—sopra il governo della—cavaleria.

История конницы
М. Маркова.

Кирасиръ и аркебузёръ XVI столѣтія.

Источники: De militia equestr antiqua et nova Hugo, Walhausen и атласъ Пузыревскаго.

ТИПО ЛИТ КУШНЕ

не нуждаются въ значительномъ пространствѣ; поэтому ихъ можно соединять въ значительныя плотныя массы, силою отъ 300 до 400 человѣкъ".

„Относительно копейщиковъ", продолжаетъ Пузыревскій, „австрійскій генералъ Георгъ Васта замѣчаетъ, что для успѣха прорыва непріятельскаго строя копьями необходимы лучшія и сильнѣйшія лошади. Копейщики должны въ бою слѣдовать за стрѣлками, чтобы броситься на противника съ фронта и фланговъ, когда послѣдніе произведутъ безпорядокъ въ его строѣ. Для успѣшнаго дѣйствія копейщиковъ необходимы: 1) открытая мѣстность и твердая почва, чтобы атаковать быстрымъ аллюромъ; 2) отличныхъ качествъ лошади; 3) искусное владѣніе копьемъ; 4) раздѣленіе копейщиковъ на небольшія части человѣкъ въ 30, такъ какъ при большихъ массахъ трудно удержать ровный и быстрый аллюръ и порядокъ при атакѣ; съ 50—60 шаговъ слѣдуетъ бросаться на непріятеля въ карьеръ".

По примѣру нѣмцевъ, тяжелая конница испанцевъ, итальянцевъ и бургундцевъ перешла къ глубокому строю эскадроновъ и ротъ; но французскіе жандармы всю первую половину XVI столѣтія продолжали дѣйствовать линіями. Во время гугенотскихъ войнъ, именно въ сраженіи при Монконтурѣ (1569 г.), какъ говоритъ Гойеръ, впервые французскіе жандармы построены были глубокими эскадронами.

Мы замѣтили, что къ каждой кавалерійской части старались придать нѣкоторое число конныхъ стрѣлковъ, которые выѣзжали впередъ, прикрывали построеніе войскъ, завязывали съ непріятелемъ перестрѣлку и старались его разстроить передъ производствомъ копейщиками атаки. Когда огнестрѣльное оружіе распространилось во всей конницѣ, тогда каждая рота стрѣлковъ могла уже изъ себя выдѣлять для этихъ цѣлей цѣлыя шеренги, а копейщики, жандармы и кирасиры становились большею частью во вторую линію или въ резервъ подъ прикрытіемъ конныхъ стрѣлковъ или пѣхоты.

Роты конныхъ стрѣлковъ назначались, слѣдовательно, для дѣйствія вмѣстѣ съ пѣхотою въ подготовительномъ періодѣ боя огнемъ и преимущественно передъ другими родами конницы для дѣйствій на театрѣ войны: для развѣдыванія, партизанскихъ дѣйствій, прикрытія отступленія войскъ и преслѣдованія; они же назначались для сопровожденія транспортовъ, охраненія аванпостами лагерей; для захвата мостовъ, тѣснинъ и другихъ важныхъ позицій, куда пѣхота по медленности движенія поспѣть скоро не можетъ.

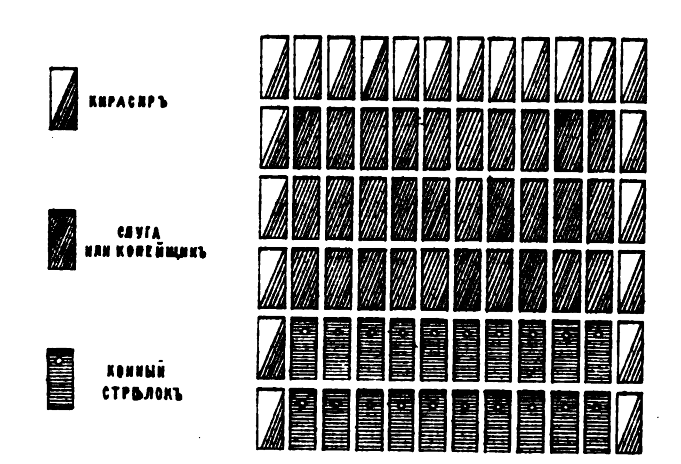
Теперь постараемся познакомиться въ общихъ чертахъ съ устройствомъ и образомъ дѣйствій пѣхоты.

Во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI столѣтій въ европейской пѣхотѣ пріобрѣли особенную извѣстность швейцарцы, гусситы, французскіе вольные стрѣлки, а потомъ особенно ланцкнехты и испанская пѣхота. Швейцарцы и гусситы, послѣ своихъ удачныхъ войнъ противъ феодальныхъ армій, пріобрѣли себѣ такую славу, что многія государства начали нанимать изъ нихъ цѣлыя бан-

построеніе по многимъ неудобствамъ было брошено и замѣнено четырехугольнымъ. Всадники съ копьями и въ полномъ вооруженіи становились въ переднія шеренги и на флангахъ ихъ; за ними строились слуги и всадники носившіе не полное вооруженіе; и наконецъ конные стрѣлки. Но иногда тяжело вооруженные, какъ было замѣчено въ предыдущей главѣ, формировали отдѣльные отряды и строились сзади другихъ всадниковъ въ резервѣ. Тогда рота или эскадронъ раздѣлялся на двѣ части, кирасировъ и копейщиковъ съ придачею къ каждой соотвѣтствовавшаго количества конныхъ стрѣлковъ.

По мѣрѣ распространенія и усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, подобно тому, какъ дѣлалось въ испанской конницѣ и у албанцевъ, къ каждой кирасирской ротѣ, независимо отъ стрѣлковъ изъ арбалетовъ, придавали конныхъ пищальниковъ, которые передъ боемъ выстраивались впереди ротъ и завязывали съ непріятелемъ одиночный огонь, а передъ атакою уходили за роты или эскадроны.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СТРОЙ
КИРАСИРОВЪ И РЕЙТАРОВЪ
послѣ перехода къ глубокому порядку.

Относительно кирасировъ, когда они бросили пики и вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ, Пузыревскій приводитъ слѣдующую выдержку изъ сочиненія Мельцо [1]. „Кирасиры должны всегда слѣдовать за копейщиками, чтобы воспользоваться тѣми промежутками, которые послѣдніе образуютъ въ рядахъ противника. Кирасиры могутъ въ извѣстной мѣрѣ, дѣйствовать на мѣстности неровной и на почвѣ мягкой; они также не нуждаются въ лошадяхъ лучшей породы, и всякій, имѣющій соотвѣтствующее вооруженіе, можетъ пріобрѣсти необходимую для этой службы ловкость и умѣніе. Кирасиры двигаются въ атаку рысью,

[1]) Regole militari—sopra il governo della—cavaleria.

аркебузеровъ, которые должны были стрѣльбою разстроить непріятеля и тѣмъ облегчить конницѣ пораженіе его. „Подобное размѣщеніе пѣшихъ стрѣлковъ“, говоритъ Гойеръ, „вызывалось все болѣе и болѣе увеличивающеюся толщиною доспѣховъ, такъ какъ пули короткаго огнестрѣльнаго оружія пищальниковъ не могли ихъ пробивать“. Въ битвѣ при Гревелингенѣ, вѣроятно, съ этою же цѣлью французская конница размѣщена была между орудіями артиллеріи (шесть пушекъ и три фальконета), пѣшіе же стрѣлки стояли на обоихъ крыльяхъ. Позади всѣхъ войскъ ставили иногда въ резервѣ часть тяжелой конницы или пѣхоты.

Артиллерію соединяли въ одну или нѣсколько батарей и ставили на одномъ или нѣсколькихъ важнѣйшихъ пунктахъ боевой линіи, отсылая подъемныхъ лошадей и воловъ, на которыхъ она перевозилась, назадъ въ вагенбургъ. Дѣйствія артиллеріи при Равеннѣ, гдѣ она, подъ руководствомъ герцога Феррарскаго, чрезвычайно удачно перемѣнила позицію, составляютъ исключеніе.

При совершеніи походныхъ движеній, войска раздѣлялись на авангардъ, главныя силы, и арьергардъ; каждая часть состояла изъ пѣхоты и конницы. Конные и пѣшіе стрѣлки дѣлились на двѣ части. Обозы шли сзади подъ прикрытіемъ конныхъ стрѣлковъ. Противъ непріятеля, имѣвшаго превосходную числомъ конницу, какъ напр. противъ турокъ, войска слѣдовали обыкновенно подъ прикрытіемъ съ четырехъ сторонъ вагенбурга, имѣя артиллерію впереди и сзади. Въ концѣ XVI вѣка принято было, чтобы на походѣ мушкетеры шли впереди пикинеровъ, а тяжелая конница впереди легкой. Карабинеры составляли авангардъ, арьергардъ и боковые патрули.

Передъ сближеніемъ съ непріятельскою арміей лагкая конница съ обѣихъ сторонъ производила схватки, подъ прикрытіемъ которыхъ выдвигалась артиллерія, и выстраивались баталіоны. Когда боевой порядокъ былъ построенъ, легкая конница уходила на назначенное ей мѣсто, а впередъ высылались отъ пѣхоты скороходы или охотники (у французовъ), которые изъ разомкнутаго строя открывали перестрѣлку. Съ увеличеніемъ количества стрѣлковъ при баталіонахъ, стали для перестрѣлки высылать аркебузеровъ, а потомъ мушкетеровъ.

Перестрѣлка эта обыкновенно кончалась ничѣмъ. Артиллерія имѣла больше значенія вслѣдствіе чрезвычайно глубокихъ построеній пѣхоты и конницы. Но польза ея главнымъ образомъ обнаруживается уже въ первой четверти XVI столѣтія, когда артиллерія пріобрѣла бóльшую подвижность. Въ XV столѣтіи, хотя она и употреблялась, какъ напримѣръ въ швейцарскихъ и столѣтней войнахъ; но, какъ мы видѣли, дѣйствія ея были совершенно незамѣтны.

Послѣ перестрѣлки пѣхота въ громадныхъ массахъ, въ перемѣшку съ конницей, шла въ атаку, и общими силами, большею частью фронтальнымъ столкновеніемъ, рѣшали бой. Преслѣдованіе производилось, какъ объ этомъ мы уже говорили, конными стрѣлками при поддержкѣ пикинеровъ и кирасировъ.

ды на службу. Французскіе вольные стрѣлки, вооруженные луками, арбалетами и частью пиками были сформированы Карломъ VII черезъ три года послѣ ордонансовыхъ ротъ изъ сельскаго населенія.—Сверхъ того во Франціи были вербованныя пѣшія банды или дружины бригандовъ и авантюрьеровъ, неотличавшихся боевымъ устройствомъ и дисциплиной.

Недостатокъ хорошей пѣхоты въ феодальныхъ войскахъ побудилъ въ Германіи людей бѣднаго состоянія, которые не могли служить въ конницѣ, соединяться, составлять пѣшія дружины, вооруженныя пиками, мечами, кинжалами и наниматься на службу за жалованье тамъ, гдѣ въ нихъ была надобность. Таково было происхожденіе ландскнехтовъ, которое относятъ ко времени Максимиліана I. Дружины ландскнехтовъ славились первоначально своимъ устройствомъ, порядкомъ и дисциплиной и нерѣдко имѣли особыя названія. Замѣчательнѣйшею была черная дружина, которая прослужила почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, наконецъ, находясь въ службѣ Франціи, была истреблена въ сраженіи при Павіи.

„Еще бо̀льшую славу пріобрѣла себѣ храбростью, искусствомъ и дисциплиной испанская пѣхота во время итальянскихъ войнъ подъ предводительствомъ Гонзальва Кордуанскаго и во время нидерландскихъ войнъ подъ начальствомъ Герцога Альба и герцога Пармскаго Александра Фарнезе.

Въ половинѣ XVI вѣка арбалеты, сохранявшіеся всего долѣе во Франціи и Англіи, исчезли совершенно. Пѣхота была уже вооружена только пиками, аллебардами и огнестрѣльнымъ оружіемъ и дѣлилась на пикинеровъ и аркебузеровъ; а съ введеніемъ мушкетовъ аркебузеры стали называться мушкетерами.

Пѣхота въ бою строилась глубокими массами въ видѣ квадратовъ и паралеллограмовъ, ядро которыхъ составляли пикинеры, а мушкетеры окружали ихъ, составляя переднія и заднія шеренги и фланговые ряды. Кромѣ того, мушкетеры формировали стрѣлковыя крылья, располагаясь также квадратами по сторонамъ строя пикенеровъ. Квадраты пикинеровъ назывались баталіонами, баталіями, или терціями.

Арміи первоначально дѣлились на равносильныя части: авангардъ, главныя силы и арьергардъ; каждую изъ такихъ частей, кромѣ конницы, составлялъ баталіонъ. По этой причинѣ испанцы и называли баталіонъ терціею, т. е., треть арміи.

Конница въ общемъ боевомъ порядкѣ съ другими войсками въ теченіе первой четверти XVI вѣка, какъ извѣстно, большею частію дѣйствовала впереди пѣхоты, которая за исключеніемъ англійскихъ стрѣлковъ только поддерживала конницу. Во второй четверти пѣхота играетъ равносильную, если даже не бо̀льшую роль сравнительно съ конницею. Съ половины XVI столѣтія кавалерійскія части очень часто становятся между пѣхотными баталіями или терціями для взаимнаго содѣйствія при атакѣ. Между тяжелою конницею нерѣдко располагали пѣшихъ

аркебузеровъ, которые должны были стрѣльбою разстроить непріятеля и тѣмъ облегчить конницѣ пораженіе его. „Подобное размѣщеніе пѣшихъ стрѣлковъ", говоритъ Гойеръ, „вызывалось все болѣе и болѣе увеличивающеюся толщиною доспѣховъ, такъ какъ пули короткаго огнестрѣльнаго оружія пищальниковъ не могли ихъ пробивать". Въ битвѣ при Гревелингенѣ, вѣроятно, съ этою же цѣлью французская конница размѣщена была между орудіями артиллеріи (шесть пушекъ и три фальконета), пѣшіе же стрѣлки стояли на обоихъ крыльяхъ. Позади всѣхъ войскъ ставили иногда въ резервѣ часть тяжелой конницы или пѣхоты.

Артиллерію соединяли въ одну или нѣсколько батарей и ставили на одномъ или нѣсколькихъ важнѣйшихъ пунктахъ боевой линіи, отсылая подъемныхъ лошадей и воловъ, на которыхъ она перевозилась, назадъ въ вагенбургъ. Дѣйствія артиллеріи при Равеннѣ, гдѣ она, подъ руководствомъ герцога Феррарскаго, чрезвычайно удачно перемѣнила позицію, составляютъ исключеніе.

При совершеніи походныхъ движеній, войска раздѣлялись на авангардъ, главныя силы, и арьергардъ; каждая часть состояла изъ пѣхоты и конницы. Конные и пѣшіе стрѣлки дѣлились на двѣ части. Обозы шли сзади подъ прикрытіемъ конныхъ стрѣлковъ. Противъ непріятеля, имѣвшаго превосходную числомъ конницу, какъ напр. противъ турокъ, войска слѣдовали обыкновенно подъ прикрытіемъ съ четырехъ сторонъ вагенбурга, имѣя артиллерію впереди и сзади. Въ концѣ XVI вѣка принято было, чтобы на походѣ мушкетеры шли впереди пикинеровъ, а тяжелая конница впереди легкой. Карабинеры составляли авангардъ, арьергардъ и боковые патрули.

Передъ сближеніемъ съ непріятельскою арміей лагкая конница съ обѣихъ сторонъ производила схватки, подъ прикрытіемъ которыхъ выдвигалась артиллерія, и выстраивались баталіоны. Когда боевой порядокъ былъ построенъ, легкая конница уходила на назначенное ей мѣсто, а впередъ высылались отъ пѣхоты скороходы или охотники (у французовъ), которые изъ разомкнутаго строя открывали перестрѣлку. Съ увеличеніемъ количества стрѣлковъ при баталіонахъ, стали для перестрѣлки высылать аркебузеровъ, а потомъ мушкетеровъ.

Перестрѣлка эта обыкновенно кончалась ничѣмъ. Артиллерія имѣла больше значенія вслѣдствіе чрезвычайно глубокихъ построеній пѣхоты и конницы. Но польза ея главнымъ образомъ обнаруживается уже въ первой четверти XVI столѣтія, когда артиллерія пріобрѣла бóльшую подвижность. Въ XV столѣтіи, хотя она и употреблялась, какъ напримѣръ въ швейцарскихъ и столѣтней войнахъ; но, какъ мы видѣли, дѣйствія ея были совершенно незамѣтны.

Послѣ перестрѣлки пѣхота въ громадныхъ массахъ, въ перемѣшку съ конницей, шла въ атаку, и общими силами, большею частью фронтальнымъ столкновеніемъ, рѣшали бой. Преслѣдованіе производилось, какъ объ этомъ мы уже говорили, конными стрѣлками при поддержкѣ пикинеровъ и кирасировъ.

Однимъ изъ блистательныхъ военныхъ дѣятелей начала Итальянскихъ войнъ былъ испанскій полководецъ Гонзальвъ Кордуанскій, прозванный великимъ капитаномъ. Съ раннихъ лѣтъ Гонзальвъ отличался пріятною наружностью, изяществомъ, благородствомъ и совершенствомъ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ. На пятнадцатомъ году своей службы онъ успѣлъ уже выказать свое мужество въ сраженіи при Торо противъ португальцевъ; а спустя нѣкоторое время, при осадѣ Тагарры, противъ мавровъ. Въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ противъ мавровъ онъ прославился какъ отличный кавалерійскій начальникъ и какъ дипломатъ. Но въ концѣ XV столѣтія открылось Гонзальву болѣе обширное поприще для славы на итальянскомъ театрѣ войны. Французскій король Карлъ VIII составилъ обширный планъ, изгнать турокъ изъ Европы и возсѣсть на престолъ павшей греческой имперіи, а для этого завоевать сначала неаполитанское королевство, основываясь на наслѣдственныхъ правахъ своихъ на него, и оттуда моремъ переплыть въ Грецію. Преслѣдуя этотъ планъ, Карлъ вторгнулся въ Италію, побѣдоносно прошелъ черезъ Лукку, Пизу, Римъ и 22 февраля 1495 года вступилъ въ Неаполь. Заносчивость французовъ и презрѣніе къ неаполитанскому народу вскорѣ возстановили противъ нихъ и дворянство, и нисшее сословіе; а обида, нанесенная французскимъ королемъ герцогу Миланскому, заставила послѣдняго заключить союзъ съ Венеціею, германскимъ императоромъ Максимиліяномъ I, папою и Испаніею, короля которой Фердинанда Католика просилъ о помощи также и король неаполитанскій. Это обстоятельство заставило Карла спѣшить отступленіемъ во Францію, оставивъ для защиты Неаполя маршала д'Обиньи.

Прибывъ съ 6000 человѣкъ пѣхоты и 600 всадниковъ по повелѣнію своего короля въ Италію, Гонзальвъ былъ слишкомъ слабъ для рѣшительныхъ дѣйствій, и потому онъ началъ малую войну своею конницею при поддержкѣ пѣхоты. Этимъ принудилъ французовъ запереться въ укрѣпленные города, изъ которыхъ нѣсколькими овладѣлъ потомъ, заставилъ д'Обиньи капитулировать и совершенно такимъ образомъ очистилъ неаполитанскія владѣнія отъ французовъ; затѣмъ взялъ приступомъ Остію и торжественно вступилъ въ Римъ.

Послѣ этого похода Гонзальвъ призванъ былъ въ Испанію, гдѣ усмирилъ мавровъ; а потомъ Фердинандъ отправилъ его съ флотомъ и десантнымъ войскомъ изъ 8000 пѣхоты и 1200 конницы въ помощь Венеціи противъ турокъ. Гонзальвъ высадился на берегъ острова Занте и, соединившись съ венеціянцами, осадилъ и взялъ приступомъ Кефалонію; но онъ не могъ продолжать пріобрѣтенные надъ турками успѣхи, такъ какъ, по повеленію Фердинанда, долженъ былъ возвратиться въ Неаполь, чтобы защитить это королевство отъ новаго вторженія французовъ и потомъ обезпечить раздѣленіе его между Фердинандомъ и французскимъ королемъ Людовикомъ XII.

Неаполитанское королевство войсками Гонзальва и Людовика было быстро

„Исторія конницы“
М. Маркова.

Гонзальвъ Кордуанскій.

завоевано и раздѣлено между Франціей и Испаніей; но скоро между обѣими націями возникли несогласія, и обѣ стороны взялись за оружіе.

Возникшая война между Франціей и Испаніей (1501—1503) составляетъ время наибольшей славы испанскихъ войнъ и блистательныхъ дѣйствій испанской конницы. Поэтому постараемся на этомъ времени остановиться нѣсколько подробнѣе.

Оставшись съ небольшимъ войскомъ противъ французовъ, бывшихъ подъ начальствомъ герцога Немурскаго, Гонзальвъ принужденъ былъ запереться въ Барлетту, гдѣ намѣренъ былъ ожидать подкрѣпленій. Нужны были умъ и твердость Гонзальва, чтобы держаться въ продолженіи семи мѣсяцевъ въ небольшомъ городѣ, терпя недостатокъ въ продовольствіи и военныхъ запасахъ; частыя, успѣшныя вылазки, производимыя его конницею, много способствовали къ поддержанію бодрости испанцевъ. Наконецъ прибылъ испанскій флотъ и 2000 нѣмецкихъ ландскнехтовъ, и 28 числа Гонзальвъ рѣшился выйти изъ Барлетты.

Сраженіе при Чериньолѣ 8 апрѣля 1503 года.

Быстро перейдя рѣку Офанто, Гонзальвъ двинулся къ городу Чериньолю и занялъ его. У подошвы горы, на которой построенъ былъ городъ, прорыта была довольно глубокая канава. Воспользовавшись этимъ, онъ велѣлъ вдоль нее тотчасъ насыпать брустверъ и позади его расположилъ войска свои лагеремъ. Французы узнавъ о движеніи Гонзальва тоже выступили изъ Канозы къ Чериньолю, но Гонзальвъ успѣлъ ихъ предупредить быстрымъ походомъ. Онъ посадилъ большую часть пѣхоты на крупы лошадей своей конницы и для общаго примѣра самъ взялъ на свою лошадь нѣмецкаго прапорщика. Всего у Гонзальва было 1800 тяжелой конницы, 500 всадниковъ легкихъ и 4000 пѣхоты.

Герцогъ Немурскій, подойдя къ Чериньолю, остановился. У него было 500 жандармовъ, 1500 всадниковъ легкой конницы и 4000 пѣхоты, которые отъ быстраго перехода по апулійскимъ долинамъ въ знойный апрѣльскій день очень утомились. Поэтому герцогъ намѣревался дать войскамъ отдыхъ и атаковать испанцевъ утромъ. Но предводители французскихъ войскъ рыцарь Ивъ д'Алегръ и Шандье, заранѣе увѣренные въ успѣхѣ, требовали немедленной атаки и, наконецъ, не смотря на то, что день склонялся къ вечеру, успѣли уговорить герцога, и онъ приказалъ начать атаку.

Французы построились въ три группы: правый флангъ составили жандармы, подъ личнымъ начальствомъ герцога, въ центрѣ стали швейцарцы глубокою терціею подъ командою Шандье и на лѣвомъ флангѣ рыцарь Ивъ д'Алегръ съ легкою конницею.

Войска эти по приказанію герцога Немурскаго двинулись въ косвенномъ порядкѣ, уклоняя лѣвый флангъ.

Гонзальвъ построилъ пѣхоту свою за валомъ въ 6 небольшихъ колоннъ отъ 600 до 800 человѣкъ, конницу выдвинулъ впередъ для рекогносцировки и для первой встрѣчи непріятеля. Легкою конницею командовалъ Фабрицій Колонна, впереди котораго съ головнымъ отрядомъ двигался Діего Мендоза. Въ это время неожиданно произошелъ взрывъ, взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребъ, и въ войскахъ испанцевъ произошло замѣшательство. Но присутствіе духа Гонзальва быстро воодушевило солдатъ. „Счастливое предзнаменованіе", вскрикнулъ онъ, „намъ не нужно болѣе снарядовъ, и безъ нихъ побѣда наша".

Между тѣмъ легкая испанская конница, встрѣтивъ французовъ, сцѣпилась съ жандармами и швейцарцами и, уступая силѣ, начала отступать. Поднявшаяся пыль, наступившіе сумерки и высокій укропъ, покрывавшій мѣстность впереди испанскаго лагеря, скрыли отъ французовъ расположеніе войскъ Гонзальва. Жандармы, преслѣдуя испанскихъ легкихъ всадниковъ, налетѣли на канаву и остановились.

Герцогъ, скакавшій во главѣ французовъ, началъ отыскивать переходъ, но, раненый пулею изъ аркебузы, упалъ съ лошади въ ровъ и утонулъ. Жандармы, лишенные предводителя, начали отступать. Вскорѣ за этимъ подоспѣвшіе швейцарцы громадною колонною своею яростно бросились черезъ ровъ и бруствeръ, но, встрѣченные съ разныхъ сторонъ батаĺонами, не могли одолѣть преграды. Пѣхота Гонзальва, вооруженная алебардами, сбрасывала каждаго смѣльчака, достигавшаго бруствера, а аркебузеры старались поражать противниковъ фланговымъ огнемъ. Шандье, который велъ колонну швейцарцевъ, самъ бросился на бруствeръ; но тутъ же былъ убитъ, и это послужило поводомъ къ общему отступленію.

Гонзальвъ тотчасъ приказалъ войскамъ своимъ двинуться впередъ. Пѣхота двинулась съ фронта, а конница, заскакавъ съ обоихъ фланговъ, обратила французовъ въ полнѣйшее бѣгство и гнала до наступленія совершенной темноты. Французы потеряли отъ 3 до 4-хъ тысячъ убитыми и ранеными. Все Неаполитанское королевство, а въ томъ числѣ и столица его городъ Неаполь, покорилось побѣдителю.

Сраженіе при Гарильяно 3 декабря 1503 года.

Пока Гонзальвъ былъ занятъ покореніемъ неаполитанскихъ городовъ, бывшихъ во власти французовъ, французскій король Людовикъ XII сформировалъ новую армію въ 27 тысячъ пѣхоты и 3600 конницы и, подъ начальствомъ Франца Гонзаго, маркграфа Мантуанскаго, двинулъ въ южную Италію. Въ концѣ сентября армія эта еще увеличилась присоединеніемъ войскъ маркграфа Салуццо изъ Гаэты и подошла къ рѣкѣ Гарильяно, за которою стоялъ славный испанскій полководецъ Гонзальвъ съ 9 тысячами пѣхоты и 2 тысячами конницы.

Въ первыхъ числахъ ноября французы устроили мостъ близь устья рѣки, а 9-го Гонзальвъ, послѣ неудачнаго покушенія истребить его, занялъ въ двухъ вер-

стахъ отъ моста, на дорогѣ въ Неаполь, сильно укрѣпленный лагерь, въ тѣснинѣ между болотами. Маркграфъ Мантуанскій, не смѣя атаковать его, прикрылъ мостъ тетъ-де-пономъ и расположилъ свою армію на правомъ берегу Гарильяно, въ томъ предположеніи, что наступленіе осеннихъ дождей, рождающіяся отъ нихъ болѣзни и недостатокъ въ деньгахъ и продовольствіи принудятъ испанцевъ къ отступленію.

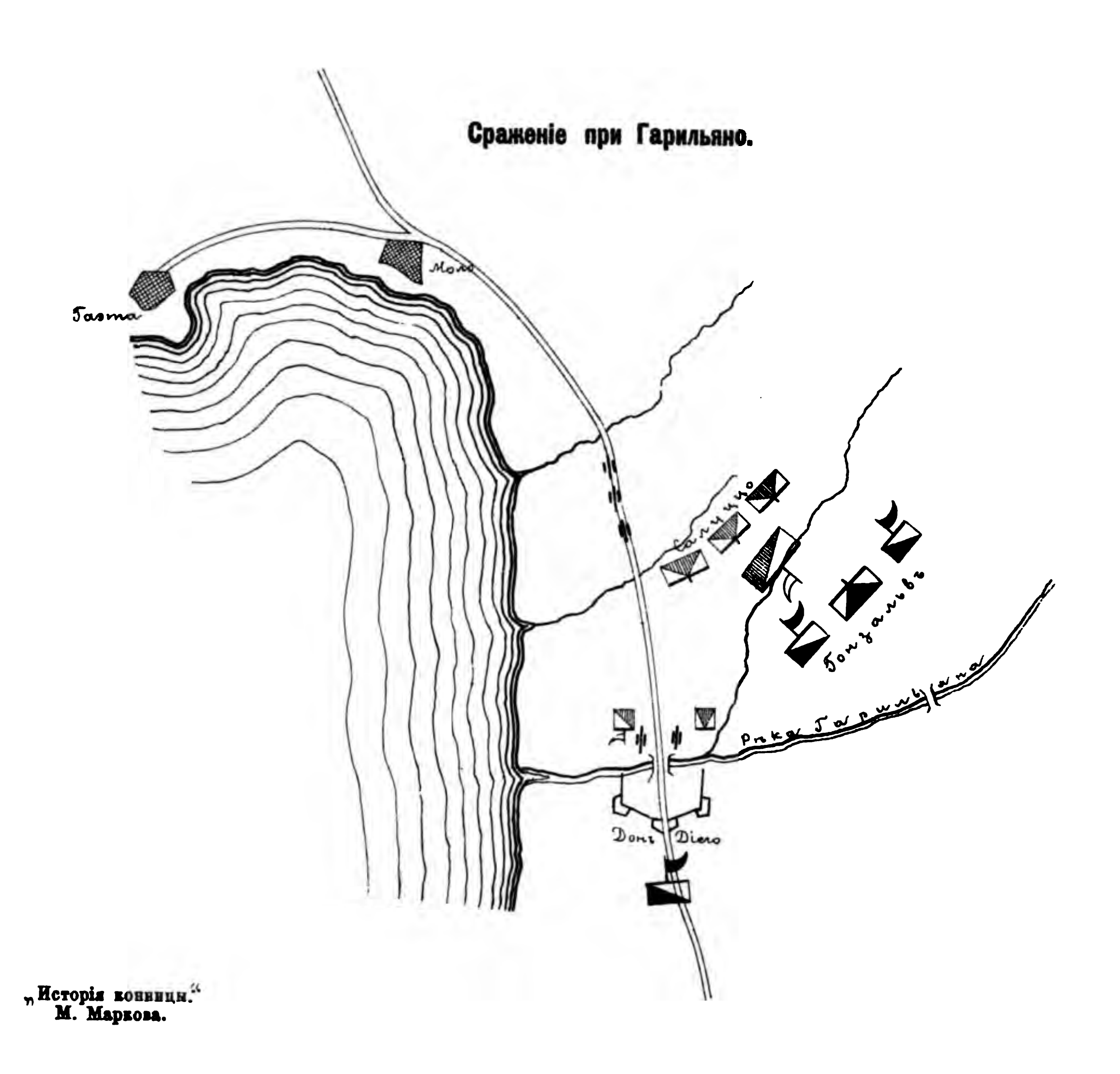
Между тѣмъ армія Гонзальва усилилась испанскими и имперскими войсками, а знаменитый венеціянскій генералъ Альвіано привелъ къ ней конницу бывшихъ кондотьерскихъ дружинъ Цезаря Борджіа. Тогда Гонзальвъ, послѣ пятидесяти дневнаго бездѣйствія, рѣшился нечаянно напасть на непріятеля.

Во французскомъ лагерѣ царствовала полнѣйшая безпечность въ полной увѣренности, что испанцы при слабости своихъ силъ не осмѣлятся предпринять что нибудь рѣшительное.

Ночью 2 декабря, приказавъ построить мостъ нѣсколько выше французскаго, Гонзальвъ перешелъ рѣку. Альвіано съ итальянскою легкою конницею составлялъ авангардъ, Новарра, Просперо Колонна и Мендоза командовали жандармами, самъ Гонзальвъ легкою испанскою конницею, а Андрона арьергардомъ. Особый отрядъ войскъ изъ пѣхоты и испанской конницы, подъ предводительствомъ рыцаря Донъ-Діего Гарсія-де-Парадесъ, былъ оставленъ на лѣвомъ берегу рѣки противъ мостоваго укрѣпленія.

Французскіе передовые посты въ Суѣ и Кастельфортѣ, захваченные конницею Альвіано во время сна, были большею частью истреблены. Маркграфъ Салуццо, за отсутствіемъ маркграфа Мантуанскаго, принявшій начальство надъ французскими войсками, собравъ поспѣшно часть своей конницы, приказалъ рыцарю Иву д'Алегръ удерживать непріятеля, а Петру Медичи нагрузить на лодки тяжелую артиллерію и пуститься внизъ по Гарильяно въ море. Самъ маркграфъ, построивъ поспѣшно войска свои въ боевой порядокъ, сталъ отступать къ Гаэтѣ. Въ головѣ двинулись легкія орудія, за ними пѣхота, а за пѣхотою должна была отступать конница, которая, собираясь подъ начальствомъ Ива д'Алегръ по частямъ къ лѣвому флангу, вступила съ испанцами въ отчаянный бой.

Но Ивъ д'Алегръ, не смотря на геройскіе подвиги его всадниковъ, особенно французскихъ жандармовъ, былъ опрокинутъ превосходными силами непріятеля. Въ тоже самое время испанцы на лѣвомъ берегу Гарильяно овладѣли тетъ-депономъ и, быстро возстановивъ мостъ, ворвались во французскій лагерь. Дѣйствія рыцаря Донъ-Діего—Гарсіа-де-Парадессъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, а потому остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе. Для обороны тетъ-де-пона французы выставили на правомъ берегу батарею, которая близкимъ огнемъ обстрѣливала переходъ черезъ мостъ. Оставшись съ своимъ отрядомъ противъ тетъ-депона, Донъ-Діего былъ слишкомъ слабъ, чтобы атаковать его открытою силою; а потому онъ прибѣгнулъ къ хитрости.

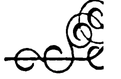

Сраженіе при Гарильяно.
Гаэта
Моло
Салуццо
Гонзальвъ
Рѣка Гарильяна
Донъ Діего
„Исторія конницы."
М. Маркова.

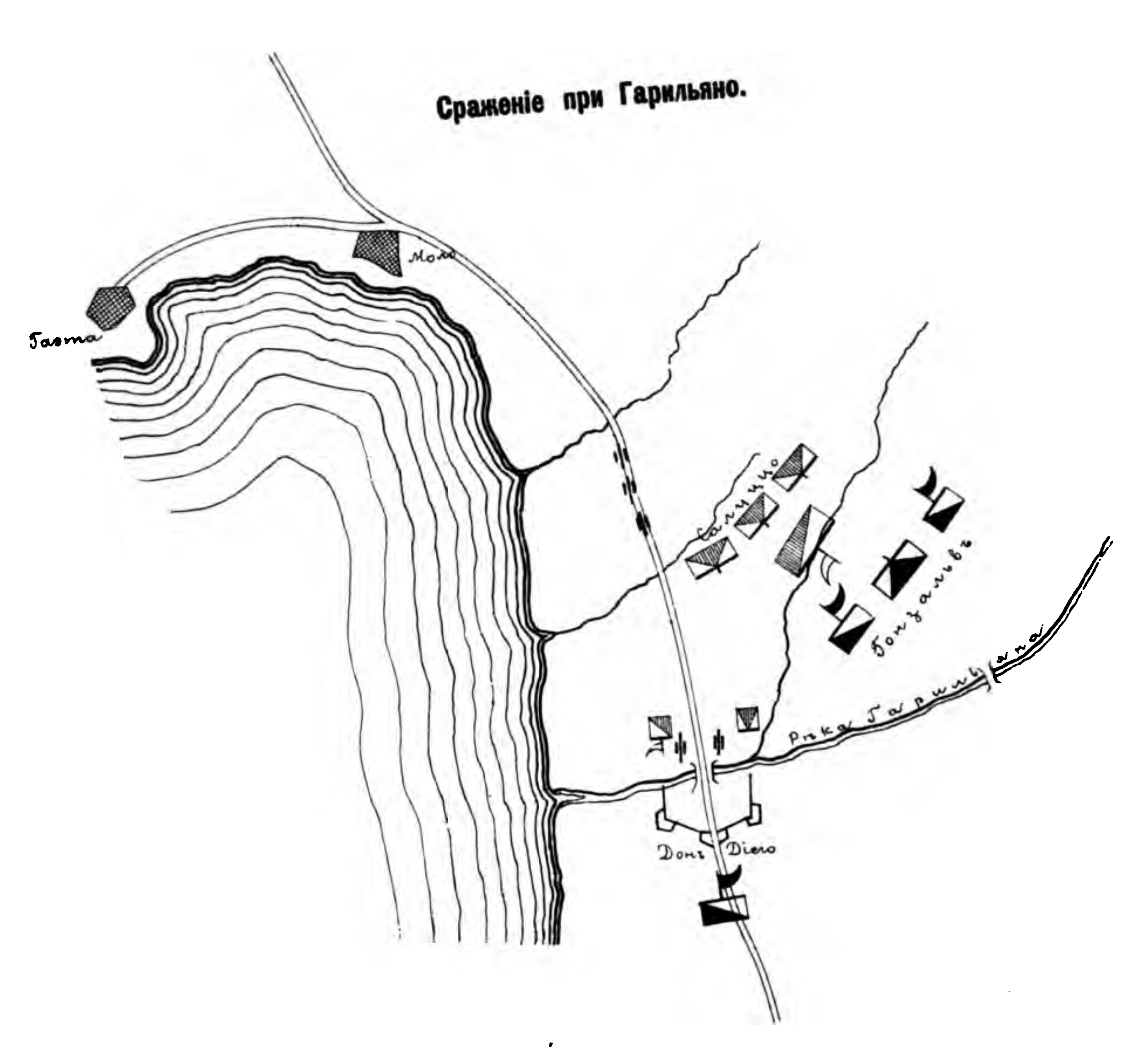
Подъѣхавъ на своемъ конѣ къ тетъ-де-пону, онъ сталъ вызывать храбрыхъ противниковъ на поединокъ. Множество французовъ бросилось на него, но Донъ-Діего, одинъ отражая толпы непріятелей, постепенно отступалъ до тѣхъ поръ, пока французы заслонили батарею: тогда онъ далъ знакъ своей конницѣ. Испанцы бросились впередъ, вскочили въ тетъ-де-понъ и, преслѣдуя ошеломленнаго непріятеля, прорвались по испорченному мосту и овладѣли батареей. Другая часть отряда Дона-Діего послана была внизъ по рѣкѣ въ погоню за лодками Медичи и всѣ ихъ потопила.

Гонзальвъ поспѣшилъ воспользоваться столь выгодными для него обстоятельствами. Онъ приказалъ Просперу Колоннѣ двинуться съ жандармами въ обходъ праваго фланга, чтобы отрѣзать французовъ отъ Гаэты, отступленіе которыхъ было задержано проходомъ черезъ множество рѣчекъ и мостовъ; а самъ съ легкою конницею, при поддержкѣ пѣхоты, сталъ напирать съ фронта. У Моло-ди-Гаэта, гдѣ мѣстность становилась открытѣе, Колонна напалъ на правый франгъ непріятеля; но былъ отбитъ и принужденъ сдѣлать новый обходъ къ тѣснинѣ между Моломъ и Гаэтою. Самъ Гонзальвъ также былъ отбитъ, благодаря необыкновенному мужеству знаменитаго французскаго рыцаря Баярда, который съ горстью жандармовъ, а, по увѣренію французскихъ писателей, одинъ защищалъ мостъ противъ двухсотъ испанскихъ всадниковъ. Маркевичъ въ своихъ выдержкахъ [1]) изъ „Histoire de P. Terrail, dit le chevallier Bayard, sans peur et sans reproche" Гаярда Бервиля, говоритъ, что „послѣ сраженія при Чериньолѣ, въ которомъ Гонзальвъ Кордуанскій разбилъ французовъ, Баярдъ, какъ новый Горацій Коклесъ, одинъ противъ 200 всадниковъ защищалъ мостъ черезъ Гарильяно, замедлилъ тѣмъ преслѣдованіе испанцевъ и спасъ французскую армію". Но это не совсѣмъ вѣрно. Намъ уже извѣстно, что Ивъ д'Алегръ былъ опрокинутъ, когда Гонзальвъ уже перешелъ черезъ Гарильяно. Слѣдовательно Баярдъ защищалъ мостъ и далъ отпоръ не на Гарильяно, а на какой нибудь другой рѣчкѣ, такъ какъ вслѣдствіе дождей и половодья мелкія рѣчки мѣстности, на которой происходило сраженіе, представляли значительныя затрудненія.

Маркграфъ Салуццо, узнавъ объ обходномъ движеніи конницы Проспера Колонны, приказалъ французской конницѣ спѣшить во весь опоръ для занятія тѣснины между Молою и Гаэтою и предупредить испанцевъ. Французская конница, слѣдовавшая, какъ извѣстно, въ хвостѣ и защищавшая армію съ тыла, бросилась впередъ, успѣла предупредить испанцевъ въ тѣснинѣ, но, проскакавъ черезъ собственную пѣхоту и артиллерію, привела ихъ въ совершенное разстройство. Сама же конница, вмѣсто того, чтобы устроиться въ тѣснинѣ и встрѣтить конницу Колонны, объятая паническимъ страхомъ, понеслась далѣе до самыхъ стѣнъ Гаэты.

[1]) Воен. энцикл. лексиконъ, т. II, стр. 210.

„Исторія конницы."
М. Маркова.

Оставленная пѣхота, атакованная съ фронта конницею Гонзальва и отрядомъ Дона Діего, а съ тыла жандармами Колонны, была большею частью истреблена, а частью разсѣяна и перебита преслѣдовавшею легкою конницею и возставшими мѣстными жителями. Вся артиллерія и обозы достались въ руки побѣдителя.

Вскорѣ потомъ сдалась Гаэта, которую передъ тѣмъ маркграфъ Салуццо нѣсколько мѣсяцевъ защищалъ противъ Гонзальва; пала Фонди и другія крѣпости, и владычество французовъ въ Неаполѣ рушилось невозвратно.

Послѣ этого завистники и недоброжелатели оклеветали Гонзальва передъ Фердинандомъ Католикомъ, и онъ былъ отозванъ въ Испанію.

Мы разобрали два сраженія, бывшія въ самомъ началѣ XVI столѣтія. Если прибавить къ этому еще сраженіе при Джіоіѣ или Семинарѣ и сраженіе при Форновѣ, случившіяся также около этого времени, одно данное Гонзальвомъ французамъ, а другое въ 1495 году французскимъ королемъ Карломъ VIII союзникамъ, которые хотѣли преградить ему путь изъ Италіи, то замѣтимъ, что огнестрѣльное оружіе ни въ одномъ изъ упомянутыхъ сраженій не обнаруживаетъ вліянія не только на дѣйствія конницы, но и вообще на ходъ боя. Ни въ одномъ источникѣ не упоминается о дѣйствіи артиллеріи въ сраженіи при Черинолѣ, да она едва-ли могла и быть. При такихъ спѣшныхъ передвиженіяхъ, которыя были исполнены какъ испанцами, такъ и французами, тогдашняя артиллерія, перевозимая по подряду на волахъ, едва-ли могла и поспѣть за войсками. Сраженіе при Черинолѣ началось простымъ нападеніемъ французовъ безъ всякой предварительной подготовки. Французская конница, преслѣдуя испанскую, налетѣла на укрѣпленія и потерпѣла пораженіе до прибытія пѣхоты; швейцарская пѣхота имѣла туже участь. Изъ этого мы усматриваемъ нераціональное употребленіе какъ конницы французской, такъ и пѣхоты. Первая, не сдѣлавъ рекогносцировки, попадаетъ въ обстановку неудобную для дѣйствій конницы, вмѣсто того, чтобъ, развѣдавъ свойства мѣстности и положеніе противника, предоставить атаку укрѣпленій пѣхотѣ. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, кромѣ опрометчивости, не видно связи между обоими родами оружія, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ самъ по себѣ.

Дѣйствія конницы Гонзальва превосходны: расположивъ пѣхоту и для поддержки ея въ резервѣ жандармовъ, великій капитанъ выдвинулъ для рекогносцировки легкую конницу, которая искуснымъ маневромъ навела жандармовъ на укрѣпленія подъ удары пѣхоты. Здѣсь, какъ мы упоминали, испанскіе аркебузёры дѣйствовали изъ ручнаго огнестрѣльнаго орудія, стараясь обстрѣливать французовъ вдоль рва. Но, разумѣется, дѣйствія эти не могли много помочь по причинѣ несовершенства ручнаго оружія, требовавшаго чуть ни часъ времени для заряжанія и производства выстрѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ жандармы, такъ и пѣхота, наткнувшіеся неожиданно на укрѣпленія были-бы опрокинуты и безъ содѣйствія этихъ аркебузёровъ. Это заключеніе наше можно подтвердить ничтожнымъ дѣй-

ствіемъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія даже въ половинѣ XVI вѣка, когда введены были мушкеты, далеко превосходившіе своимъ дѣйствіемъ оружіе описываемаго времени. Когда непріятель былъ опрокинутъ, Гонзальвъ снова выдвигаетъ свою конницу и съ пѣхотою переходитъ въ наступленіе для поддержки конницы, которая преслѣдуетъ и уничтожаетъ разбитаго противника. Въ дѣйствіяхъ Гонзальва видно, что онъ извлекаетъ изъ каждаго оружія ту пользу, которую оно можетъ дать по своимъ свойствамъ. Между пѣхотою и конницею соблюдается полная связь, какъ во времена великихъ мастеровъ военнаго искусства Юлія Цезаря и другихъ.

Въ сраженіи при Гарильяно вліянія огнестрѣльнаго оружія также не замѣчается. Французы свою тяжелую артиллерію, какъ извѣстно, нагрузили на суда и пустили внизъ по рѣкѣ, гдѣ ее перехватилъ отрядъ Дона-*Діего. Полевую* артиллерію при отступленіи они двинули въ авангардѣ, вѣроятно боясь, чтобы она не попалась въ руки непріятелю. Оставлена была одна батарея за рѣкою Гарильяно для защиты переправы на дорогѣ изъ Неаполя въ Гаэту; но хитрость Дона-Діего и оплошность французовъ парализовали дѣйствія этой батареи.

У Гонзальва вездѣ дѣйствуетъ впереди конница, пѣхота слѣдуетъ за нею въ видѣ репли. И въ этомъ сраженіи дѣйствія испанской конницы превосходны. Захвативъ непріятельскіе посты въ расплохъ, конница переходитъ рѣку Гарильяно по наведенному мосту и опрокидываетъ мелкія части оплошнаго противника; когда же Гонзальвъ встрѣчаетъ отпоръ со стороны жандармовъ Баярда, занявшаго мостъ, онъ тотчасъ отдѣляетъ Проспера Колонну въ обходъ, а самъ напираетъ съ тыла. Встрѣтивъ отпоръ при первомъ обходѣ, Колонна предпринимаетъ новый и, воспользовавшись паникой непріятельской конницы, занимаетъ тѣснину въ тылу противника. Французы, атакованные такимъ образомъ съ трехъ сторонъ, т. е., Гонзальвомъ съ легкою конницею при поддержкѣ пѣхоты, отрядомъ Дона-Діего, переправившимся на плечахъ французовъ, вдоль неаполитанской дороги и жандармами Колонны съ тыла, несутъ полнѣйшее пораженіе.

Въ дѣйствіяхъ французовъ опять, кромѣ безпечности, замѣчается отсутствіе связи между пѣхотою и конницею: не говоря уже объ артиллеріи. Послѣдняя отступаетъ въ авангардѣ, пѣхота составляетъ среднюю колонну и, почти непринявъ участія въ началѣ боя, несетъ разстройство отъ собственной конницы, которая также одна, какъ и у испанцевъ, дѣйствуетъ для отраженія противника. Но не смотря на блистательные подвиги храбрости и самоотверженія французскихъ жандармовъ, дѣйствія ихъ безсвязны, отдѣльные мелкіе отряды ихъ всюду атакованы превосходными силами, и потому терпятъ вездѣ неудачу.

И такъ, разъ огнестрѣльное оружіе не обнаруживаетъ вліянія на дѣйствія, сраженія начала XVI столѣтія имѣютъ тотъ-же характеръ какъ и во времена, когда это оружіе не было извѣстно: разница сравнительно съ средневѣковыми

сраженіями заключается въ бо́льшей связи (у Гонзальва) между пѣхотою и конницею; а также въ томъ, какъ еще замѣчено было во время швейцарскихъ войнъ и столѣтней войны (у англичанъ), что пѣхота принимаетъ участіе въ бою.

Спустя лѣтъ десять—пятнадцать, дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія становится ощутительнымъ, въ особенности въ артиллеріи, которая иногда обнаруживаетъ существенное вліяніе на дѣйствія войскъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разберемъ сраженія при Равеннѣ и Мариньяно.

Сраженіе при Равеннѣ 11 апрѣля 1512 года.

Въ 1512 году императоръ Максиміліанъ, Фердинандъ Католикъ, Генрихъ VII, король англійскій, папа и венеціянская республика составили священный союзъ противъ короля французскаго Людовика XII. Такъ какъ германскій императоръ, испанскій и англійскій короли положили вторгнуться съ трехъ сторонъ во Францію, то Людовикъ рѣшился предупредить ихъ; и потому, назначивъ правителемъ и главнокомандующимъ войсками въ Миланскомъ герцогствѣ Гастона де-Фуа, герцога Немурскаго, приказалъ ему дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Гастонъ, собравъ войска, быстро двинулся къ Болоньѣ, которую союзники держали въ осадѣ, проникъ въ городъ и заставилъ противниковъ снять осаду; потомъ бросился къ Брешіи и взялъ ее приступомъ. Имѣя въ виду вслѣдъ затѣмъ двинуться прямо на Римъ, Гастонъ перешелъ въ Модену и сталъ набирать войска. Союзники, между тѣмъ, бывшіе подъ начальствомъ Дона Раймонда де Кордона, имѣли въ виду вести войну въ Италіи оборонительную въ томъ предположеніи, что вторженіе англійскаго короля во Францію и безъ того принудитъ французовъ оставить Италію. Вслѣдствіе этого союзное войско, при наступленіи Гастона, стало отступать съ позиціи на позицію, чему весьма способствовали высоты Апенниновъ и рѣчки, впадающія одна параллельно другой въ Адріатическое море.

Гастонъ, опасаясь, чтобы наемные ландскнехты не оставили его, вслѣдствіе повелѣнія Максиміліана, а отъ того противники не имѣли бы перевѣса передъ его войскомъ, рѣшился атаковать Равенну, въ надеждѣ этимъ вынудить союзниковъ вступить въ бой. Надежды его оправдались. Едва узнавъ о движеніи французовъ къ Равеннѣ, Кордона поручилъ Маркантонію Колоннѣ съ 60-ю жандармами, 100 человѣками конницы и 600 испанской пѣхоты идти для защиты этого города, обѣщая въ скоромъ времени подать помощь. Гастонъ осадилъ Равенну и сдѣлалъ приступъ, но былъ отбитъ. Между тѣмъ Кордона спѣшилъ на помощь Колоннѣ: 10 апрѣля выступилъ изъ Форли, перешелъ рѣку Ронко; но вмѣсто того, чтобы немедленно атаковать войска французовъ, разстроенныя неудачнымъ приступомъ, остановился въ разстояніи $^{3}/_{4}$ мили отъ Равенны и сталъ укрѣплять свою позицію на правомъ берегу р. Ронко. Силы союзниковъ состояли изъ 14500

человѣкъ пѣхоты и 2800 конницы; у французовъ было 16400 пѣхоты и 5700 конницы.

Мѣстность, на которой произошло сраженіе, представляла открытую площадь, ограниченную съ сѣвера и запада насыпною дорогою вдоль праваго берега рѣки и съ востока засѣянными полями.

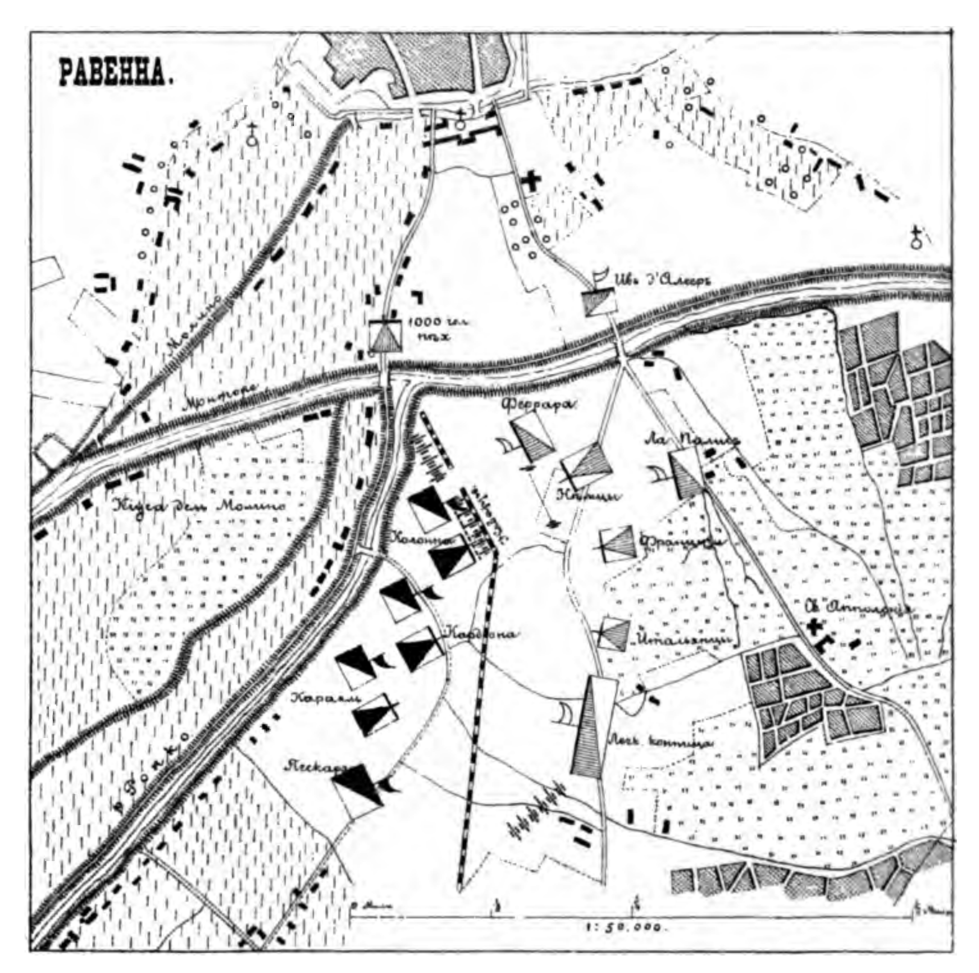
Гастонъ де-Фуа, узнавъ о движеніи Кордоны, рѣшился тотчасъ его атаковать. 11 апрѣля въ первый день Пасхи, французскія войска, стоявшія на лѣвой сторонѣ рѣкъ Ронко и Монтоне, начали переправляться на правый берегъ частью по наведенному мосту, частью въ бродъ. Для прикрытія этой переправы Гастонъ выдвинулъ легкую конницу, 900 всадниковъ, которые, перейдя рѣку, повернули направо въ готовности встрѣтить противника, если-бы онъ пошелъ въ атаку; но союзники, занявъ свою укрѣпленную позицію, оставались неподвижно.

Подъ прикрытіемъ легкой конницы, французы расположились слѣдующимъ образомъ: правое крыло составилъ авангардъ изъ 750 жандармовъ, 8000 нѣмецкихъ ландскнехтовъ и артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ герцога Феррарскаго; батарея была выдвинута впередъ. Лѣвѣе авангарда построились главныя силы: 3000 ландскнехтовъ, гасконцевъ и пикардійцевъ и за ними 580 всадниковъ тяжелой ордонансовой конницы Ла-Палиса, въ видѣ резерва. Лѣвый флангъ составилъ арьергардъ изъ 4400 человѣкъ итальянской пѣхоты и 3000 легкой конницы и конныхъ стрѣлковъ ордонансовыхъ ротъ. Общій боевой порядокъ имѣлъ видъ дуги. Для наблюденія за городомъ оставлено было 1000 человѣкъ, которые стали у моста черезъ рѣку Монтоне, и, кромѣ того, отрядъ изъ 250 копій, подъ начальствомъ Ива д'Алегръ (Ives baron d'Alegre), поставленъ былъ за мостомъ черезъ р. Ронко съ цѣлью обезпечить на случай путь отступленія.

Войска Кордоны построились уступами съ лѣваго фланга за нарочно устроеннымъ валомъ. Первый уступъ составили войска авангарда изъ 6000 испанской пѣхоты и 800 жандармовъ, подъ начальствомъ Фабриція Колонны. Впереди и нѣсколько лѣвѣе жандармовъ за насыпью стала тяжелая батарея, а впереди пѣхоты 30 легкихъ орудій на колесницахъ съ косами. „Это“, говоритъ Энденъ [1], „былъ первый опытъ имѣть при войскахъ легкія орудія, могущія слѣдовать за всѣми ихъ движеніями, тогда какъ прежнія пушки, по своей тяжести, стояли неподвижно на позиціяхъ.“ Второй уступъ составили главныя силы, 600 латниковъ и 4000 пѣхоты, подъ камандою самого Кордоны. Арьергардъ, изъ 400 всадниковъ тяжелой конницы и 4000 пѣхоты подъ начальствомъ Карваяля, составилъ третій уступъ. Наконецъ сзади всѣхъ въ послѣднемъ уступѣ расположился маркизъ Пескара съ 1000 всадниковъ легкой конницы. Кромѣ того, въ видѣ резерва со-

[1]) Воен. энц. лексиконъ. Томъ II, стр. 220.

Планъ сраженія при Равеннѣ.

„Исторія конницы“
М. Маркова.

средоточено было, подъ командою Наварро, 500 человѣкъ испанской пѣхоты, которыхъ предполагалось двинуть туда, гдѣ встрѣтится надобность.

Гастонъ воодушевилъ войска своею рѣчью, послѣ чего онѣ двинулись впередъ, но въ разстояніи 200 шаговъ отъ противника остановились, чтобы дать артиллеріи своей обстрѣлять его позицію. Началась перестрѣлка, но къ явному ущербу французовъ, потому что они стояли открыто, а союзники были прикрыты насыпью. Видя большія потери, Гастонъ приказалъ было двинуться войскамъ на штурмъ, но штурмъ въ самомъ началѣ движенія былъ отбитъ; такую же неудачу имѣли испанскіе жандармы, сдѣлавшіе вылазку. Тогда герцогъ Феррарскій, взявъ часть своихъ орудій изъ фронта, провелъ ихъ позади французскихъ войскъ и поставилъ на оконечности лѣваго крыла, подъ прикрытіемъ конныхъ стрѣлковъ. Французская батарея взяла союзниковъ во флангъ и даже отчасти въ тылъ. Ландскнехты союзниковъ бросились на землю, но жандармовъ укрыть было невозможно, и они понесли жестокій уронъ.

Фабрицій Колонна просилъ разрѣшенія у Кордоны перейти въ наступленіе, но Кордона, руководимый совѣтами Наварры, рѣшился изъ за укрѣпленій не дѣлать шагу. Тогда Колонна, видя невозможность стоять подъ артиллерійскимъ фланговымъ огнемъ, двинулся черезъ проходъ въ валу съ своими жандармами и атаковалъ французскую ордонансовую конницу, стоявшую на правомъ флангѣ. За жандармами Колонны двинулась тяжелая конница главныхъ силъ и арьергарда, а Педро Наварра, видя свой оборонительный планъ разстроеннымъ и не желая отстать отъ конницы, повелъ вслѣдъ за нею свой пѣхотный отрядъ, который, пройдя выходъ, принялъ вправо для обезпеченія праваго фланга жандармовъ.

Вслѣдъ за отрядомъ Наварры пошла впередъ пѣхота главныхъ силъ и арьергарда, но такъ какъ выходъ изъ укрѣпленій былъ занятъ идущими впереди, то вся пѣхота союзниковъ вытянулась между рѣкою и береговою плотиною и двинулась впередъ подъ ея прикрытіемъ.

Колонна, развернувъ своихъ жандармовъ въ линіи, ударилъ на французскихъ ордонансовыхъ всадниковъ и, при помощи подоспѣвшихъ латниковъ второй и третьей линій, опрокинулъ ихъ. Къ французскимъ жандармамъ подоспѣлъ съ своими латниками Ла-Палисъ; но, не смотря на геройскіе подвиги Гастона и Баярда, едва могъ сдержать испанцевъ, которые здѣсь силами превосходили французовъ. Въ это время Ивъ д'Алегръ, стоя съ своимъ отрядомъ за мостомъ и слѣдя за ходомъ боя, перешелъ рѣку, ударилъ испанцамъ во флангъ и обратилъ ихъ въ бѣгство, а самъ Колонна захваченъ былъ въ плѣнъ. Скакавшіе опрометью испанскіе жандармы, въ томъ числѣ самъ Кордона и Карваяль, увлекли за собою часть союзной пѣхоты, между тѣмъ какъ другая часть продолжала свое наступленіе.

Гастонъ де-Фуа, получивъ извѣстіе о движеніи непріятельской пѣхоты между рѣкою и плотиною, приказалъ гасконцамъ и итальянцамъ перейти на правый

флангъ. Пѣхота эта, пройдя сзади жандармовъ, также вытянулась за плотиною, встрѣтилась съ испанцами и, послѣ упорнаго боя, при помощи жандармовъ д'Алегра, который, проявивъ новыя усилія отваги, палъ въ бою, опрокинула ихъ.

Пѣхота Наварры вмѣстѣ съ пѣхотою авангарда, какъ было замѣчено, направилась правѣе своей конницы противъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ, но пріостановилась, и съ обѣихъ сторонъ вышли на поединокъ испанскій капитанъ Цамудіо и нѣмецкій рыцарь Яковъ Эмбсъ. Послѣ боя, въ которомъ Эмбсъ былъ убитъ, ландскнехты бросились на испанцевъ, завязся упорный рукопашный бой. Испанцы проникли до середины строя нѣмцевъ и начали было ихъ одолѣвать, но Гастонъ и Баярдъ, успѣвъ собрать нѣсколько ротъ жандармовъ, ударили испанцамъ въ тылъ. Испанцы, сломленные совокупными ударами конницы и пѣхоты, соединились въ одну массу и, отчаянно отбиваясь отъ тѣхъ и другихъ, начали отступать.

Въ то время, какъ происходилъ поединокъ между Эмбсомъ и Цамудіо, маркизъ Пескара, обогнувъ валъ съ юга, бросился съ своею легкою конницею противъ конныхъ лучниковъ ордонансовыхъ ротъ, но онъ былъ слишкомъ слабъ, и лучники при помощи прочихъ ротъ легкой конницы разбили конницу Пескары и самого его взяли въ плѣнъ.

Такимъ образомъ оба фланга союзниковъ были уже разбиты, когда еще въ центрѣ происходилъ упорный бой между пѣхотою.

Французская конница, разсѣявъ конницу союзниковъ, получила возможность насѣсть на испанцевъ съ фланговъ и тыла и рѣшить побѣду. Испанская пѣхота отошла за насыпь. Гастонъ, желая довершить пораженіе, бросился самъ во главѣ эскадрона жандармовъ преслѣдовать; но и ему, подобно Иву д' Алегръ, не посчастливилось: онъ палъ, получивъ 14 ранъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Лотрекомъ.

Изъ описанія сраженія при Равеннѣ видно, что первому своему успѣху французы обязаны своей артиллеріи, которую герцогъ Феррарскій перевелъ на лѣвый флангъ. До начала дѣйствія этой батареи во флангъ испанцамъ, французы не могли ровно ничего сдѣлать. Подойдя на 200 шаговъ къ непріятельской позиціи, они несли отъ артиллеріи союзниковъ страшныя потери; первый приступъ ихъ былъ отбитъ исключительно артиллеріей. Батарея, взявшая союзниковъ во флангъ, заставила ихъ отказаться отъ первоначальнаго плана: вмѣсто обороны за укрѣпленіями они принуждены были перейти въ наступленіе двумя узкими тѣснинами. Французы не воспользовались этимъ дебушированіемъ союзниковъ, вѣроятно подъ впечатлѣніемъ потерь своихъ отъ огня артиллеріи союзниковъ, стоявшей за валомъ. И такъ, слѣдовательно, артиллерія начинаетъ уже обнаруживать существенное вліяніе на ходъ боя.

Дѣйствія артиллеріи были еще тѣмъ вредоноснѣе, что какъ пѣхота, такъ и конница построены были громадными глубокими массами, а испанцы, въ добавокъ, благодаря Наваррѣ, были втиснуты въ узкое пространство между р. Ронко и ва-

ломъ. Наварра, благодаря случайностямъ, пріобрѣлъ себѣ репутацію опытнаго военнаго человѣка и имѣлъ громадное вліяніе на Кордону. Увлекаясь техникою огнестрѣльнаго оружія, онъ былъ сторонникъ стрѣлковаго боя. На него смотрѣлъ онъ какъ на средство рѣшающее бой. Такимъ образомъ ужъ въ это время обнаружились зачатки увлеченія огнестрѣльнымъ боемъ въ ущербъ холодному оружію, что, какъ увидимъ, повело впослѣдствіи къ перемѣшиванію конницы съ пѣхотою, общему вооруженію конницы огнестрѣльнымъ оружіемъ, стрѣльбѣ съ коня и прибѣганію къ оборонительнымъ позиціямъ и пассивному бою.

Изъ хода сраженія при Равеннѣ видно, что пѣхота играетъ видную роль, дѣйствуя преимущественно холоднымъ оружіемъ. Вліяніе дѣйствія ручнаго огнестрѣльнаго оружія незамѣтно.

Тяжелая конница производитъ атаки линіями и, дѣйствуя совмѣстно съ пѣхотой, имѣетъ рѣшающее значеніе въ бою. Легкая конница прикрываетъ построеніе боеваго порядка и фланги и развѣдываетъ.

Сраженіе при Мариньяно 12 и 13 ноября 1515 года.

Сраженіе при Мариньяно было битвою конницы съ пѣхотою. Въ тѣ времена наибольшею славою, какъ отличная пѣхота, пользовались швейцарцы, какъ непобѣдимая конница — французскіе жандармы. Тѣмъ и другимъ пришлось помѣриться на Мариньянскомъ полѣ, и конница въ двухдневномъ бою разгромила непобѣдимую швейцарскую пѣхоту, не смотря на то, что она была составлена изъ лучшихъ контингентовъ знаменитыхъ кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена [1]). На этомъ основаніи, вѣроятно, французы и называютъ Мариньянскую битву битвою гигантовъ (bataille des géants).

Въ 1515 году французскій король Францискъ I составилъ союзъ съ Венеціею и Генуею, искусными переговорами привлекъ на свою сторону или, вѣрнѣе, усыпилъ Англію и эрцгерцога Карла Нидерландскаго и вознамѣрился завоевать Миланское герцогство. Папа, императоръ Максимиліанъ I, Испанія, Швейцарія и герцогъ Миланскій составили противъ него священный союзъ.

Обманувъ швейцарцевъ, занимавшихъ горные проходы черезъ Альпы, Францискъ, послѣ необыкновенныхъ усилій, прошелъ черезъ Аржантьерскій проходъ, вступилъ въ Піемонтъ и достигъ р. По. Вслѣдъ затѣмъ французская армія взяла Виллафранку, покорила Александрію, Тортону и всѣ Миланскіе города по правую сторону р. По. Эти обстоятельства заставили швейцарцевъ спѣшить въ Миланское герцогство, и въ числѣ 30 тысячъ съ 400 папскихъ всадниковъ они заняли городъ Миланъ. Французская армія, овладѣвъ еще Наваррою, прибыла къ

---

[1]) Воен. энц. лексиконъ, т. VIII, стр. 487.

Мариньяно и расположилась здѣсь лагеремъ, имѣя цѣлью препятствовать соединенію испанскихъ и папскихъ войскъ, находившихся въ Піаченцѣ, съ швейцарцами и въ тоже время войти въ связь съ венеціянцами, которые шли къ Лоди. Армія Франциска состояла изъ 2500 жандармовъ, 20 тысячъ легкой конницы, шеволежеровъ и конныхъ стрѣлковъ, 6 тысячъ гасконской пѣхоты, 4 тысячи авантюрьеровъ и 8 тысячъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ.

Мѣстность, гдѣ расположились французы, представляла поле, впереди котораго вырыта была канава; правый флангъ прилегалъ къ рѣкѣ Ламбро, а на лѣвомъ были луга, перерытые канавами въ разныхъ направленіяхъ; впереди позиціи находилась деревня, черезъ которую шла дорога въ Миланъ и Лоди.

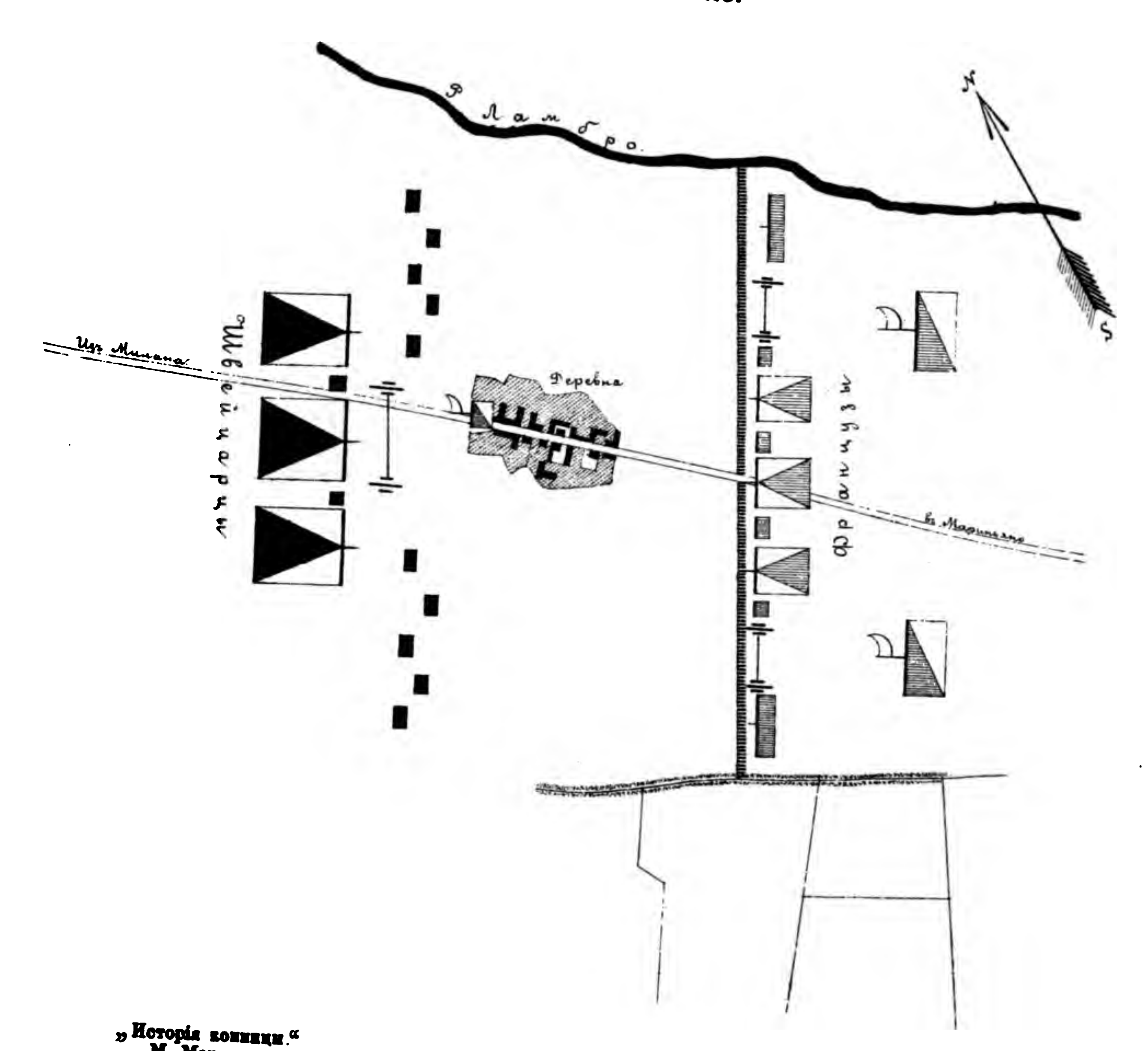
12 ноября небольшой отрядъ легкой конницы, посланный на рекогносцировку, подъ начальствомъ рыцаря Флёранжа, подошелъ къ стану швейцарцевъ и произвелъ переполохъ. Швейцарцы взялись за оружіе, построились въ боевой порядокъ и, подъ общею командою кардинала Зиттенскаго, двинулись на французовъ.

День уже склонялся къ вечеру. Французы, не ожидая нападенія, безпечно отдыхали, и Францискъ готовился ужинать. Узнавъ о приближеніи непріятеля, онъ отправилъ гонца къ венеціянскому вождю Альвіано въ Лоди, съ требованіемъ помощи, а самъ сѣлъ на коня и началъ устанавливать свои войска въ боевой порядокъ. Пѣхота стала густыми массами вдоль рва, орудія и 5000 стрѣлковъ прикрывали оба фланга. За ними расположились жандармы, раздѣленные на два отряда, и легкая конница.

Въ 5 часовъ вечера швейцарцы выдвинули свою батарею, которая безъ особенныхъ результатовъ начала перестрѣливаться съ французами. При закатѣ солнца, оставивъ артиллерію на большой дорогѣ, швейцарцы устремились впередъ тремя громадными массами: въ центрѣ находились воины кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена, на правомъ крылѣ цюрихцы и шафгаузенцы, на лѣвомъ люцернцы и базельцы. Охотники изъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ Вернера-Штейнера, предшествовали атакѣ. Французы встрѣтили швейцарцевъ огнемъ батарей и стрѣлковъ, но швейцарцы говаривали, что артиллерія всегда составляетъ добычу того, кто смѣло идетъ на нее. Цѣлыя сотни швейцарцевъ легли отъ огня французской артиллеріи, но остальная масса ихъ шла впередъ съ изумительною отвагою, перешла ровъ, выбила французскую пѣхоту изъ окоповъ, овладѣла десятью орудіями и обратила знаменитыхъ ландскнехтовъ въ бѣгство.

У французовъ оставалась одна конница, которая видя побѣдоносную швейцарскую пѣхоту, все передъ собою опрокидывающую, съ неменьшею отвагою бросилась въ атаку. Швейцарцы стойко выдержали ее, и завязался упорный рукопашный бой. Въ тоже время конные стрѣлки и копейщики ударили на швейцарцевъ съ фланговъ. „До 11 часовъ вечера свирѣпствовалъ бой, и побѣда не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Около полуночи померкъ свѣтъ луны,

ПРИ МАРИНЬЯНО.

„Исторія конницы.“
М. Маркова.

ТИПО-ЛИТ. В. ГРИЧЕРЕВА и К°

озарявшей поле битвы, и сѣча прекратилась. Каждый остался на томъ мѣстѣ, гдѣ его застигла ночная темень; войска обѣихъ сторонъ были перемѣшаны; многіе, считая себя въ кругу товарищей, заводили съ ними разговоръ и получили въ отвѣтъ смертные удары“.

Всю ночь Кардиналъ Зиттенскій (Зиттенъ) и король французскій собирали своихъ воиновъ и старались привести въ порядокъ ихъ разстроенныя ряды.

На разсвѣтѣ 13 ноября Франциску удалось построить свою пѣхоту въ боевой порядокъ, жандармы опять стали во второй линіи, а стрѣлки по флангамъ. Главный рогъ урійцевъ протрубилъ наступленіе, рога прочихъ дружинъ огласили поле, и снова громадныя колонны швейцарцевъ двинулись въ атаку. Сильнѣйшій изъ трехъ отрядовъ ихъ кинулся на центръ французовъ. Не взирая на сильный огонь непріятельскихъ пушекъ, швейцарцы сбили французовъ, и центръ ихъ былъ прорванъ; въ то-же время боковыя колонны привели въ безпорядокъ оба фланга французской арміи. Опять у Франциска остались одни жандармы, на которыхъ онъ возлагалъ послѣднюю надежду. Но тутъ были коннетабль Карлъ Бурбонъ, Тривульціо, Вандомъ, Лотрекъ, Баярдъ и другіе знаменитые рыцари, которые поддержали славу Франціи и ордонансовой конницы. Съ страшнымъ ожесточеніемъ жандармы бросились на швейцарцевъ и остановили ихъ наступленіе. Опять легкая конница охватила фланги, и началась рѣзня. Швейцарцы, сдерживая напоръ рыцарей, неоднократно сами бросались на легкую конницу и отражали ея удары. Наконецъ они замѣтно стали ослабѣвать. Вдругъ около полудня, въ разгаръ самого боя, со стороны Лоди показалась пыль. То шелъ Альвіано съ своими кондотьерами и страдіотами. Онъ направлялся швейцарцамъ прямо въ тылъ, произвелъ атаку; но швейцарцы выдвинули противъ Альвіано колонну люцернцевъ и базельцевъ, и онъ былъ отбитъ. Появленіе Альвіано все таки рѣшило битву. Французская конница, подъ прикрытіемъ которой и пѣхота стала устраиваться, узнавъ о прибытіи венеціянцевъ, одушевилась новымъ мужествомъ, произвела послѣднюю атаку, которою и сломила швейцарцевъ. Подобно тому, какъ испанская пѣхота въ сраженіи при Равеннѣ, швейцарцы, отбиваясь отъ конницы и сосредоточиваясь въ одну массу, стали отступать, подобравъ своихъ раненыхъ и даже отбитую у французовъ артиллерію. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ жандармами въ перемѣшку съ легкою конницею, швейцарцы останавливались и отражали нападенія, но мало по малу одушевленіе ихъ стало пропадать: они раздобились на нѣсколько частей и сначала бросили отбитую артиллерію, потомъ побросали своихъ раненыхъ, наконецъ, и главный рогъ урійцевъ былъ захваченъ французскими жандармами.

Изъ описанія сраженія при Мариньяно видно, что тутъ, кромѣ движенія Альвіано въ тылъ швейцарцамъ, не было замѣтно особенно искусныхъ распоряженій, которыя обнаружили бы вліяніе на ходъ боя. Бой держался на страшномъ одушев-

леніи швейцарцевъ и, не хотѣвшихъ имъ въ этомъ уступить, французскихъ ордонансовыхъ ротъ, которыя, послѣ двухдневнаго боя при помощи легкой конницы и отчасти артиллеріи, наконецъ, ихъ сломили. Маршалъ Тривульціо, посѣдѣвшій въ бояхъ, говорилъ, что восемнадцать битвъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, кажутся ему дѣтскими забавами, а сраженіе при Мариньяно битвою мужей или, лучше сказать, исполиновъ.

Артиллерія и въ этомъ сраженіи сильно поражала глубокія колонны швейцарцевъ. Кромѣ того, Гойеръ говоритъ, что рота изъ двухъ сотъ конныхъ стрѣлковъ изъ арбалета въ сраженіи при Мариньяно оказала важныя услуги. Вѣроятно, это было при преслѣдованіи, когда швейцарцы, пользуясь канавами часто останавливались и давали отпоръ. Можетъ быть одна изъ конныхъ ротъ, заскакавъ и обстрѣлявъ ихъ, заставила покинуть позицію и продолжать отступленіе. Но въ другихъ источникахъ о подобныхъ дѣйствіяхъ мы не нашли ничего.

И такъ швейцарская пѣхота, громившая въ теченіе почти двухъ вѣковъ всѣ противупоставляемыя феодальныя арміи имперцевъ и бургунцевъ, о чемъ мы упоминали въ предыдущей части, не смотря на свою удивительную храбрость, понесла отъ конницы французовъ пораженіе, въ которомъ потеряла до 15 тысячъ воиновъ [1]). Это обстоятельство служитъ указаніемъ на то, что въ швейцарскихъ войнахъ рыцари несли пораженія отъ излишней самонадѣянности и безобразнаго употребленія конницы, которую ставили въ такую обстановку, что она въ полномъ смыслѣ слова бывала связана по рукамъ и по ногамъ. А хорошая, дисциплинированная конница, при обстоятельствахъ, соотвѣтствующихъ свойствамъ этого рода оружія, можетъ бить превосходную пѣхоту.

Въ описаніяхъ сраженій во время итальянскихъ войнъ мы неоднократно останавливались на имени „Баярдъ“. Баярдъ (Pierre du Terrail, seigneur de Bayard) изъ всѣхъ героевъ среднихъ вѣковъ, можетъ быть, болѣе всѣхъ достоинъ безусловныхъ похвалъ и удивленія. Не бывъ полководцемъ, онъ обладалъ всѣми нужными для того качествами и доставлялъ войску столько же пользы храбростью, какъ и совѣтами. Оставшись послѣ смерти отца сиротою, онъ пріобрѣлъ воспитаніе подъ руководствомъ дяди своего епископа Жоржа дю Террайля, который съумѣлъ вселить въ племянника своего тѣ высокія правила рыцарской чести и благородства, которыми Баярдъ всю жизнь отличался и за которыя прозванъ былъ рыцаремъ безъ страха и упрека. Тѣлесною силою и ловкостью онъ достигъ совершенства во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, составлявшихъ тогда главную часть воспитанія. Поступивъ на шестнадцатомъ году своей жизни пажемъ къ герцогу Савойскому, онъ находился въ свитѣ его, въ Ліонѣ; здѣсь Карлъ VIII увидѣлъ молодого Баярда, и, изумленный искусствомъ, съ какимъ юноша управ-

---

[1]) Кн. Голицынъ. Воен. ист. сред. вѣковъ, т. III, стр. 152.

„Исторія конницы“
М. Маркова.

Баярдъ.

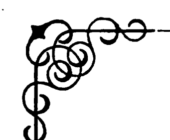
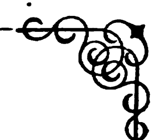
Источники: „Histoire de France“,
Cuisot.

лялъ конемъ своимъ, принялъ его къ себѣ въ службу. Съ тѣхъ поръ жизнь Баярда была посвящена Франціи, которой онъ прослужилъ 30 слишкомъ лѣтъ, пожиная лавры на всѣхъ турнирахъ въ мирное время и, какъ герой, отличаясь въ военное. Особенно замѣчателенъ былъ турниръ у Барлетты передъ сраженіемъ при Чериньолѣ. Въ 1502 году испанцы, какъ мы это уже описывали, по слабости силъ должны были укрыться въ Барлеттѣ, и были обложены французами подъ начальствомъ герцога Немурскаго. Французское рыцарство, скучая блокадою, вызвало испанскихъ рыцарей на бой, одиннадцать рыцарей противъ одиннадцати. Предложеніе было принято. Знаменитый герой сраженія при Гарильяно Донъ-Діего де-Парадесъ долженъ былъ сразиться съ другимъ будущимъ героемъ того-же сраженія—Баярдомъ. Бой рыцарей длился 6 часовъ до поздняго вечера. Какъ Донъ-Діего, такъ и Баярдъ выказали необыкновенное искусство въ управленіи конемъ и оружіемъ. Посредники наконецъ прекратили сраженіе, объявивъ побѣду нерѣшенною и славу равную обѣимъ сторонамъ.

Изъ военныхъ отличій Баярда особенно замѣчательны: подвигъ подъ Форновымъ въ 1495 году, за что онъ возведенъ былъ въ рыцарское достоинство; подвигъ Баярда въ сраженіи при Гарильяно, гдѣ, какъ пишутъ французы, онъ одинъ противъ 200 испанцевъ защищалъ мостъ, намъ извѣстенъ. Не менѣе отваги и находчивости Баярдъ выказалъ въ сраженіяхъ при Равеннѣ и Мариньяно, особенно въ послѣднемъ, такъ что Францискъ I въ знакъ удивленія и особаго уваженія къ нему пожелалъ, чтобы Баярдъ, а никто другой, имѣлъ честь посвятить короля за Мариньянскую побѣду въ рыцари. Имя Баярда гремѣло въ Испаніи и въ Италіи; германскій императоръ Максимиліанъ I и англійскій король Генрихъ VIII предлагали ему перейти къ нимъ на службу. Но, вѣрный своему отечеству, Баярдъ отказался.

Изъ послѣдующихъ подвиговъ этого рыцаря особенно замѣчательна защита Мезьера. Въ войнѣ, возникшей по смерти Фердинанда испанскаго и императора Максимиліяна, Карлъ V съ сильнымъ войскомъ вторгнулся въ Шампань и осадилъ Мезьеръ. Баярду поручено было оборонять этотъ слабый, но важный по мѣстоположенію городъ. „Съ увѣренностью, что для храбрыхъ воиновъ нѣтъ слабыхъ мѣстъ“, „онъ держался шесть недѣль съ горстью защитниковъ, пока несогласія между осаждавшими заставили ихъ отступить“. Баярдъ былъ принятъ въ Парижѣ, какъ спаситель отечества, и король наградилъ его ротою жандармовъ во сто человѣкъ,—отличіе, которое оказывалось прежде только принцамъ крови и главнокомандующимъ.

Въ походахъ 1524 и 25 годовъ Баярдъ участвовалъ послѣдній разъ. Въ сраженіи при Сезіи выстрѣлъ изъ мушкета раздробилъ ему поясницу, и Баярдъ, приказавъ положить себя лицомъ къ непріятелю, скончался славною смертью героя на 49 году жизни.

Глава 3-я.

Обнаруженіе вліянія ручнаго огнестрѣльнаго оружія на ходъ боя. Морицъ Пескари. Сраженіе при Павіи. Перемѣшиваніе конницы съ мушкетерами. Значеніе и употребленіе легкой конницы. Сраженіе при Черизоллѣ.

Намъ извѣстно уже, что въ 1515 году изобрѣтены были колесные замки, а въ 1521 въ Испаніи, раньше чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы, введены были въ употребленіе мушкеты. Большій калибръ, удобство сообщенія огня посредствомъ новыхъ замкòвъ, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ облегчили стрѣльбу и силу пораженія, а потому съ этого же времени, т. е., съ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія, ручное огнестрѣльное оружіе начинаетъ проявлять свое значеніе на поляхъ битвъ.

Передъ началомъ сраженій, когда рыцари или тяжелая конница выстраивала свои шеренги, конные стрѣлки, какъ ужъ мы неоднократно объ этомъ говорили, высылались впередъ и завязывали съ непріятелемъ перестрѣлку. Тоже самое дѣлала и пѣхота, которая со временъ Швейцарскихъ, Столѣтней и Гусситскихъ войнъ пріобрѣла себѣ значеніе на поляхъ сраженій. По примѣру знаменитыхъ англійскихъ стрѣлковъ и въ другихъ государствахъ сформированы были особыя роты, извѣстныя во Франціи подъ названіемъ вольныхъ ротъ или вольныхъ стрѣлковъ (francs archèrs). Кромѣ того, къ каждой пѣхотной части придавались взводы стрѣлковъ и тиральеры. Изъ этихъ стрѣлковыхъ частей передъ началомъ боя вызывались охотники или по одному выборному человѣку отъ взвòда, которыхъ называли также скороходами или отчаянными. Съ введеніемъ въ пѣхотѣ огнестрѣльнаго оружія при каждомъ баталіонѣ людей, вооруженныхъ пиками, составлены стрѣлковыя части сначала подъ именемъ аркебузеровъ, а потомъ мушкетеровъ.

Морицъ Пескари, командовавшій въ сраженіи при Павіи испанскими войсками, обратилъ особенное вниманіе на обученіе мушкетеровъ. Онъ практиковалъ ихъ въ производствѣ различныхъ эволюцій, быстромъ разсыпаніи и свертываніи въ кучки или взводы, строившіеся въ шахматномъ порядкѣ для флангового обстрѣливанія непріятельскихъ эскадроновъ. Этотъ маневръ, употребляемый и въ настоящее время пѣхотою, превосходно примѣняющеюся къ мѣстности и стрѣляющею на громадныя сравнительно разстоянія, имѣлъ мѣсто и въ XVI столѣтіи, не смотря на то, что мушкетерамъ часто приходилось дѣйствовать на открытой мѣстности. Причина успѣховъ мушкетеровъ заключалась въ дурномъ состояніи тогдашней конницы. Тяжелая конница съ ея грузными покрытыми желѣзомъ лошадьми могла только производить фронтальную атаку и гнать; конные же стрѣлки въ

большинствѣ были совершенно необучены, дурно ѣздили, такъ какъ главнымъ оружіемъ считали не коня, а свою пищаль, и всѣ движенія свои производили медленно и менѣе ловко чѣмъ жандармы. Исключеніе составляютъ испанскіе джинеты и страдіоты. Вотъ почему нерѣдко случалось, что, во время производства жандармами атаки разомкнутыми шеренгами, мушкетеры, собравшись кучками или совершенно разсыпавшись на мѣстѣ атаки, оставались совершенно невредимыми.

„Въ искусныхъ дѣйствіяхъ стрѣлковъ, маневрировавшихъ по указаніямъ Пескари, и заключалась, говоритъ Брантомъ, главная причина побѣды союзниковъ при Павіи надъ французами [1].“ Сраженіе при Павіи настолько интересно и такое важное вліяніе имѣло на дѣйствія въ бою конницы, что считаемъ необходимымъ съ нимъ познакомиться.

Сраженіе при Павіи 24 февраля 1525 года.

Въ 1523 году составился противъ Франціи, такъ называемый, Римскій союзъ, къ которому приступили императоръ германскій Карлъ V, король англійскій Генрихъ VIII, папа, республики венеціянская и генуэзская, маркизъ мантуанскій и герцогъ феррарскій. Желая предупредить союзниковъ, король Францискъ I двинулъ свою армію въ Италію. Но несправедливые поступки его и интриги матери, вслѣдствіе которыхъ коннетабль Карлъ Бурбонъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ наслѣдственныхъ земель, заставили послѣдняго перейдти на сторону Карла V. Обстоятельство это заставило Франциска остаться во Франціи, а начальство надъ арміею ввѣрить адмиралу Бонниве.

Бонниве вступилъ въ Италію, но дѣйствовалъ крайне нерѣшительно, далъ возможность союзникамъ сосредоточить силы, отнять всѣ завоеванія французовъ, и Бонниве долженъ былъ ни съ чѣмъ вернуться во Францію.

Вскорѣ за этимъ войска Карла V вступили въ Провансъ и осадили Марсель, но и союзникамъ не посчастливилось. Энергичная оборона города, недостатокъ продовольствія и приближеніе французскихъ войскъ заставили Карла снять осаду и отступить въ Италію. Французская армія послѣдовала за союзниками, вступила въ Италію, нанесла пораженіе ихъ арьергарду и безъ сопротивленія заняла Миланъ. Союзная армія, бывшая подъ начальствомъ вице-короля неаполитанскаго Ланнуа, отступила къ Лоди и далѣе на р. Олліо; а Францискъ, по совѣту Бонниве, осадилъ Павію.

Союзная армія была не довольно сильна, чтобъ освободить Павію; но по присоединеніи къ ней въ 1525 году Карла Бурбона съ 12 т. ланцкнехтовъ, набранныхъ имъ въ Германіи, она двинулась въ числѣ около 22—23 тысячъ (17 ты-

[1]) Frundsbergs Kriegsthaten. Fol. 47. Brantôme. IV p. 345.

сячъ человѣкъ пѣхоты, 4200 тяжелой и 700 всадниковъ легкой конницы) черезъ Лоди къ Павіи. Въ это самое время Франдискъ I отрядилъ герцога албанскаго съ 5 тыс. войскъ въ неаполитанское королевство для развлеченія вниманія и силъ союзниковъ; но не достигъ своей цѣли и только безполезно ослабилъ себя.

3-го февраля союзники подошли къ Павіи и расположились лагеремъ при Санта-Кроче и Санта Джустина, въ четырехъ верстахъ отъ нея; и съ этихъ поръ начались безпрерывныя столкновенія между легкими войсками обѣихъ сторонъ, большею частью съ перевѣсомъ на сторонѣ союзниковъ.

Обѣ стороны стояли въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Французская армія состояла изъ 26 тысячъ пѣхоты и 7 тысячъ конницы. Войска эти заняли позицію къ сѣверо-востоку отъ Павіи фронтомъ къ Лоди и Мариньяно. Правое крыло простиралось отъ р. Тичино до монастыря Санъ-Лоренцо включительно; центръ подъ предводительствомъ Франциска I стоялъ близь монастырей Санъ Паоло и Санъ Джакомо; лѣвое крыло доходило до дороги, ведущей изъ Павіи въ Миланъ, и упиралось въ Мирабельскій паркъ, занятый резервомъ подъ командою герцога Алансонскаго.

Мирабельскій паркъ былъ окруженъ каменною стѣною, въ которой на южной сторонѣ проломили три широкихъ входа для войскъ.

Фронтъ всего расположенія отъ мирабельскихъ стѣнъ до рѣки Тичино прикрывался широкимъ рвомъ и землянымъ валомъ, вдоль котораго французы разставили большую часть своей артилеріи. Въ тылу позиціи были устроены два моста, а, чтобы не прерывать обложенія города и прикрыть тылъ арміи противъ вылазокъ, вокругъ Павіи оставленъ былъ кордонъ легкихъ итальянскихъ войскъ.

Союзники, какъ сказано, расположились лагеремъ у Санта Кроче и Санта Джустина и обнесли его укрѣпленіями, откуда, дѣлая вылазки, приблизились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ французамъ, какъ говоритъ Рюстовъ [1]), на 40 шаговъ. Мы не будемъ описывать эти мелкія столкновенія, предпринимаемыя большею частью легкою испанскою пѣхотою подъ руководствомъ Пескари, перейдемъ прямо къ описанію сраженія, происшедшаго 24 февраля.

Такъ какъ фронтъ французской арміи, прикрытый укрѣпленіями и обстрѣливаемый всею тяжелою артиллеріею, былъ чрезвычайно силенъ, то союзники рѣшились бо́льшею частью силъ своихъ произвести нападеніе на мирабельскій паркъ, а съ фронта занимать французовъ ложными атаками. Чтобы переметчики не могли передать противнику распоряженій къ бою, союзники удвоили передовые посты. Войска получили приказаніе надѣть на платье бѣлыя рубашки, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе, чтобы послѣдніе отряды при выступленіи изъ лагеря зажгли шалаши и этимъ подали видъ, будто-бы союзная армія предприняла отступленіе.

---

[1]) Исторія пѣхоты, переводъ Пузыревскаго, стр. 236.

23 февраля, подъ вечеръ, войска, назначенныя для атаки мирабельскаго парка, двинуты были на миланскую дорогу, а въ тоже время, для отвлеченія вниманія непріятеля, сдѣланы были три ложныя атаки на фронтъ французскаго лагеря. Союзники приближались къ парку тремя сильными отрядами: впереди шелъ дель Васто съ 3000 испанскихъ аркебузёровъ, 3000 ланцкнехтовъ и 300 легкой конницы; за нимъ двигался Пескари съ 2000 испанцевъ и такимъ же количествомъ ланцкнехтовъ; справа слѣдовалъ Лануа, слѣва герцогъ Бурбонскій, каждый съ отрядомъ въ 300 жандармовъ. Сзади всей линіи шелъ полковникъ Алансонъ и 200 жандармовъ; онъ прикрывалъ полевыя пушки, запряженныя частью лошадьми, частью волами, которые по болотистой почвѣ подвигались впередъ очень медленно. Такимъ образомъ, какъ видно, для удара въ лѣвый флангъ французовъ союзники отрядили половину своей арміи, остальная половина должна была демонстрировать съ фронта.

Съ наступленіемъ сумерекъ, посланъ былъ отрядъ піонеровъ съ приказаніемъ разрушить часть западной стѣны парка. Капитанъ Салцедонъ, пользуясь отвлеченіемъ вниманія французовъ къ своему фронту, противъ котораго союзники открыли канонаду и повели ложныя атаки, успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе, и къ двумъ часамъ ночи входъ въ паркъ былъ проломленъ въ 60 шаговъ ширины. Французы до утра объ этомъ не знали, а поднявшееся на разсвѣтѣ пламя отъ зажженнаго лагеря убѣдило ихъ въ томъ, что союзники отступаютъ.

Три пушечные выстрѣла на миланской дорогѣ извѣстили гарнизонъ Павіи, что всѣ приготовленія благополучно окончены и что теперь начнется настоящее нападеніе [1]). Маркизъ дель-Васто первый вступилъ черезъ устроенный проломъ и устремился къ Мирабелю. На разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ замка онъ былъ встрѣченъ непріятельскимъ постомъ подъ начальствомъ генуэзца Джюстиніани, разсѣялъ его и двинулся по парку далѣе.

При первыхъ выстрѣлахъ, раздавшихся въ паркѣ, Францискъ I понялъ грозившую ему опасность, если-бы герцогъ Алансонскій не отстоялъ мирабельскаго замка, и потому, оставивъ графа Бюсси д'Амбуазъ съ корпусомъ пѣхоты для защиты лагеря съ фронта, приказалъ всѣмъ остальнымъ войскамъ изъ центра и праваго фланга спѣшить къ Мирабелю. Впереди всѣхъ поскакали жандармы, а за ними легкія полевыя орудія.

Между тѣмъ дель-Васто атаковалъ мирабельскій замокъ. Гарнизонъ, захваченный въ расплохъ, оказалъ слабое сопротивленіе, замокъ былъ взятъ приступомъ, и герцогъ Алансонскій отступилъ.

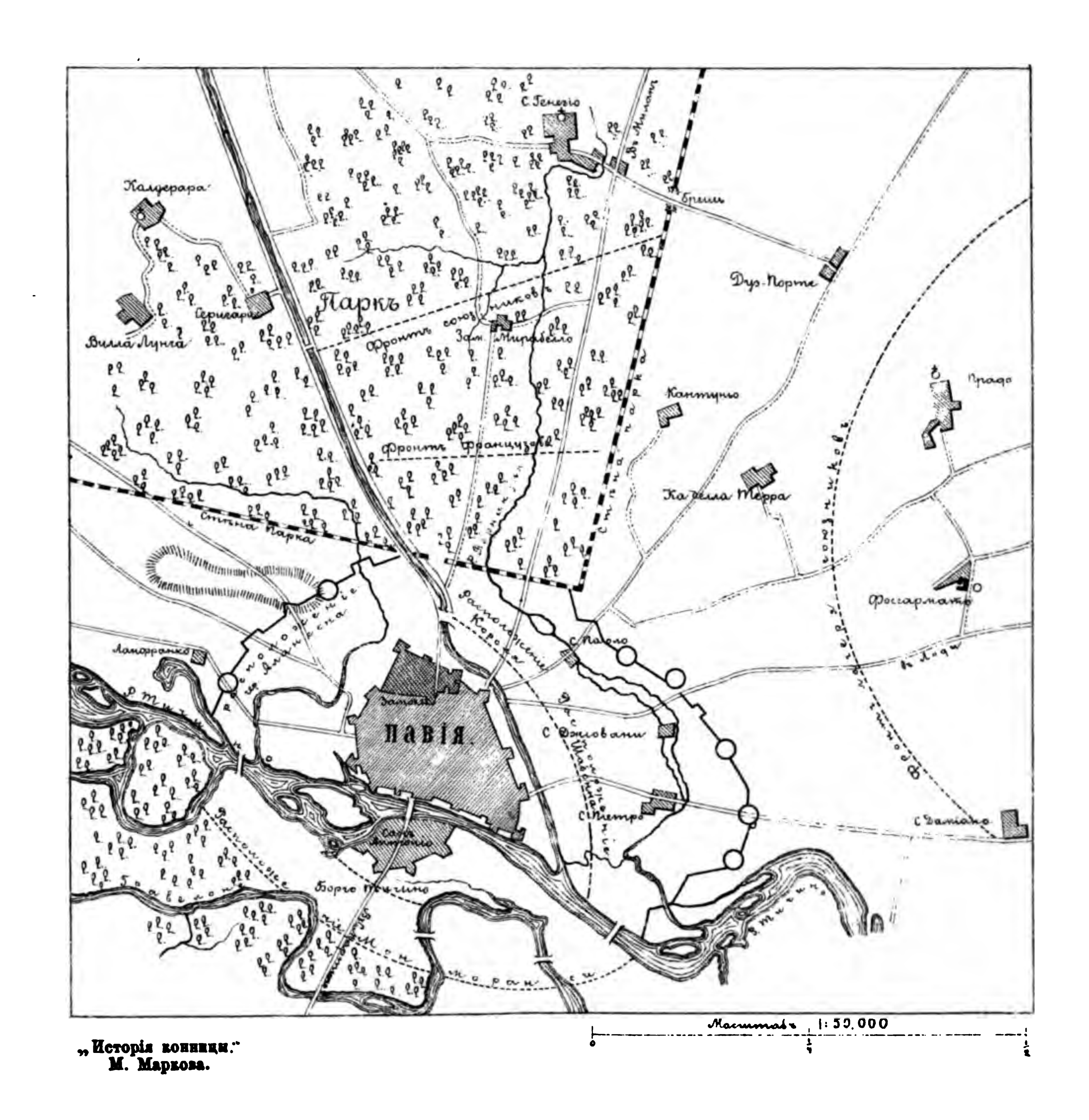
[1]) Гарнизонъ Павіи, 5000 ланцкнехтовъ, 500 человѣкъ испанской пѣхоты и 200 испанскихъ же жандармовъ, состоялъ подъ начальствомъ испанскаго генерала Антоніо де-Лейва, который, благодаря ловкости полковника Фрундсберга, былъ увѣдомленъ о готовившемся 24 февраля нападеніи на французовъ.

Вслѣдъ за отрядомъ дель-Васто вошелъ въ паркъ Пескари, предшествуемый жандармами и направился къ мирабельскому замку на помощь дель-Васто; а за нимъ подвигался съ орудіями полковникъ Алансонъ. Все это направлялось къ замку. Но въ это время успѣли прискакать французскіе жандармы и легкая артиллерія. Жандармы не медля бросились на отрядъ Алансона разсѣяли союзную конницу и овладѣли пушками; а такъ какъ увезти орудія не представлялось возможности, то французскіе латники разогнали лошадей и воловъ и увезли упряжь. Но на выручку союзной конницѣ подоспѣла третья линія имперцевъ подъ начальствомъ Фрундсберга и Макса Зитиха Эмбса.

Дѣйствія эти происходили на крайнемъ лѣвомъ флангѣ французовъ въ то время, когда Пескари миновалъ мѣсто атаки французскихъ жандармовъ и, пройдя паркомъ, соединилъ отрядъ свой съ отрядомъ дель-Васто для дальнѣйшаго наступленія на герцога Алансонскаго. Но вслѣдъ за отступленіемъ герцога подоспѣлъ Гольво-де-Женульякъ, начальникъ французской артиллеріи, съ нѣсколькими орудіями: онъ ввелъ ихъ въ паркъ и удачными выстрѣлами остановилъ наступленіе союзниковъ. Мало по малу прибывающая артиллерія составила сильную батарею, которая наносила войскамъ дель-Васто и Пескари, а также жандармамъ, шедшимъ съ его отрядомъ, страшный вредъ; одинъ Фрундсбергъ успѣлъ поставить свою колонну въ углубленное мѣсто и предохранить ее отъ убійственнаго огня. За нимъ расположились 200 конныхъ тѣлохранителей эрцгерцога австрійскаго.

Французскія войска, по мѣрѣ прибытія различныхъ частей съ праваго фланга, старались устроиться въ боевой порядокъ, но не совершенно въ томъ успѣли. Большая часть артиллеріи помѣстилась на правомъ крылѣ парка, слѣва должна была примкнуть къ ней швейцарская пѣхота, еще лѣвѣе отрядъ изъ 2000 пѣхоты и 100 жандармовъ Монморанси, шедшій съ крайняго праваго крыла; но до прибытія послѣдняго къ лѣвому флангу швейцарцевъ пристроились роты жандармовъ, опрокинувшія отрядъ полковника Алансона.

Пока шла перестрѣлка между французскою артиллеріею и легкими войсками съ обѣихъ сторонъ, въ паркѣ показался новый отрядъ союзниковъ, именно 3000 итальянцевъ подъ начальствомъ полковниковъ Папакоды и Цезаріона, которые намѣревались пробраться въ Павію по западной сторонѣ мирабельскаго парка. Находившіяся — при отрядѣ 5 тяжелыхъ пушекъ, такъ называемыя стѣноломы, чрезвычайно замедляли движеніе колонны, вслѣдствіе чего она и отстала отъ отряда Фрундсберга. Францискъ I приказалъ генераламъ Бріонъ Шабо и Баццало атаковать итальянцевъ. Въ ту минуту, когда Папакода достигъ границы парка, жандармы Бріона и Баццала бросились въ атаку, взяли 5 стѣноломовъ и разсѣяли итальянцевъ, большая часть которыхъ спаслась въ ближайшую рощу. Пескари, замѣтивъ несчастный оборотъ дѣлъ у Папакоды, послалъ просить Лануа, герцога Бурбонскаго и графа Сальма, чтобы они сдѣлали нападеніе, но едва тяже-

„Исторія конницы."
М. Маркова.

лая конница союзниковъ выдвинулась впередъ, какъ смертоносный огонь французской артиллеріи заставилъ ее броситься назадъ. Союзные генералы принуждены были приказать войскамъ лечь на землю или скрыться за строеніями или рытвинами.

Такимъ образомъ два отряда союзниковъ полковника Алансона и Папакоды были разсѣяны, тяжелая конница опрокинута и наступленіе союзниковъ на всѣхъ пунктахъ остановлено. Но горячность Франциска I испортила все дѣло. Замѣтивъ разстройство итальянской колонны и поспѣшность, съ которою конница союзниковъ уходила изъ подъ выстрѣловъ французскихъ батарей, онъ вообразилъ себѣ, что противникъ совершенно разстроенъ. Чтобы довершить предполагаемое пораженіе, онъ велѣлъ маршалу Шабонну двинуться съ жандармами въ атаку и преслѣдовать конницу союзниковъ. Но атака эта замедлилась и произведена была тогда, когда союзники успѣли уже устроиться.

Между тѣмъ французскіе жандармы, двинувшись впередъ и развернувшись en haye, заслонили свою артиллерію, которая должна была прекратить пальбу, столь гибельную для непріятеля. Пользуясь этимъ, Пескари выдвинулъ впередъ своихъ аркебузёровъ, разсыпалъ ихъ кучками и открылъ огонь. Линіи жандармовъ пронеслись мимо аркебузёровъ безъ всякаго для нихъ вреда, между тѣмъ какъ аркебузёры, стрѣляя почти въ упоръ, перебили множество жандармовъ, и они должны были обратиться назадъ и бросились за свою пѣхоту.

Пользуясь этимъ, Лануа двинулся съ своими латниками преслѣдовать и наскочилъ на швейцарскую пѣхоту, пропустившую своихъ жандармовъ, но получилъ отпоръ и взятъ въ лѣвый флангъ легкою французскою конницею. Въ тоже время Пескари и дель-Васто повели ланцкнехтовъ Фрундсберга и остальныхъ жандармовъ въ лѣвый флангъ швейцарцевъ. Но въ это время подоспѣлъ отрядъ Монморанси и началъ выстраиваться на лѣвомъ флангѣ швейцарцевъ. Ударъ, направленный на послѣднихъ, обрушился на Мормoранси, конница котораго только начала развертываться. Испанскіе стрѣлки подъ командою полковника Козады, смѣшавшись съ своими всадниками, произвели столь великое опустошеніе во французской конницѣ и между прислугою въ артиллеріи, что отрядъ Монморанси пришелъ въ величайшее разстройство. Тогда конница испанцевъ бросилась въ атаку, взяла Монморанси въ плѣнъ, овладѣла артиллеріею и весь отрядъ его обратила въ бѣгство.

Остались одни швейцарцы, которые совокупными усиліями Пескари, дель-Васто, Лануа и герцога Бурбонскаго, послѣ нѣкотораго сопротивленія, были сломлены и начали отступать къ р. Тичино мимо герцога Алансонскаго, который послѣ потери замка стоялъ съ остатками своего отряда въ резервѣ. Алансонскій, желая пройдти раньше мостъ и, такъ какъ швейцарцы уже заслонили его, бросился впередъ, открылъ себѣ путь силою и привелъ этимъ швейцарцевъ въ со-

вершенный безпорядокъ. Для удержанія напора союзниковъ придвинуты были послѣднія войска изъ центра позиціи, на которой остался только одинъ Бюсси д'Амбуазъ. Гасконцы и ланцкнехты, такъ называемой, черной банды смѣнили швейцарцевъ; но и они были опрокинуты совокупными усиліями союзниковъ.

Французскій король находился въ большой опасности. Всѣ жандармы уцѣлѣвшіе въ бою скакали съ разныхъ сторонъ для его защиты и, собравшись въ числѣ 1500 всадниковъ, дали отпоръ всѣмъ усиліямъ непріятельской конницы, пока не подоспѣли испанскіе стрѣлки. Протискавшись между своими всадниками, они открыли убійственный огонь. Почти всѣ генералы и множество рыцарей было убито, король потерялъ лошадь и самъ получилъ нѣсколько ранъ. Наконецъ по убѣдительной просьбѣ рыцаря Помперана согласился вручить свою шпагу неаполитанскому вице-королю.

Во время этихъ дѣйствій и Лейва выступилъ изъ Павіи, овладѣлъ Санъ-Ланфранко и атаковалъ французовъ съ тыла. Уцѣлѣвшій еще отрядъ д'Амбуаза, узнавъ обстоятельства дѣла, спѣшилъ на помощь королю, но его встрѣтилъ отрядъ ланцкнехтовъ Фрундсберга. Въ происшедшей схаткѣ Бюсси былъ убитъ, и его отрядъ разсѣянъ.

Разбитые и со всѣхъ сторонъ преслѣдуемые французы бросились къ рѣкѣ Тичино; герцогъ Алансонскій для прикрытія своего собственнаго отступленія велѣлъ мосты уничтожить. Большая часть оставшейся конницы, какъ говорятъ источники [1]), переплыла черезъ рѣку, но пѣхота почти вся погибла или взята была въ плѣнъ.

Относясь критически къ описанному сраженію, касательно дѣйствій войскъ вообще и особенно дѣйствій конницы, мы замѣчаемъ слѣдующее:

Обѣ стороны стоятъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, фронтъ которыхъ особенно у французовъ, чрезвычайно силенъ. По этой причинѣ союзники рѣшаются атаковать въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, сосредоточивъ къ правому флангу большую часть силъ, а на прочихъ пунктахъ занимая противника демонстраціями. Введя такимъ образомъ французовъ въ заблужденіе, они безъ особеннаго труда занимаютъ мирабельскій паркъ, опрокидываютъ слабый отрядъ герцога Алансонскаго; но подоспѣвшая полевая артиллерія останавливаетъ всѣ успѣхи союзниковъ. Всѣ усилія союзниковъ противъ батареи оказались тщетными и, вѣроятно, превосходно задуманный планъ атаки рушился бы совершенно или, по крайней мѣрѣ, французы успѣли бы сосредоточить большую часть силъ къ лѣвому флангу, если-бы не горячность Франциска, который приказалъ своей конницѣ атаковать, Этою атакою, конница закрыла батарею, и союзники. опрокинувъ совокупными усиліями жандармовъ, на ихъ плечахъ атаковали пѣхоту и избѣгли убійственнаго артиллерій-

---

[1]) Militair—Conv. Lex. Воен. энцикл. лекс. т. X.

скаго огня. Прочія французскія войска, какъ извѣстно были биты по частямъ, по мѣрѣ своего прибытія на подкрѣпленіе лѣвому флангу, гдѣ всегда натыкались на превосходныя силы союзниковъ.

Въ отношеніи дѣйствій конницы можно замѣтить, что дѣйствуетъ въ бою и атакуетъ преимущественно тяжелая конница, легкая выступила въ дѣло со стороны французовъ одинъ только разъ, бросившись во флангъ жандармамъ союзниковъ, которые попробовали произвести атаку на швейцарцевъ. Тяжелая конница, сосредоточенная у французовъ въ значительномъ числѣ, одерживаетъ успѣхи, разбиваетъ отряды полковниковъ Алансона и Папакоды, дважды овладѣваетъ артиллеріею противника и превосходно обезпечиваетъ лѣвый флангъ своей арміи; но, брошенная несвоевременно въ атаку, заслоняетъ и парализируетъ дѣйствіе своей артиллеріи. Атака производится развернутыми линіями (en haye).

Союзники, слабые конницею, въ помощь своимъ жандармамъ выдвигаютъ свою легкую пѣхоту. Ловкіе испанскіе стрѣлки, руководимые Пескарою, разсыпаются кучками, и замѣчательно, что во время атаки, ловко изворачиваясь отъ удара жандармовъ, остаются почти невредимы, сами же наносятъ огнемъ имъ огромный вредъ. Происходило это потому, что жандармы, какъ сказано атаковали разомкнутыми шеренгами и, пустивъ тяжелыхъ лошадей своихъ въ карьеръ, не могли свернуть ихъ съ прямаго направленія никуда.

Подобными дѣйствіями испанскіе стрѣлки три раза подготовили успѣхъ своей конницѣ: второй разъ при атакѣ отряда Монморанси и третій разъ противъ французскихъ рыцарей, которые прискакали съ разныхъ мѣстъ поля сраженія для защиты своего короля. Всѣ атаки союзной конницы были жандармами отбиты, пока не подоспѣли испанскіе стрѣлки, которые, протискавшись между своими всадниками, открыли по французскимъ рыцарямъ огонь и большую часть изъ нихъ перебили.

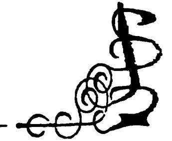
Въ описанномъ сраженіи, какъ видно, не только артиллерія, но и ручное огнестрѣльное оружіе обнаруживаетъ существенное вліяніе на ходъ боя. Такой же успѣхъ имѣли мушкатеры Пескары въ сраженіи при Сезіи, случившемся три года назадъ т. е., въ 1522 году. Дѣйствія стрѣлковъ въ упомянутыхъ сраженіяхъ произвели сильное впечатлѣніе на современниковъ и обнаружили большое вліяніе на способы дѣйствія конницы, организацію и самое вооруженіе этого рода оружія. Съ этихъ поръ не только считаютъ необходимымъ подкрѣплять въ бою дѣйствія конницы стрѣлками, перемѣшивать мелкіе кавалерійскіе отряды съ пѣхотными, какъ бы для бо́льшаго взаимодѣйствія обоихъ родовъ оружія, но даже организуются особыя роты, составленныя изъ легкой конницы и пѣшихъ стрѣлковъ. „ Съ 30-хъ годовъ 16-го столѣтія“, говоритъ Рюстовъ [1]), „такое соедине-

[1]) Исторія пѣхоты, переводъ Пузыревскаго, т. I, стр. 273. Ссылка на Монлюка.

ніе стрѣлковъ съ кавалеріею начинаетъ мало по малу пріобрѣтать значеніе. Этому благопріятствуетъ то обстоятельство, что кавалерія, какъ уже раньше было замѣчено, теряетъ рыцарскій характеръ, превращается въ конныхъ ландскнехтовъ и даже вооружается огнестрѣльнымъ оружіемъ, подобно пѣхотѣ. Кавалерія, вступившая такимъ образомъ въ тѣсную связь со стрѣлками пѣхоты, была легкою кавалеріею. Во второй половинѣ 16-го столѣтія подобная связь была совершенно обыкновенною, нормальною и становится столь тѣсною, что пѣшіе стрѣлки и конные аркебузеры соединяются въ одну роту и вербуются вмѣстѣ".

Но такое соединеніе или перемѣшиваніе конницы съ пѣхотою часто ставило первую въ странное положеніе. Случалось, что не мушкетеры своимъ огнемъ подготовляли атаку конницѣ; а конница двигалась за стрѣлками въ видѣ репли и охраняя ея фланги, что особенно часто замѣчалось въ дѣйствіяхъ малой войны, которая въ тѣ времена получила большое развитіе. Въ этихъ дѣйствіяхъ, къ удивленію, наступательная роль принадлежала не конницѣ, а пѣхотѣ. Въ 1528 году графъ Лотрекъ стоялъ съ французскими войсками передъ Неаполемъ противъ имперскихъ войскъ подъ начальствомъ Филиберта Оранскаго. Малая война между обѣими сторонами была въ полномъ разгарѣ. „Французскіе отряды, преимущественно изъ черныхъ шаекъ", говоритъ Рюстовъ [1]), „выступили изъ лагеря и приблизились, сколько было возможно, къ стѣнамъ Неаполя, желая помѣшать осажденнымъ выслать части изъ города, чтобы запастись провіантомъ. Передовые французскіе отряды всегда составлялись изъ стрѣлковъ; пикинеры слѣдовали за ними въ видѣ резерва. Стрѣлки попали подъ выстрѣлы съ городскихъ стѣнъ, тогда легкая кавалерія вышла изъ воротъ, съ нею также двинулись и стрѣлки и заняли выгодную позицію, кавалерія бросилась на французскія стрѣлковыя части. Лотрекъ не могъ поддержать ихъ своею кавалеріею, которая была расположена около Капуи, Кверзы и Нолы. Пикинеры не могли также своевременно оказать поддержу кучкамъ стрѣлковъ, а послѣдніе не могли вдвремя отойти къ пикинерамъ, не желая лишиться свободы движеній.

Подобныя обстоятельства часто повторялись и съ теченіемъ времени учащались, такъ какъ огнестрѣльное оружіе становилось преобладающимъ. Если на 3000 человѣкъ пѣхоты приходилось только 1000 пикинеровъ, то ясно, что они не могли представить для стрѣлковъ такой опоры, какъ при обратномъ отношеніи. Если пикинеровъ замѣняли кавалеріею, то она не могла составить стѣны, за которую бы скрылись въ безопасности стрѣлки; но она могла скорѣе явиться на каждомъ угрожаемомъ пунктѣ, могла, бросившись на противника, дать имъ время и возможность отступить въ закрытую мѣстность".

[1]) Исторія пѣхоты, т. I, стр. 273.

Замѣчательно, что и въ большихъ столкновеніяхъ стали перемѣшивать конницу съ пѣхотою. Легкая конница обыкновенно становилась въ боевой линіи, хоть не въ уровень съ первой шеренгой, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы встрѣтить непріятеля въ одинъ моментъ съ своею пѣхотою [1]). И тутъ по большей части для поддержки разсыпанной цѣпи стрѣлковъ ставится не пѣхота, а легкая конница. Въ сраженіи при Черизоллѣ, въ 1544 г. имперская пѣхота раздѣлена была на три баталіона, въ промежуткахъ между которыми и на флангахъ стояли кавалерійскія части. Одна изъ нихъ со стороны нѣмцевъ назначена была для поддержки стрѣлковой цѣпи. У французовъ конница также была расположена между баталіонами пѣхоты. Во время разгара стрѣлковаго боя для поддержки своей цѣпи и французы выдвинули сначала 60, а потомъ еще 25 всадниковъ.

Иногда и между тяжелою конницею разставлялись пѣшіе стрѣлки, чтобы стрѣльбой приводить въ разстройство атакующихъ непріятельскихъ латниковъ и, пользуясь этимъ, съ большею вѣроятностью ихъ опрокидывать.

Подобное соединеніе конницы и пѣхоты, по мнѣнію Гойера, вызвано было отчасти увеличивающею толщиною и массивностью предохранительнаго вооруженія; такъ какъ пули короткихъ пищалей или аркебузъ легкой конницы не могли уже пробивать доспѣховъ жандармовъ и пикенеровъ пѣхоты, которые также мало по малу обратились въ тяжелую пѣхоту. Въ соединеніи же съ мушкетерами, дѣйствовавшими съ вилокъ (подставокъ) изъ оружія увеличеннаго калибра, легкая конница находила возможнымъ для себя противустоять латникамъ.

Не смотря на это, и въ описываемое время жандармы еще поддерживаютъ свою славу, хотя и легкая конница, независимо своего преимущественнаго употребленія по охраненію войскъ и въ дѣйствіяхъ малой войны, нѣсколько расширяетъ свою роль, являясь болѣе дѣятельною участницею и въ крупныхъ столкновеніяхъ. Для болѣе нагляднаго уясненія роли конницы въ боевыхъ столкновеніяхъ въ половинѣ XVI столѣтія и подтвержденія только что сказаннаго относительно тяжелой и легкой конницы, постараемся разобрать сраженіе при Черизоллѣ, которое какъ современниками, такъ и военноученными людьми описывается съ большею подробностью сравнительно съ другими столкновеніями; а потому является и больше вѣроятія почерпнуть изъ нихъ свѣденія, дѣйствительно отвѣчающія тогдашнему времени.

Сраженіе при Черизоллѣ 11 апрѣля 1544 года.

Открывшаяся между Францискомъ I, королемъ французскимъ, и Карломъ V, императоромъ германскимъ, въ 1542 году война, какъ въ Нидерландахъ, такъ и

---

[1]) Hoyer. Ч. I, стр. 175.

въ Италіи, шла два года безъ особенныхъ результатовъ; и хотя главное вниманіе обѣихъ сторонъ было обращено на сѣверный театръ войны, но въ концѣ концовъ болѣе рѣшительныя дѣйствія произошли въ Піемонтѣ. Графъ д'Ангіенъ, получивъ начальство надъ французскими войсками въ Піемонтѣ, съ цѣлью отдалить отъ Турина имперскую армію маркиза де Гуасто, и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить потерянное сообщеніе съ городами, занимаемыми еще французскими войсками на р. По, вознамѣрился осадить укрѣпленный городъ Кариньяно. Когда маркизъ де Гуасто, будучи гораздо сильнѣе французовъ, началъ сосредоточивать войска свои, то положеніе французовъ сдѣлалось опаснымъ; но духъ французскихъ войскъ настолько былъ силенъ, что, въ случаѣ боя, можно было разсчитывать на успѣхъ. Вслѣдствіе этого графъ д'Ангіенъ послалъ капитана Монлюка испросить королевское разрѣшеніе на принятіе сраженія, которое, послѣ многихъ протестовъ, капитанъ получилъ и привезъ въ армію. Между тѣмъ маркизъ де Гуасто 8 апрѣля выступилъ изъ Асти, съ намѣреніемъ отрѣзать французовъ отъ графства Салюццо, черезъ которое къ нимъ шли всѣ подвозы, освободить Кариньяно и, въ случаѣ успѣха, вторгнуться въ Савоію.

Французы расположились лагеремъ у Карманіолы. 10 апрѣля самъ графъ д'Ангіенъ съ отрядомъ изъ легкой конницы и пѣшихъ стрѣлковъ выступилъ къ Черизоллѣ на рекогносцировку, на равнинѣ между этимъ селеніемъ и Соммаривой открылъ противника и завязалъ перестрѣлку. Вслѣдствіе этого нападенія Гуасто сосредоточилъ свою армію при Черизоллѣ и рѣшился утромъ 11 апрѣля атаковать французовъ у Карманіолы или встрѣтить противника на выгодной позиціи.

Армія имперцевъ выступила тремя колоннами, такъ какъ мѣстность этому благопріятствовала: въ правой шелъ авангардъ, въ средней главныя силы и въ лѣвой арьергардъ. Когда авангардъ, нѣсколько опередившій прочія колонны, получилъ свѣденія о движеніи противника, Гуасто приказалъ войскамъ развернуться въ боевой порядокъ.

Авангардъ, въ которомъ было 5000 отборной испанской и нѣмецкой пѣхоты и 400 человѣкъ конницы, подъ общимъ начальствомъ Раймунда Кордоны, составилъ правый флангъ, конницею командовалъ принцъ Сульмоне; главныя силы, 10 тысячъ ландскнехтовъ и 300—400 человѣкъ конницы, подъ личнымъ начальствомъ Гуасто, построились въ центрѣ; арьергардъ, 6 тысячъ итальянской пѣхоты и 700—800 флорентинскихъ рыцарей Родольфа Балліони, подъ общимъ командованіемъ принца Салернскаго, составили лѣвое крыло. Численность всей арміи Гуасто простиралась до 21 тысячи пѣхоты и 1400—1500 конницы [1]). Вся кон-

[1]) Численность войскъ показана согласно исторіи пѣхоты Рюстова (т. I, стр. 255) и Воен. исторіи средн. вѣковъ Пузыревскаго (Ч. II, стр. 182). Въ воен. энц. лексиконѣ (т. XIII, стр. 202) количество войскъ, особенно конницы, показано значительно больше.

ница расположилась въ перемѣшку съ пѣхотою и на одной съ нею высотѣ, какъ можно видѣть на планѣ. Фронтъ боеваго порядка усиливался двадцати-орудійною батареей.

Французская армія выступила изъ своего лагеря около часу ночи и, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ сотъ аркебузеровъ подъ командою Монлюка, двинулась къ Черизоллѣ. Въ седьмомъ часу утра Монлюкъ замѣтилъ непріятеля, который также выдвинулъ своихъ стрѣлковъ и, подъ прикрытіемъ этой перестрѣлки, обѣ стороны развернули свои силы.

Мѣстность, на которой произошло сраженіе представляетъ довольно широкую долину съ пологими скатами. Склонъ, занятый французами во многихъ мѣстахъ пересѣкался изгородями, кое гдѣ покрытъ кустарниками; а въ самомъ низу, противъ лѣваго фланга ихъ, находилось топкое мѣсто. Тутъ-же нѣсколько повыше стоялъ домикъ, и такой же домикъ находился по другую сторону болота ближе къ правому флангу.

Французы построили боевой порядокъ на сѣверномъ склонѣ долины слѣдующимъ образомъ: авангардъ изъ 4 тысячъ госконцевъ, 60 человѣкъ ордонансовыхъ рыцарей (maitres), и 640 легкой конницы Терма, подъ общимъ начальствомъ Бутьера, составилъ правый флангъ; лѣвѣе авангарда стали главныя силы графа д'Ангіенъ. Въ нихъ было 4 тысячи швейцарской пѣхоты и 400 отборныхъ всадниковъ тяжелой конницы, а именно: 3 роты жандармовъ, по 50 въ каждой, 100 конныхъ дворянъ—рыцарей и 150 шлемовъ подъ командою д'Оссена, со свитою около 50 человѣкъ. На лѣвомъ флангѣ расположился аррьергардъ подъ начальствомъ Дампьера. Онъ состоялъ изъ баталіона граубинденцевъ или грейерцевъ и итальянцевъ (6000 человѣкъ) и 320 легкихъ всадниковъ ордонансовыхъ ротъ. Общее количество французскихъ войскъ простиралось отъ 14 до 15 тысячъ пѣхоты и 1420 человѣкъ конницы.

Артиллерія была раздѣлена на 2 батареи, каждая въ 8 орудій: одна стояла въ центрѣ, другая на лѣвомъ флангѣ.

Монлюкъ, наступая съ своими аркебузерами впереди французской арміи, имѣлъ въ виду, согласно общихъ распоряженій, занять высоты по южную сторону упомянутой выше долины. На этихъ высотахъ наканунѣ, во время своей рекогносцировки, останавливался графъ д'Ангіенъ и, вѣроятно, нашелъ ихъ болѣе выгодными. Но французы опоздали, такъ какъ Монлюкъ, прибывъ на поле сраженія, нашелъ эти высоты уже занятыми непріятелемъ.

Сраженіе началось перестрѣлкой между аркебузерами Монлюка и имперскими стрѣлками, которые, выдвинувшись впередъ, при поддержки конницы встрѣтили Монлюка и остановили его дальнѣйшее движеніе. Заимствуемъ описаніе этого

стрѣлковаго боя, продолжавшагося отъ 3 до 4 часовъ безъ явнаго перевѣса у Пузыревскаго [1]).

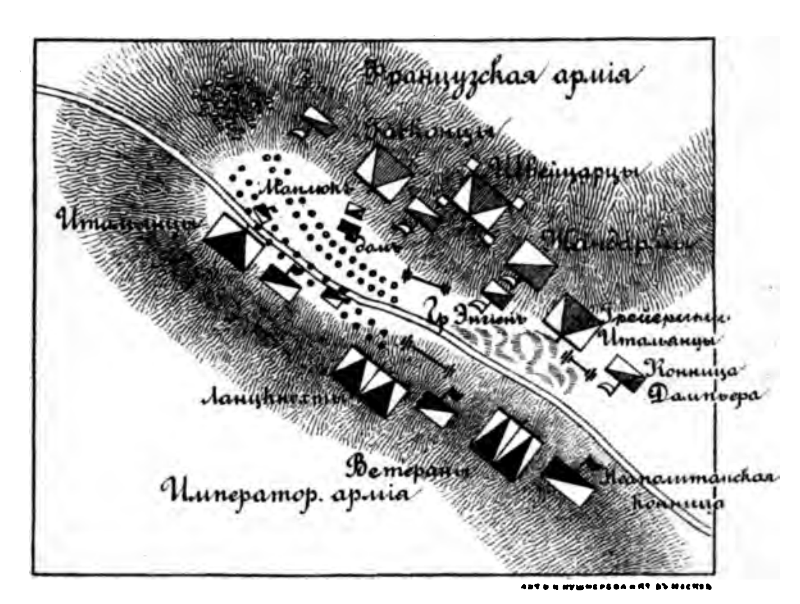
„Монлюкъ, получивъ въ командованіе аркебузеровъ, выбралъ себѣ въ помощь четырехъ капитановъ: Бреля, Гаске, Менара и Фава. Послѣднихъ двухъ онъ выслалъ, для управленія стрѣлковымъ боемъ, вправо, а самъ съ двумя остальными направился къ домику, о которомъ сказано выше; тамъ онъ поручилъ каждому изъ капитановъ часть цѣпи, выслалъ впередъ 40—50 аркебузеровъ, подъ начальствомъ сержанта, а самъ съ поддержками остался у домика. Здѣсь завязалась оживленная перестрѣлка, то та, то другая сторона подавалась впередъ, и такъ продолжалось часа 3—4; наконецъ лѣвый флангъ аркебузеровъ Монлюка долженъ былъ отступить назадъ, такъ какъ непріятельскихъ стрѣлковъ поддерживала кавалерія, а Монлюкъ таковой не имѣлъ. Аркебузеры его у домика занимали выдающееся расположеніе и могли быть отрѣзаны непріятелемъ, поэтому онъ рѣшился оставить домикъ, отступить нѣсколько назадъ и занять удобную позицію; послѣ этого огнестрѣльный бой возобновился съ новою силою, хотя и не могъ дать никакихъ положительныхъ результатовъ. Монлюкъ получилъ приказаніе снова овладѣть домикомъ, но это для него оказывалось невозможнымъ, такъ какъ стрѣлки, при движеніи по открытой мѣстности, подвергались атакамъ непріятельской кавалеріи, а Монлюку таковой не присылали, не смотря на его просьбы. Наконецъ къ нему прибыло сначала 60, а затѣмъ еще 25 всадниковъ, но безъ особаго приказанія поддержать аркебузеровъ. Монлюкъ уговорилъ начальника этой кавалеріи не дѣлать его причиной потери сраженія и поддержать при атакѣ домика; тотъ согласился; тогда Монлюкъ соединилъ стрѣлковъ своихъ и Бреля и расположилъ ихъ по правую руку; стрѣлковъ Гаске подтянулъ слѣва, а кавалерію помѣстилъ въ серединѣ между стрѣлками и въ такомъ порядкѣ сталъ наступать съ разстоянія около 300 ш. отъ противника; подойдя шаговъ на 100—120, аркебузеры открыли огонь, заставившій непріятельскую кавалерію и стрѣлковъ отступить; французы снова заняли домикъ, а стрѣлки разсыпались на прежней позиціи.“

Около 11 часовъ утра, удостовѣрившись наконецъ въ превосходствѣ своихъ силъ, Гуасто рѣшился произвести наступленіе и отдалъ приказаніе пикинернымъ баталіонамъ праваго фланга и центра приготовиться къ атакѣ. Но обоимъ баталіонамъ приходилось первоначально двигаться по топкой и неудобной мѣстности, на которой пикинеры не могли построить своихъ огромныхъ квадратовъ. Поэтому Гуасто велѣлъ усилить своихъ стрѣлковъ и выбить французовъ съ ихъ позиціи у домика. Французы также усилили свою цѣпь; но такъ какъ нѣмцы были сильнѣе, то позиція осталась за ними. Гуасто тотчасъ выдвинулъ къ домику батарею, которая открыла огонь по баталіону гасконцевъ.

---

[1]) Часть II, стр. 182.

Сраженіе при Черизолѣ.

„Исторія Конницы“
М. Маркова.

Чтобы не стоять въ бездѣйствіи и вмѣстѣ съ тѣмъ вывести свой баталіонъ изъ огня, Тэ рѣшился атаковать принца Салернскаго и съ этою цѣлью повернулъ баталіонъ вправо, не замѣчая приготовленій нѣмцевъ къ атакѣ. Но Монлюкъ, слѣдившій за ходомъ боя, бросился предупредить гасконцевъ, которые въ тоже время получили и отъ Мартина-дю-Белей, исполнявшаго роль начальника штаба, приказаніе вернуться на свое мѣсто. Баталіонъ вернулся, и къ нему съ фланговъ опять пристроилась конница Терма и Бутьера. Между тѣмъ цѣпь испанскихъ аркебузеровъ, овладѣвъ позиціею у домика, выходила во флангъ жандармамъ Бутьера. Монлюкъ собралъ сколько могъ своихъ стрѣлковъ и сдѣлалъ новое усиліе чтобы оттѣснить цѣпь испанцевъ; но они кажется сами отошли, чтобы очистить мѣсто наступающему баталіону пикинеровъ. Получивъ свѣденіе о движеніи имперцевъ, и швейцарскій баталіонъ, стоявшій въ центрѣ французскихъ войскъ, изготовился къ бою. Но прежде, чѣмъ описывать столкновеніе, происшедшее въ центрѣ, обратимся къ правому флангу Гуасто.

Раймундъ Кордона, прикрывъ баталіонъ свой цѣпью аркебузеровъ, обезпечивъ правый флангъ конницею Сульмоне и лѣвый стрѣлковымъ крыломъ, двинулся впередъ къ домику, бывшему на лѣвомъ флангѣ позиціи французовъ. Здѣсь стояла французская батарея. Испанскіе аркебузеры бросились впередъ и сразу овладѣли батареей. Въ это время Дампьеръ, стоявшій съ отрядомъ легкой конницы на лѣвомъ флангѣ боеваго порядка французовъ, пошелъ въ атаку на конницу Сульмоне, опрокинулъ и, преслѣдуя ее, проскакалъ мимо непріятельскихъ пикинеровъ. Союзники продолжали наступленіе и атаковали баталіонъ грейерцевъ и итальянцевъ.

Графъ д'Ангіенъ рѣшился поддержать грейерцевъ атакою своей конницы и, ставъ во главѣ своихъ жандармовъ, ударилъ въ лѣвый уголъ баталіона Кордоне; но пикинеры разступились, и жандармы пронеслись черезъ весь баталіонъ до юговосточнаго угла, гдѣ попали подъ ближній огонь аркебузеровъ.

Потеря на первыхъ порахъ батареи весьма неблагопріятно подѣйствовала на молодыхъ, малоопытныхъ людей баталіона грейерцевъ и итальянцевъ, и хотя офицеры и первые ряды оказали сопротивленіе; но сначала задніе ряды, а потомъ по примѣру ихъ, и весь баталіонъ бросился назадъ.

„Лишь только Энгіенъ", говоритъ Рюстовъ, [1]) „подобно дикому охотнику, проскакалъ черезъ войска Кордоны, послѣднія снова устроились, и заднія шеренги сомкнулись съ передними, какъ будто ничего не произошло. Въ то время, какъ, преслѣдуемые испанскими стрѣлками, грейерцы разбѣгались въ одиночку или небольшими кучками, подошелъ одинъ итальянскій отрядъ, охранявшій мостъ на рѣкѣ По, между Карманьолою и Кариньяномъ. Кордона бросился на него и немедленно обратилъ его въ бѣгство.

[1]) Исторія пѣхоты, т. I, стр. 362.

Энгіенъ, прорвавши баталіонъ Кордоны, къ ужасу своему увидѣлъ, что грейерцы не оказали ни малѣйшаго сопротивленія; онъ намѣревался снова собрать своихъ рыцарей; но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ позади его засѣли, въ удобной мѣстности, испанскіе стрѣлки, оставшіеся сзади своего баталіона, противъ которыхъ ничего нельзя было сдѣлать.

Энгіенъ приказалъ развернуть свое знамя, какъ сигналъ къ сбору, и ускакалъ съ бывшими при немъ рыцарями за баталіонъ Кардоне, къ его лѣвому флангу, на которомъ не было стрѣлковъ; затѣмъ онъ намѣревался, спокойно собрать рыцарей и, смотря по обстоятельствамъ, или снова атаковать непріятеля, или начать отступленіе. Онъ предполагалъ сраженіе потеряннымъ; онъ не могъ видѣть, что происходило въ его центрѣ и на правомъ флангѣ, такъ какъ высоты мѣшали обозрѣвать мѣстность; было только очевидно, что все его лѣвое крыло, за исключеніемъ лишь кавалеріи Дампіера, о которой онъ ничего не зналъ, потерпѣло пораженіе.

Наконецъ Энгіенъ, отступая къ По, такъ далеко отошелъ на югъ отъ баталіона Кордоны, который побѣдоносно двигался по направленію къ Карманьолѣ, что ему нечего было болѣе заботиться о своемъ отступленіи. Онъ остановился. Здѣсь къ нему присоединились еще три роты итальянской легкой кавалеріи; потребованные Савильяно на поле сраженія, эти—всадники, прибывъ въ Раккониги и услыхавъ пальбу, посадили позади себя на коней стрѣлковъ гарнизона и поспѣшили на выстрѣлы. Всадники ордонансовыхъ ротъ Энгіена, сидѣвшіе на коняхъ или могшіе снова сѣсть въ сѣдло, тоже постепенно къ нему присоединились. Тогда юноша—полководецъ, на котораго всего сильнѣе дѣйствовали впечатлѣнія минуты, успокоился и пересталъ отчаяваться въ счастливомъ исходѣ дѣла. Онъ снова намѣревался атаковать Кордону, который началъ сомнѣваться въ побѣдѣ и остановился, чтобы осмотрѣться, гдѣ находилась кавалерія и остальные баталіоны Гуасто; если-бы они одержали побѣду, то должны бы были тоже наступать, а между тѣмъ ихъ нигдѣ не было видно.“

Одновременно съ атакою баталіономъ Кордоны лѣваго фланга французовъ, центральный нѣмецкій батальонъ, сопровождаемый по флангамъ конными отрядами Гуасто и Бальони, двинулся впередъ. Монлюкъ, живо убравъ свою цѣпь, пристроился къ пикинерамъ, и гасконцы, имѣя также по флангамъ легкую конницу Терма и жандармовъ Бутьера, тронулись при звукахъ барабановъ и флейтъ противъ нѣмцевъ.

Термъ бросился съ своими всадниками на конный отрядъ Бальони, опрокинулъ его и гналъ до самаго баталіона принца Салернскаго, и хотя самъ, упавъ съ раненой лошади, попался въ плѣнъ, „атака же его не только обезпечила правый флангъ гасконскаго баталіона отъ атаки Бальони, но также лишила лѣвый

флангъ нѣмецкаго баталіона поддержки кавалеріи, такъ что послѣдній долженъ былъ полагаться только на сомкнутость своихъ рядовъ“ [1]).

Бутьеръ съ жандармами, подвигаясь на лѣвомъ флангѣ гасконцевъ, выжидалъ только благопріятной минуты для атаки. Когда баталіоны французовъ сблизились на разстояніе длины пикъ [2]), съ обѣихъ сторонъ сдѣланъ былъ залпъ, затѣмъ вышли охотники на поединокъ и наконецъ обѣ стороны сцѣпились на копьяхъ. Въ это время Бутьеръ бросился въ атаку на конницу Гуасто, опрокинулъ ее, нагналъ ее на пѣхоту и, преслѣдуя черезъ ряды нѣмцевъ, привелъ центральный баталіонъ въ большой безпорядокъ. Видя это обстоятельство, баталіонъ швейцарцевъ двинулся въ атаку и вслѣдъ за конницею Бутьера врѣзался въ правый флангъ центральнаго баталіона. Нѣмцы не выдержали, бросились назадъ; но гасконцы и швейцарцы съ фронта, а конница Бутьера, Терма и Дампьерра, который, разсѣявъ конницу Сульмоне, успѣлъ возвратиться, съ тылу окружили ихъ и, гоня до самой Черизоллы, частью истребили, частью разсѣяли. Баталіонъ принца Салернскаго, видя пораженіе центра, также разбѣжался.

Достигнувъ Черизоллы, швейцарцы, гасконцы и французская конница получили приказаніе возвратиться къ Карманьолѣ на помощь графу д'Ангіенъ, который, узнавъ объ удачѣ въ центрѣ и на правомъ флангѣ, снова произвелъ наступленіе съ собравшимися вокругъ него войсками. Кордона, видя, что онъ предоставленъ собственнымъ силамъ, началъ отступать и дошелъ понемногу до того мѣста, откуда имъ начата была атака. Въ это время вдругъ подошла вся конница, швейцарцы и гасконцы, возвращавшіеся отъ Черизоллы. Баталіонъ Кордоны былъ окруженъ и люди его, утомленные и упавшіе духомъ, побросали оружіе и вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Кордоною сдались непріятелю. 12 тысячъ убитыхъ со стороны имперцевъ покрывали поле сраженія. 3150 плѣнныхъ, 14 орудій, лагерь съ продовольственными и боевыми припасами, 7 тысячъ панцырей, множество другаго оружія и понтонный мостъ достались побѣдителямъ.

Изъ описанія сраженія при Черизоллѣ видно было, что конница обѣихъ сторонъ, распредѣленная небольшими частями между авангардомъ, главными силами и аррьергардомъ, стоитъ въ боевомъ порядкѣ при своихъ частяхъ, на правыхъ и лѣвыхъ флангахъ пикенерныхъ баталіоновъ, т. е., боевой порядокъ арміи состоитъ изъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ отрядовъ, расположенныхъ въ перемѣшку одни относительно другихъ. Стрѣлки обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ также совмѣстно съ конницею, причемъ послѣдняя не только служитъ къ обезпеченію фланговъ или поддержкою противъ непріятельской конницы; но, будучи поставлена въ середину между кучками стрѣлковъ, производитъ наступленіе на одной съ ними вы-

---

[1]) Рюстовъ, тамъ же, стр. 264.
[2]) Тамъ же.

сотѣ, и, выскакивая по временамъ для атаки отдѣльныхъ кучекъ непріятеля, способствуетъ своей цѣпи въ захватываніи позиціи. Это особенно обозначилось въ дѣйствіяхъ Монлюка.

Во время атаки пикинерныхъ баталіоновъ, кавалерійскія части сопровождаютъ ихъ съ фланговъ, идя почти на одной высотѣ. При столкновеніи противныхъ сторонъ конница атакуетъ непріятельскую конницу или пѣхотный баталіонъ во флангъ и облегчаетъ такимъ образомъ дѣйствія своей пѣхоты. Изъ этого видно, что какъ въ стрѣлковомъ бою аркебузёровъ, такъ и при столкновеніи массъ, главную роль играетъ пѣхота, а конница только способствуетъ ея дѣйствіямъ. Мелкіе кавалерійскіе отряды, если и производятъ стремительныя атаки и прорываютъ пѣхотныя массы, то во всякомъ случаѣ большаго успѣха не имѣютъ.

1000 рыцарей разомкнутою шеренгою и безъ поддержки свиты своей могли проскакать черезъ весь баталіонъ Кордоны, но баталіонъ закаленныхъ ветерановъ снова сомкнулся и продолжалъ свою атаку. Не надо забывать, впрочемъ, что баталіонъ этотъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 4-хъ тысячъ человѣкъ пикенеровъ и около тысячи стрѣлковъ.

Атака 60-ти жандармовъ Бутьера имѣла больше успѣха, такъ какъ Бутьеру удалось опрокинуть непріятельскую конницу на свою пѣхоту, которая въ добавокъ была разстроена проходомъ по болотистому мѣсту и не обладала тѣмъ духомъ, какъ ветераны Кордоны. Но и тутъ, если-бы вслѣдъ за этимъ не послѣдовалъ ударъ швейцарцевъ, очень можетъ быть атака конницы не имѣла-бы особенныхъ результатовъ.

Изъ этого можно замѣтить, что дробленіе конницы на мелкія части и перемѣшиваніе ихъ съ пѣхотою для обезпеченія ея фланговъ выгодно только для пѣхоты. Не заботясь о флангахъ, она смѣло можетъ направлять свой ударъ; конница же, прикованная къ пѣхотнымъ частямъ и долженствующая согласовать свои движенія съ ея медленными дѣйствіями, утрачиваетъ свою главную силу—быстроту дѣйствій. Для нанесенія рѣшительнаго удара противнику, она вездѣ оказывается слишкомъ слабою; а потому, въ сущности говоря, главную пользу своей арміи конница принесла при преслѣдованіи, когда тремъ отрядамъ, Дампьерра, Бутьера и Терма, удалось уже соединиться вмѣстѣ.

Это же обстоятельство, т. е., дѣйствія конницы на одной высотѣ съ пѣхотными частями, указываетъ на слабое дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія.

Стрѣлковый бой, хотя въ началѣ сраженія получилъ большое развитіе (въ теченіи трехъ слишкомъ часовъ отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ аркебузеровъ ведутъ ожесточенную перестрѣлку между собою, то отнимая, то уступая свою позицію противнику), но овладѣніе позиціею у домика важно было только для выигрыша мѣста для батареи, на послѣдующія уже дѣйствія пѣхоты и конницы стрѣлковый бой не обнаружилъ ровно никакого вліянія.

Для артиллеріи нѣмцевъ, хотя и выиграна была, какъ мы сейчасъ сказали, позиція, но ея дѣйствія также не имѣли вліянія на бой, такъ какъ гасконцы и швейцарцы легли на землю, орудія же все время стояли неподвижно и при движеніи въ атаку пикенеровъ, были закрыты собственными войсками. Дѣйствія французской артиллеріи также были ничтожны, что доказываетъ почти безнаказанная атака и взятіе батареи испанскими стрѣлками.

Глава 4-я.

Преобладаніе огнестрѣльнаго оружія въ конницѣ. Происхожденіе драгунъ. Рейтары и карабинеры. Переходъ жандармовъ, копейщиковъ и кирасиръ къ глубокимъ построеніямъ и огнестрѣльному оружію. Испанскіе копейщики. Учрежденіе конной кассы. Нидерландская конница.

Въ предыдущей главѣ мы замѣтили, что во второй четверти XVI столѣтія огнестрѣльное оружіе получило уже значительное примѣненіе и начинаетъ обнаруживать вліяніе на успѣхъ боя. Но ручное оружіе въ конницѣ, по малости калибра аркебузъ, имѣло ничтожное дѣйствіе, и потому легкая конница тогда только имѣла успѣхъ, когда, подражая тяжелой, отбрасывала свои аркебузы и производила атаки. Для того-же, чтобы имѣть возможность противустоять тяжелой конницѣ, вооруженной пиками, и тяжелой пѣхотѣ, въ которой, по примѣру жандармовъ, распространилось массивное предохранительное вооруженіе, сочли необходимымъ присоединять къ легкой конницѣ пѣшихъ стрѣлковъ. Стрѣлки и конница стали дѣйствовать неразлучно и на театрѣ войны, и на поляхъ сраженій; наконецъ дошло до того, что „пѣшіе стрѣлки и конные аркебузёры соединяются въ одну роту и вербуются вмѣстѣ“. Отсюда, говоритъ Рюстовъ [1]), „только шагъ до возрожденія спѣшивающейся кавалеріи; прежніе англійскіе лучники снова воскресаютъ, но вмѣсто лука они теперь вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ“.

Дѣйствительно, рано или поздно не могло не обнаружиться невыгодъ, сопряженныхъ съ перемѣшиваніемъ конницы съ пѣхотою, отчего конница, связанная въ своихъ дѣйствіяхъ въ бою съ медленными дѣйствіями пѣхоты, совершенно утрачивала свой наступательный характеръ.

Къ перемѣшиванію конницы со стрѣлками прибѣгали съ незапамятныхъ временъ: ассирійцы, вавилоняне, впослѣдствіи греки, римляне, испанцы и германцы. Даже величайшіе полководцы древности, какъ Александръ Македонскій при Граникѣ, Сципіонъ при Илингѣ и Цезарь при Фарсалѣ поставили или ввели въ про-

---

[1]) Исторія пѣхоты, т. I, стр. 274.

межутки кавалерійскихъ частей пѣшихъ стрѣлковъ или велитовъ. Но если внимательнѣе вникнуть, то можемъ замѣтить, что къ такому перемѣшиванію они прибѣгали только въ случаяхъ крайней слабости своей конницы сравнительно съ непріятельской, какъ Цезарь при Фарсалѣ (1000 всадниковъ противъ 7000), или когда по мѣстоположенію конница не могла съ успѣхомъ дѣйствовать (Граникъ).

Въ случаяхъ, требовавшихъ особенной быстроты, Александръ для поддержки своей конницы, которая могла наткнуться на сильнаго кавалеріею противника, сажалъ часть пѣхоты на коней. Такъ поступилъ Александръ во время преслѣдованія Бесса. Но такъ какъ подобныя передвиженія пѣхоты сопряжены были съ большими неудобствами, то онъ учредилъ димахосовъ, родъ конницы, обученный дѣйствовать въ пѣшемъ строю. Въ арміи Аннибала, какъ извѣстно, были кельтыберы, у которыхъ, по свидѣтельству Діадора, были димахосы. У римлянъ были дезульторы (desultores), всадники, сражавшіеся всегда пѣшкомъ.

Въ средніе вѣка рыцари, начиная со временъ Крестовыхъ походовъ, часто прибѣгали къ пѣшему бою и атаковали въ пѣшемъ строю города и крѣпости. Но особенно часто встрѣчается спѣшиваніе рыцарей, какъ со стороны англичанъ, такъ и со стороны французовъ во время столѣтней войны. У англичанъ, какъ извѣстно, была легкая конница подъ названіемъ гоблеровъ, вооруженная луками и стрѣлами. Гоблеры, какъ полагаетъ Рюстовъ, [1]) была именно такая конница, которая одинаковымъ образомъ подготовлена была къ конному и пѣшему бою.

Во второй половинѣ XVI столѣтія появился новый видъ спѣшивающей конницы или конной пѣхоты, подъ названіемъ драгунъ. Если драгунъ считать конной пѣхотой, т. е., такимъ войскомъ, которое производитъ свои быстрые налеты на коняхъ, въ бою же дѣйствуетъ въ пѣшемъ строю; то возрожденіе этого рода войскъ въ XVI столѣтіи надо отнести ко времени короля французскаго Франциска I. Въ 1530 году Францискъ отдалъ приказъ, повелѣвающій всѣхъ пѣшихъ стрѣлковъ посадить на коней; [2]) но, такъ какъ стрѣлки эти были вооружены не огнестрѣльнымъ оружіемъ, а луками, то поэтому, вѣроятно, началомъ появленія драгунъ стали считать время, когда на коней посадили пѣхоту вооруженную огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Слово драгунъ особенное распространеніе получило во времена Генриха IV. Происхожденіе его неизвѣстно. Нѣкоторые производятъ его отъ древнихъ римскихъ драгонаріевъ (dragonarii), воиновъ, носившихъ за отличіе изображеніе дракона на концѣ своихъ копій; другіе, уподобляя быстрый налетъ драгунъ, соединенный съ огнестрѣльнымъ боемъ, появленію миѳологическаго дракона, изрыгающаго изъ пасти своей пламя, производятъ названіе драгунъ отъ дракона; нако-

---

[1]) Исторія пѣхоты, т. I, стр. 274.

[2]) Suzanne.

Исторія конницы
М. Маркова.

Драгунъ и страдіотъ XVI столѣтія.

Источники: Costümkunde,
Вальгаузенъ и атласъ Пузырев

нецъ Вольтеръ въ своемъ сочиненіи: „Вѣкъ Людовика XIV“ говоритъ: „происхожденіе слова драгунъ (dragon) слѣдуетъ искать въ томъ, что при маршалѣ Бриссакѣ, учредившемъ этотъ корпусъ въ пьемонтскую кампанію, на штандартахъ названныхъ войскъ имѣлось изображеніе дракона“. Литре говоритъ: драгуны сперва назывались конными аркебузёрами, впослѣдствіи знамя дало названіе солдатамъ [1]). Ноланъ говоритъ, [2]) что названіе драгунъ далъ этому роду конницы знаменитый графъ Мансфельдъ, а Сюзаннъ пишетъ, что драгуны Бриссака сами себя назвали этимъ именемъ.

Въ послѣдніе годы занятія Піемонта, съ 1550 по 1560, „пишетъ Сюзаннъ“, маршалъ де Бриссакъ, который такъ хорошо съ горстью пѣхоты умѣлъ заставить уважать занимаемыя имъ за Альпами позиціи, и который давалъ жестокіе уроки тѣмъ, кто его безпокоилъ, ввелъ драгунскую службу. У него подъ командою были старые, смѣлые солдаты, обогащенные долгимъ рядомъ счастливыхъ походовъ и въ большинствѣ имѣвшіе лошадей, отбитыхъ у непріятеля. Они для быстрыхъ и смѣлыхъ налетовъ садились на коней, пробѣгали пространство, отдѣлявшее ихъ отъ противника и, спѣшившись, отдавали лошадей слугамъ или деньщикамъ (goujats), а сами принимались за копье или пищаль. Эти пѣхотинцы на лошадяхъ дали сами себѣ имя драгунъ, вѣроятно, по причинѣ ужаса, который они внушали. Подобный способъ дѣйствій примѣнялся частью французской пѣхоты во все продолженіе религіозныхъ войнъ, и это способствовало еще большему сумбуру, обнимавшему образъ употребленія конницы въ бою. Если число лошадей не на всѣхъ хватало, то имѣвшіе ихъ брали остальныхъ людей на крупы. Наконецъ, независимо отъ пѣхотныхъ полковъ, было сформировано нѣсколько ротъ аркебузёровъ на коняхъ, а позднѣе драгуны стали новымъ, смѣшаннымъ родомъ оружія между пѣхотою и конницею“.

Въ другихъ государствахъ также вошло въ обыкновеніе употребленіе конной пѣхоты во второй половинѣ XVI столѣтія. Иногда передвигали ее совмѣстно съ конницею, иногда совершенно самостоятельно. Такъ графъ Нассаускій, при нападеніи на Бергенъ въ Генегау, выставилъ 500 всадниковъ, имѣвшихъ каждый за собой пѣхотинца. Но такъ какъ подобное передвиженіе соединено было съ большими неудобствами, то герцогъ Александръ Пармскій, при нападеніи въ 1582 году на герцога Алансонскаго, посадилъ нѣсколько ротъ пикинеровъ и мушкетеровъ на вьючныхъ лошадей и съ этими ротами и всею своею конницею напалъ на арьергардъ непріятеля.

Генрихъ IV, будучи еще королемъ Наваррскимъ и защищая свое маленькое королевство противъ войскъ французскаго короля, однажды сдѣлалъ рекогносци-

---

[1]) Взято у Пузыревскаго. Ч. II, стр. 118.
[2]) Исторія и тактика кавалеріи, переводъ Корибутъ Кубитовича, стр. 61.

ровку съ 400 легкой испанской конницы и 500 драгунъ, но попалъ въ затруднительное положеніе. „Король", говоритъ Викторъ Кайе, „увидѣвъ себя такъ близко отъ непріятеля съ неравными силами, безъ пѣхоты и пушекъ, велѣлъ спѣшиться двумъ стамъ пищальниковъ (аркебузёровъ), называвшихся тогда драгунами". Эти люди, засѣвъ въ кустарникахъ, долго отстрѣливались отъ значительно сильнѣйшаго непріятеля.

Въ упомянутомъ случаѣ драгуны первый разъ упоминаются въ исторіи подъ своимъ именемъ [1]). Мало по малу этотъ родъ конницы былъ введенъ во всѣхъ государствахъ.

Изъ приведенныхъ выписокъ можно видѣть, что драгуны образовались главнымъ образомъ изъ пѣхотинцевъ, которымъ дали лошадей для передвиженій; а также и изъ конныхъ аркебузёровъ. Но первоначальное ихъ назначеніе составлялъ пѣшій бой [2]). Впрочемъ вскорѣ стали употреблять ихъ въ бою и на конѣ, такъ какъ во многихъ случаяхъ, особенно—малой войны, это было несравненно выгоднѣе.

Вооруженіе драгунъ почти повсѣмѣстно во второй половинѣ XVI столѣтія состояло изъ мушкета съ фитильнымъ замкомъ, который они носили не съ боку, какъ аркебузёры и карабинеры, а за спиной. Изъ холоднаго оружія, кромѣ мечей, имъ иногда давали длинныя пики; или даже сѣкиры, но пистолетовъ у драгунъ не было.

Предохранительнаго вооруженія первоначально у нихъ почти не было, рѣдко встрѣчался кирасъ или шлемъ, преимущественно у офицеровъ, и это весьма понятно, такъ какъ они образованы изъ легкой пѣхоты. Но впослѣдствіи драгуны вооружились кирасами, шлемами и по тяжести вооруженія мало отличались отъ кирасиръ.

Сапоговъ и шпоръ также драгуны первоначально не носили; такъ какъ при тогдашнемъ устройствѣ они могли быть помѣхою въ пѣшемъ бою [3]).

Усовершенствованіе и распространеніе огнестрѣльнаго оружія, кромѣ появленія драгунъ, повліяло на выдѣленіе на первый планъ вообще конницы стрѣляющей. Сюда надо отнести рейтаровъ и карабинеровъ. Появленіе рейтаровъ (отъ нѣмецкаго Reiter) одни относятъ ко времени Шмалькальденской войны (1538—1555), другіе къ царствованію въ Германіи Максимиліяна II.

Рейтары были по организаціи своей дальнѣйшимъ распространеніемъ нововведеній Максимиліяна I, гдѣ правительство нанимало уже не только имперскихъ князей, но и частныхъ лицъ. При наборѣ рейтаровъ поступали слѣдующимъ образомъ.

---

[1]) Hoyer. Ersten Bandes Zweite Haelfte, s. 299.
[2]) Wallhausen, Kriegskunst zu Pferde. 2 B. R. 4.
[3]) Hoyer, тамъ же, стр. 299.

нецъ Вольтеръ въ своемъ сочиненіи: „Вѣкъ Людовика XIV“ говоритъ: „происхожденіе слова драгунъ (dragon) слѣдуетъ искать въ томъ, что при маршалѣ Бриссакѣ, учредившемъ этотъ корпусъ въ пьемонтскую кампанію, на штандартахъ названныхъ войскъ имѣлось изображеніе дракона“. Литре говоритъ: драгуны сперва назывались конными аркебузёрами, впослѣдствіи знамя дало названіе солдатамъ [1]). Ноланъ говоритъ, [2]) что названіе драгунъ далъ этому роду конницы знаменитый графъ Мансфельдъ, а Сюзаннъ пишетъ, что драгуны Бриссака сами себя назвали этимъ именемъ.

Въ послѣдніе годы занятія Піемонта, съ 1550 по 1560, „пишетъ Сюзаннъ“, маршалъ де Бриссакъ, который такъ хорошо съ горстью пѣхоты умѣлъ заставить уважать занимаемыя имъ за Альпами позиціи, и который давалъ жестокіе уроки тѣмъ, кто его безпокоилъ, ввелъ драгунскую службу. У него подъ командою были старые, смѣлые солдаты, обогащенные долгимъ рядомъ счастливыхъ походовъ и въ большинствѣ имѣвшіе лошадей, отбитыхъ у непріятеля. Они для быстрыхъ и смѣлыхъ налетовъ садились на коней, пробѣгали пространство, отдѣлявшее ихъ отъ противника и, спѣшившись, отдавали лошадей слугамъ или деньщикамъ (goujats), а сами принимались за копье или пищаль. Эти пѣхотинцы на лошадяхъ дали сами себѣ имя драгунъ, вѣроятно, по причинѣ ужаса, который они внушали. Подобный способъ дѣйствій примѣнялся частью французской пѣхоты во все продолженіе религіозныхъ войнъ, и это способствовало еще большему сумбуру, обнимавшему образъ употребленія конницы въ бою. Если число лошадей не на всѣхъ хватало, то имѣвшіе ихъ брали остальныхъ людей на крупы. Наконецъ, независимо отъ пѣхотныхъ полковъ, было сформировано нѣсколько ротъ аркебузёровъ на коняхъ, а позднѣе драгуны стали новымъ, смѣшаннымъ родомъ оружія между пѣхотою и конницею“.

Въ другихъ государствахъ также вошло въ обыкновеніе употребленіе конной пѣхоты во второй половинѣ XVI столѣтія. Иногда передвигали ее совмѣстно съ конницею, иногда совершенно самостоятельно. Такъ графъ Нассаускій, при нападеніи на Бергенъ въ Генегау, выставилъ 500 всадниковъ, имѣвшихъ каждый за собой пѣхотинца. Но такъ какъ подобное передвиженіе соединено было съ большими неудобствами, то герцогъ Александръ Пармскій, при нападеніи въ 1582 году на герцога Алансонскаго, посадилъ нѣсколько ротъ пикинеровъ и мушкетеровъ на вьючныхъ лошадей и съ этими ротами и всею своею конницею напалъ на арьергардъ непріятеля.

Генрихъ IV, будучи еще королемъ Наваррскимъ и защищая свое маленькое королевство противъ войскъ французскаго короля, однажды сдѣлалъ рекогносци-

---

[1]) Взято у Пузыревскаго. Ч. II, стр. 118.
[2]) Исторія и тактика кавалеріи, переводъ Корибутъ Кубитовича, стр. 61.

въ особенности гугенотскихъ и нидерландскихъ, гдѣ нерѣдко рейтары и ландскнехты составляли главную силу той и другой стороны, и безъ разбора сражались за католиковъ и протестантовъ; но измѣняли также тѣмъ и другимъ при неполученіи обѣщанной платы. Не менѣе часто встрѣчается имя рейтаровъ въ тогдашнихъ польскихъ, а во время смутъ, происшедшихъ въ Россіи отъ самозванцевъ, въ нашихъ и шведскихъ арміяхъ. Послѣ тридцатилѣтней войны, съ учрежденіемъ во всей Европѣ постоянныхъ регулярныхъ войскъ, рейтары мало по малу вывелись и уступили мѣсто драгунамъ, карабинерамъ и другимъ видамъ конницы, вооруженнымъ ружьями и карабинами.

Карабинеры ведутъ свое происхожденіе изъ Испаніи. Мы знаемъ, что тамъ существовала легкая конница, вооруженная арбалетами, подъ названіемъ карабеновъ. По мѣрѣ усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, карабены начали вооружаться сначала эскопетами или аркебузами, потомъ большими пистолетами, по примѣру нѣмцевъ, и наконецъ въ тридцатыхъ годахъ XVI столѣтія карабинами. „Такъ какъ петринали, употреблявшіеся легкою конницею, не могли соперничать съ аркебузами пѣхоты, то испанцы“, говоритъ Монгомери [1]), „въ своей пѣхотѣ ввели мушкетеровъ, а въ кавалеріи карабинеровъ, которые носили кирасы съ вырѣзомъ на правомъ плечѣ и оружіе въ 3½ фута длины“. Выемка въ кирасѣ на правомъ плечѣ дѣлалась къ тому, чтобы удобнѣе было прикладываться для стрѣльбы. Поверхъ латъ надѣвали казакъ или тунику [2]). На лѣвой рукѣ они носили большую, покрытую желѣзомъ перчатку, а на головѣ каску съ висящими сзади 4-мя бляхами и желѣзною пластинкою для защиты носа. Кромѣ карабина, карабинеры изъ нападательнаго оружія имѣли шпагу и одинъ или два пистолета. Огнестрѣльное оружіе было снабжено колесными замками и заряжалось ради удобства и быстроты патронами, которые карабинеръ носилъ въ двухъ кожаныхъ патронташахъ. Каждый патронташъ вмѣщалъ въ себя 12 патроновъ. Одинъ изъ нихъ висѣлъ на правомъ бедрѣ у всадника, другой прикрѣплялся на передней части сѣдла. Герцогъ Альба въ 1567 году привелъ нѣсколько ротъ этихъ стрѣлковъ въ Нидерланды. Впослѣдствіи они преобразованы были въ драгунъ [3]).

У испанцевъ и итальянцевъ карабинеры, какъ вся конница, раздѣлялись на роты, у французовъ же при Генрихѣ III и IV къ каждой ротѣ легкой конницы придавали по 50 карабинеровъ при одномъ поручикѣ, квартермистрѣ и капралѣ. Они составляли въ бою крылья своей роты, подготовляли ея атаку и способствовали ей, дѣйствуя по флангамъ.

---

[1]) Traité de la milice française, pag. 133. Montgommeri.

[2]) Hoyer.

[3]) Montgommeri, p. 140. Daniel. Hist de la milice franç. IV, 234. Melzo. Regles militar, lib. 2, cap. I.

Кромѣ трехъ упомянутыхъ видовъ стрѣляющей конницы, т. е., драгунъ, рейтаровъ и карабинеровъ, во время религіозныхъ войнъ Франціи и нидерландскихъ, продолжаютъ дѣйствовать жандармы, кирасиры и испанскіе копейщики. Но всѣ они мало по малу измѣняютъ свое вооруженіе, строй и образъ дѣйствій.

Драгуны и легкая конница въ разныхъ государствахъ дѣлились на роты отъ 50 до 200 человѣкъ. У французовъ и нѣмцевъ драгуны никогда не дѣйствовали въ бою на конѣ, а спѣшивались, и, связавъ лошадей, отдавали ихъ, какъ выше сказано, слугамъ или фланговымъ рядамъ и выходили впередъ для пѣшаго боя. У испанцевъ какъ карабинеры, такъ и драгуны пріучались къ конному и пѣшему бою. Ихъ употребляли преимущественно для развѣдыванія, для прикрытія транспортовъ, въ авангардахъ и арьергардахъ и вездѣ, гдѣ нужно было въ скорости удержать непріятеля до прибытія пѣхоты. Поэтому они сражались преимущественно на лошадяхъ съ разомкнутыми рядами и шеренгами, а пѣшкомъ въ разсыпномъ строѣ, за канавами, изгородями и т. п.

Рейтары, имѣя организацію и составъ тождественные съ кирасирами, первоначально и строились одинаково съ ними, т. е., въ четыреугольники, имѣя въ первой шеренгѣ и по флангамъ латниковъ, въ среднихъ шеренгахъ стрѣлковъ и въ заднихъ копейщиковъ, или иногда наоборотъ: копейщиковъ въ среднихъ, а стрѣлковъ въ заднихъ.

Во второй половинѣ XVI столѣтія, когда всѣ рейтары вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ, карабинами и пистолетами, явилось однообразное обмундированіе, и эскадроны рейтаровъ начинаютъ соединяться въ полки. Полкъ рейтаровъ состоялъ изъ двухъ или четырехъ эскадроновъ и доходилъ силою до 800 коней, а иногда и до 1200 [1]).

Въ строю двухъэскадроннаго полка шеренгу составляли 20 всадниковъ, въ четырехъэскадронномъ полку 40 всадниковъ, число шеренгъ было 17, 19 или 21; но часть конныхъ стрѣлковъ всегда находилась впереди, въ видѣ фланкеровъ и при исполненіи службы легкихъ передовыхъ отрядовъ. Штандарты и ихъ прикрытіе стояли въ срединѣ эскадрона; ротмистра—впереди, поручики сзади, унтеръ-офицеры въ первой шеренгѣ и по флангамъ.

Въ это время шперрейтары и кирасиры отъ рейтаровъ были совсѣмъ отдѣлены въ особые эскадроны, изображая изъ себя резервныя части.

Глубина строя рейтаровъ, конныхъ аркебузёровъ, карабинеровъ и вообще конницы вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ возникла главнымъ образомъ по причинѣ несовершенства тогдашняго ручнаго огнестрѣльнаго оружія, заряжаніе котораго требовало весьма продолжительнаго времени; а такъ какъ, вслѣдствіе

[1]) Пузыревскій считаетъ въ полку 400 стрѣлковъ—аркебузёровъ и 1600 копейщиковъ, ч. II, стр. 121.

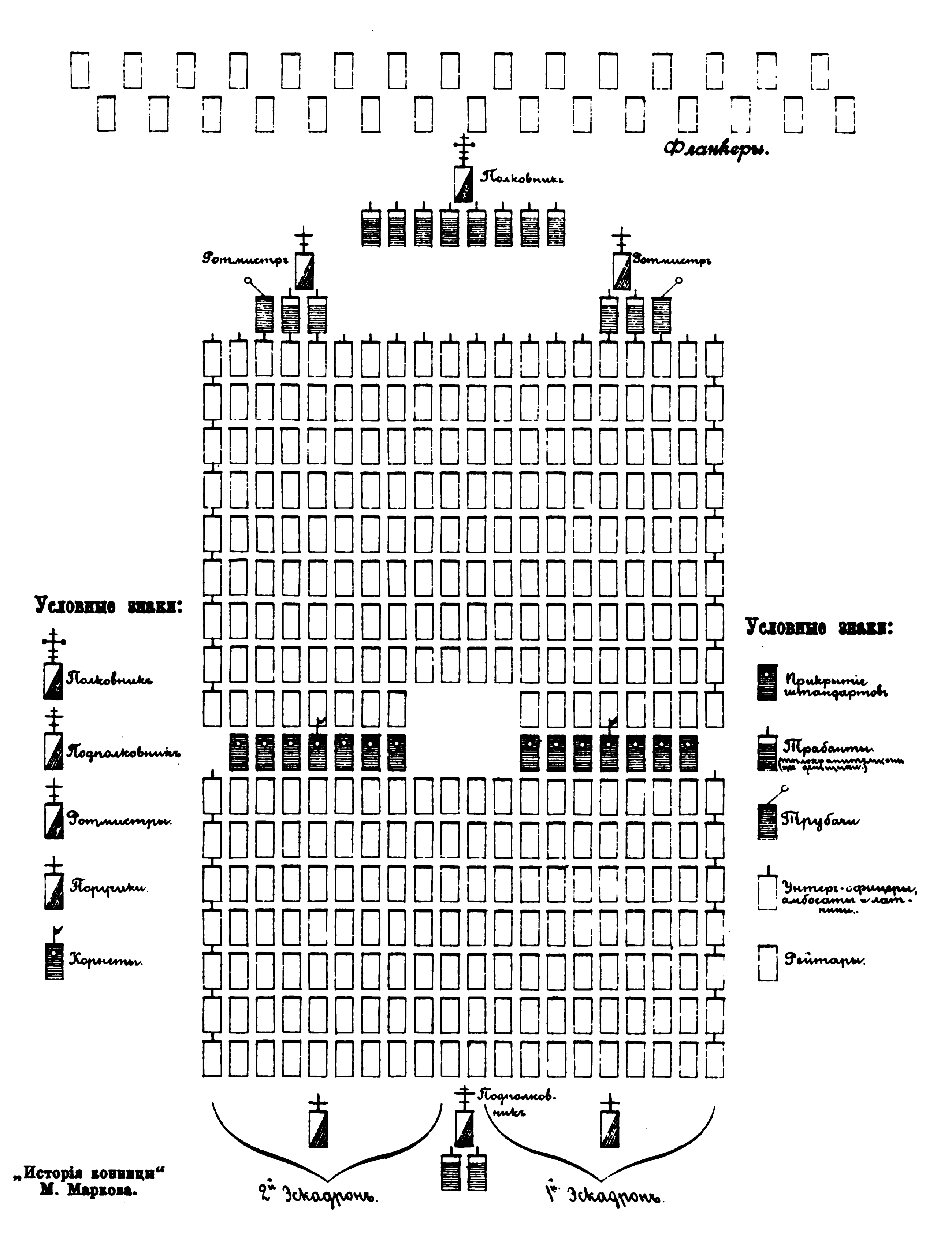
большой увѣренности въ дѣйствіе огня, выстрѣлившій свой патронъ всадникъ могъ почитать себя беззащитнымъ, то и долженъ былъ уходить подъ прикрытіе людей съ заряженными карабинами. Отсюда возникъ оригинальный образъ боя тогдашнихъ рейтаровъ и отдѣльныхъ ротъ конныхъ стрѣлковъ. Фланкеры начинали дѣло; за ними двигались эскадроны: приближаясь къ непріятелю, первая шеренга выскакивала нѣсколько впередъ, останавливалась, дѣлала залпъ и, повернувшись направо и налѣво, неслась назадъ въ послѣднюю шеренгу; мѣсто ея заступала вторая шеренга, потомъ третья и т. д., а фланкеры, очистивъ фронтъ, или уходили назадъ, если не было мѣста по сторонамъ, или сгруппировывались на флангахъ полка и поддерживали одиночный огонь. Если удавалось разстроить непріятеля, то весь полкъ нападалъ на него съ холоднымъ оружіемъ или пускалъ впередъ кирасирскіе роты.

Въ случаѣ одержанія побѣды, одни фланкеры и легкіе отряды, поддерживаемые кирасирами, должны были преслѣдовать бѣгущихъ, а полки снова выстраивались въ порядокъ. Но это правило рѣдко наблюдалось, и обыкновенно всякій, кто могъ, пускался въ догонку, чтобы захватить добычу и плѣнныхъ, отъ которыхъ можно было ожидать выкупа.

Съ вооруженіемъ всѣхъ рейтаровъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, тяжелую конницу или копейщиковъ составляли уже только жандармы, испанскіе копейщики, албанцы [1]) и первое время нѣмецкіе кирасиры. Названіе джинетовъ или женетеровъ, какъ въ Испаніи, такъ и во Франціи, исчезаетъ. Съ копьями осталась вообще, можно сказать, только дворянская конница, потому что съ выдѣленіемъ конныхъ стрѣлковъ изъ ордонансовыхъ ротъ и кирасиръ изъ рейтарскихъ, въ легкой конницѣ исчезли и слѣды рыцарскаго элемента. Но и тутъ, т. е., въ тяжелой конницѣ онъ продержался не долго. По мѣрѣ усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія ряды, такъ называемой, жандарменіи начинаютъ мало по малу рѣдѣть. Многіе жандармы, которые, какъ они ни были знатны, не могли имѣть притязанія сдѣлаться офицерами въ ордонансовыхъ ротахъ и стали домогаться чиновъ въ легкихъ ротахъ и пѣхотѣ. По этой причинѣ сначала пробовали пополнять роты достойнѣйшими воинами изъ легкой конницы, дѣлая ихъ даже дворянами; но увядающій духъ жандарменіи этимъ не былъ поддержанъ. Тѣ контингенты, которые давали жандарменіи превосходныхъ ѣздоковъ, привыкшихъ съ малолѣтства къ владѣніемъ конемъ и пикою, исчезаютъ. Главнѣйшею причиною этому, разумѣется былъ духъ времени, отчасти французскіе короли, которые опасались вліянія жандарменіи и потому, умышленно сокращая количество и составъ ордонансовыхъ ротъ, наполняли французскую армію наемными иностранцами; много способство-

[1]) Припомнимъ, что легкою конницею называли всадниковъ вооруженныхъ метательнымъ оружіемъ, а тяжелою—пиками.

РЕЙТАРСКІЙ ПОЛКЪ.

вало упадку жандармеріи и обѣднѣвшее дворянство; а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ Сюзаннъ, во время ужасовъ религіозныхъ войнъ совершенно исчезла порода лошадей, на которыхъ служила рыцарская конница. Жандармы сѣли на простыхъ большею частью упряжнаго сорта лошадей и, разумѣется, послѣ всего сказаннаго они не могли изображать изъ себя той блистательной конницы, которая громила все противупоставляемое ей на поляхъ Италіи. Съ ухудшеніемъ состава ордонансовыхъ ротъ, весьма натурально, они ужъ не могли дѣйствовать на основаніи рыцарской тактики en haye, гдѣ отъ каждаго всадника требовалось громадное искусство во владѣніи конемъ и оружіемъ, и вслѣдствіе этого прежде всего нѣмецкіе кирасиры, за ними испанцы и итальянцы перешли къ сомкнутому строю, а кирасиры, въ скоромъ времени по отдѣленіи отъ легкой конницы, бросили пики и вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ.

„Обыкновенно копейщики“, пишетъ Гойеръ, „располагались въ нѣсколько шеренгъ въ разстояніи отъ 30 до 40 шаговъ одна отъ другой. Такой порядокъ способствовалъ свободному отъѣзду каждой шеренги, когда у всадниковъ при атакѣ ломались копья, направо и налѣво и соединенію позади фронта“. Но подобный способъ дѣйствій прямо указываетъ на упадокъ французскихъ жандармовъ. Не такъ поступали испанцы. Въ сраженіи при Моокѣ [1]) въ 1575 году Антонъ Перотто Сентинати съ 25 копейщиками атаковалъ отрядъ нидерландскихъ кирасиръ. Сломавъ копье, онъ быстро хватается за шпагу, но видитъ, что эфесъ отстрѣленъ; немедля ни минуты, онъ лѣвой рукой обхватываетъ ближайшаго непріятельскаго всадника, вырываетъ у него изъ рукъ боковое оружіе и убиваетъ собственнымъ его мечемъ [2]).

Перейдя къ сомкнутому порядку испанцы, бургунцы, итальянцы и нѣмцы начали строить своихъ копейщиковъ въ небольшіе роты или корнеты въ 25 или 30 человѣкъ. Французы продолжали дѣйствовать en haye; но, потерпѣвъ рядъ жестокихъ пораженій при С. Кантенѣ, Дрё, Гревелингенѣ отъ испанцевъ, также перешли къ глубокимъ построеніямъ и въ сраженіи при Монконтурѣ въ 1569 году, какъ говорятъ [3]), французскіе жандармы первый разъ дѣйствовали въ сомкнутомъ строѣ и одержали побѣду.

Во время Генриха IV количество ордонансовыхъ ротъ было уже весьма не велико. Каждая рота въ 100 всадниковъ стала дѣлиться на 4 бригады, которыя строились въ бою отдѣльными квадратами, 5 всадниковъ по фронту и 5 въ глубину.

Къ числу недостатковъ конницы копейщиковъ второй половины XVI столѣтія надо отнести еще необыкновенную массивность и тяжесть вооруженія. На это

[1]) Mocherhaide—Мокерская степь.
[2]) Hoyer, тамъ же, стр. 316.
[3]) Сюзаннъ, Гойеръ, Пузыревскій.

вало упадку жандармеріи и обѣднѣвшее дворянство; а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ Сюзаннъ, во время ужасовъ религіозныхъ войнъ совершенно исчезла порода лошадей, на которыхъ служила рыцарская конница. Жандармы сѣли на простыхъ большею частью упряжнаго сорта лошадей и, разумѣется, послѣ всего сказаннаго они не могли изображать изъ себя той блистательной конницы, которая громила все противупоставляемое ей на поляхъ Италіи. Съ ухудшеніемъ состава ордонансовыхъ ротъ, весьма натурально, они ужъ не могли дѣйствовать на основаніи рыцарской тактики en haye, гдѣ отъ каждаго всадника требовалось громадное искусство во владѣніи конемъ и оружіемъ, и вслѣдствіе этого прежде всего нѣмецкіе кирасиры, за ними испанцы и итальянцы перешли къ сомкнутому строю, а кирасиры, въ скоромъ времени по отдѣленіи отъ легкой конницы, бросили пики и вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ.

„Обыкновенно копейщики“, пишетъ Гойеръ, „располагались въ нѣсколько шеренгъ въ разстояніи отъ 30 до 40 шаговъ одна отъ другой. Такой порядокъ способствовалъ свободному отъѣзду каждой шеренги, когда у всадниковъ при атакѣ ломались копья, направо и налѣво и соединенію позади фронта“. Но подобный способъ дѣйствій прямо указываетъ на упадокъ французскихъ жандармовъ. Не такъ поступали испанцы. Въ сраженіи при Моокѣ [1]) въ 1575 году Антонъ Перотто Сентинати съ 25 копейщиками атаковалъ отрядъ нидерландскихъ кирасиръ. Сломавъ копье, онъ быстро хватается за шпагу, но видитъ, что эфесъ отстрѣленъ; немедля ни минуты, онъ лѣвой рукой обхватываетъ ближайшаго непріятельскаго всадника, вырываетъ у него изъ рукъ боковое оружіе и убиваетъ собственнымъ его мечемъ [2]).

Перейдя къ сомкнутому порядку испанцы, бургунцы, итальянцы и нѣмцы начали строить своихъ копейщиковъ въ небольшіе роты или корнеты въ 25 или 30 человѣкъ. Французы продолжали дѣйствовать en haye; но, потерпѣвъ рядъ жестокихъ пораженій при С. Кантенѣ, Дрё, Гревелингенѣ отъ испанцевъ, также перешли къ глубокимъ построеніямъ и въ сраженіи при Монконтурѣ въ 1569 году, какъ говорятъ [3]), французскіе жандармы первый разъ дѣйствовали въ сомкнутомъ строѣ и одержали побѣду.

Во время Генриха IV количество ордонансовыхъ ротъ было уже весьма не велико. Каждая рота въ 100 всадниковъ стала дѣлиться на 4 бригады, которыя строились въ бою отдѣльными квадратами, 5 всадниковъ по фронту и 5 въ глубину.

Къ числу недостатковъ конницы копейщиковъ второй половины XVI столѣтія надо отнести еще необыкновенную массивность и тяжесть вооруженія. На это

[1]) Mocherhaide—Мокерская степь.
[2]) Hoyer, тамъ же, стр. 316.
[3]) Сюзаннъ, Гойеръ, Пузыревскій.

повліяло, по весьма натуральному заблужденію, все болѣе и болѣе распространявшееся огнестрѣльное оружіе. Люди и лошади съ головы до ногъ были покрыты желѣзомъ и дошли наконецъ до того, что управленіе лошадью и копьемъ стало почти невозможнымъ. „Такъ какъ въ конницѣ", говоритъ Гойеръ [1]), „огнестрѣльное оружіе входило все болѣе и болѣе въ употребленіе, то вынуждены были ввести вмѣсто легкой тяжелую бронь изъ кованаго желѣза, которая могла бы выдерживать выстрѣлы изъ пистолета и даже колѣнчатаго ружья (Haken). Подобное массивное вооруженіе дѣлало конницу неповоротливой, хотя и утверждали, что оно вводилось для ея облегченія". Де-ла-Ну (de-la-Noue) говоритъ [2]), „что большинство, вмѣсто доспѣховъ, навьючило на себя цѣлую наковальню. Красота всадника перешла въ безобразіе, и нынѣшніе доспѣхи такъ тяжелы, что дворянинъ уже въ тридцать и тридцать пять лѣтъ совершенно изувѣченъ ими".

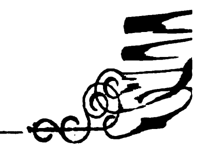
Сопоставляя все сказанное о жандармахъ, весьма понятно, что они постоянно стали подвергаться пораженію въ столкновеніяхъ съ болѣе легкими рейтарами, нидерландскими кирасирами и легкою конницею. Не имѣя хорошихъ лошадей и, по тяжести вооруженія, неспособные къ быстрымъ движеніямъ, жандармы часто оказывались совершенно беззащитными; и кончилось тѣмъ, что они бросили свои пики и щиты и вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ. Между тѣмъ заблужденіе о непроницаемости массивныхъ латъ также стало разсѣяваться. Мушкеты и карабины, не смотря на тогдашнія несовершенства, пробивали и утолщенные доспѣхи; и потому, а главное по причинѣ невозможности въ носкѣ, снова начали къ тяжелому вооруженію охладѣвать. „Еще нѣсколько лѣтъ позже", пишетъ Сюзаннъ, „вѣроятно по примѣру Генриха IV, который принадлежавшую ему, какъ королю Наваррскому, роту жандармовъ замѣнилъ ротою легкой конницы, сдѣлавшеюся впослѣдствіи знаменитой, или можетъ быть по причинѣ очень высокихъ цѣнъ на большихъ боевыхъ лошадей, порода которыхъ во время безпорядковъ гражданскихъ войнъ почти исчезла,—всѣ роты жандармовъ освободились отъ ихъ тяжелаго вооруженія съ головы до ногъ и отъ ихъ копій. Эти копья совершенно исчезли въ 1594 году, и разница между жандармами и легкой конницей осталась только въ названіи, почетныхъ привиллегіяхъ, въ уваженіе того, что жандармерія напоминала собою продолжительное и славное прошлое."

Въ концѣ XVI столѣтія во всей французской конницѣ копья были отмѣнены и замѣнены огнестрѣльнымъ оружіемъ. Съ этихъ поръ, говоритъ Сюзаннъ, полагались только на внезапное и покровительственное дѣйствіе пистолета." Въ послѣдующія времена, если копье иногда и появлялось во французской конницѣ, то только благодаря кратковременному пристрастію къ рыцарской Польшѣ".

---

[1]) Стр. 295.

[2]) Discours politiques et militaires. Disc. XV.

Такимъ образомъ вмѣсто жандармовъ во Франціи мало по малу явились кирасиры, а ордонансовыя роты, которыя, по раньше приведеннымъ причинамъ, невозможно было комплектовать, обратили наконецъ въ школу и разсадникъ молодыхъ офицеровъ для легкой конницы, и въ такомъ видѣ роты продержались до конца XVIII столѣтія.

Относительно дѣйствій жандармовъ въ бою въ концѣ XVI вѣка Монгомери даетъ слѣдующія указанія: „при атакѣ жандармы подходятъ къ непріятелю шагомъ; затѣмъ двигаются рысью шаговъ 25—30, сохраняя полный порядокъ и пистолеты въ кабурахъ; когда трубачи протрубятъ атаку, а легкая конница, двигающаяся впереди, произведетъ залпъ, жандармы, подвигаясь умѣреннымъ аллюромъ, стрѣляютъ изъ карабиновъ (эскопетовъ), а затѣмъ атакуютъ въ карьеръ съ пистолетами въ рукахъ, изъ которыхъ стрѣляютъ противнику въ упоръ, въ нижнюю часть живота. Вторая шеренга дѣйствуетъ въ промежутки первой; затѣмъ ведется рукопашный бой при помощи огнестрѣльнаго оружія, если противникъ устоитъ, тогда капитанъ собираетъ свою роту въ удобномъ мѣстѣ, перестраиваетъ ее при помощи поручика и квартермистра, выдвигая впередъ тѣхъ всадниковъ, которые не стрѣляли, а затѣмъ снова производитъ атаку, какъ сказано и смотря по обстоятельствамъ боя, „которыя нельзя подчинить правиламъ; капитанъ пользуется этими обстоятельствами, какъ укажутъ ему на полѣ сраженія его опытность и разсудокъ“ [1]).

Испанскіе копейщики вмѣстѣ съ албанцами до самой смерти герцога Александра Пармскаго безспорно были лучшею конницею въ Европѣ. Пріученные знаменитымъ герцогомъ Альбою дѣйствіямъ въ сомкнутомъ порядкѣ, они строились небольшими ротами въ 30—40 всадниковъ и, атакуя такимъ образомъ, постоянно имѣли успѣхъ, какъ надъ нидерландскою конницею, такъ и надъ французскими жандармами.

Герцогъ Альба, прибывъ въ Нидерланды, умѣлъ вселить въ войска свои, ужъ и прежде закаленныя въ безпрерывныхъ войнахъ, замѣчательный порядокъ. Испанская конница сидѣла на прекраснѣйшихъ лошадяхъ, дворянство давало превосходный матерьялъ для тяжелой конницы; была храбра и прекрасно обучена; а одинъ за другимъ талантливые полководцы—Альба, Донъ-Хуанъ Австрійскій и герцогъ Пармскій принимали всѣ мѣры, чтобы поддержать испанскую конницу.

Къ числу этихъ мѣръ особенно относится учрежденіе конной кассы. Касса эта, называвшаяся ла-Плата, служила для облегченія кавалеристамъ пріобрѣтать себѣ лошадей и оружіе и существовала при каждой ротѣ. Для составленія кассы съ каждаго всадника взимали третью часть ежемѣсячнаго оклада, именно 4 реала, и восьмую часть фуражныхъ денегъ. Изъ образовавшейся такимъ образомъ суммы выдавали копейщикамъ ссуды на покупку лошадей, взамѣнъ убитыхъ и отбитыхъ

[1]) Заимствовано у Пузыревскаго. Ч. II, стр. 122.

непріятелемъ, если только всадникъ не былъ самъ виноватъ въ ихъ утратѣ. Для оцѣнки лошадей назначалась комиссія изъ четырехъ выборныхъ всадниковъ и ветеринара, которая по обсужденіи составляла протоколъ. Кромѣ этой обязанности, комиссія должна была каждую недѣлю осматривать лошадей, наблюдать за содержаніемъ и кормомъ и привлекать къ отвѣтственности за дурной уходъ. Если послѣ боя число выбывшихъ лошадей было такъ велико, что не могло быть пополнено кассою товарищества, тогда ссуда дѣлалась изъ особо учрежденной главной кассы, которую всадники обязаны были пополнить мало по малу; но большею частью въ упомянутыхъ случаяхъ ссуды давались безвозмездно въ вознагражденіе за оказанную храбрость.

Каждый всадникъ испанской конницы долженъ былъ имѣть двухъ лошадей, одну для фуража, другую для службы, за которою требовали чрезвычайно бережливаго ухода. Особенно копейщики и кирасиры при ихъ тяжеломъ вооруженіи должны были бережно обращаться съ конями, такъ какъ иногда одинъ походъ дѣлалъ лошадей негодными къ службѣ.

Но не смотря на всѣ мѣры, испанскихъ копейщиковъ въ концѣ концевъ постигла таже участь, какъ и французскихъ жандармовъ.

„Во время этой продолжительной войны“, говоритъ Гойеръ, трудно было содержать въ полномъ числѣ эти роты; при недостаткѣ денегъ, не только не выплачивали всадникамъ ихъ жалованія, но даже не вознаграждали за убитыхъ лошадей и утраченное оружіе. „Будучи вдали отъ родины, испанцы нерѣдко были поставлены въ крайнюю необходимость и должны были, особенно послѣ гибели „непобѣдимой армады“, прибѣгать къ грабежу, чтобы поддержать свое существованіе. „Эти несчастные воины зачастую возвращались на родину израненные, изувѣченные и въ совершенной нищетѣ. При видѣ этого, другіе боялись поступать на службу. Оставшіеся же на службѣ копейщики, число которыхъ съ каждымъ днемъ уменьшалось, не имѣли возможности пріобрѣтать себѣ надлежащихъ качествъ лошадей, такъ какъ для боя копьями надо, чтобы онѣ были легки и хорошо выѣзжаны. Но чтобы не оставаться въ полномъ бездѣйствіи; испанцы принуждены были, отбросивъ пики, вооружиться пистолетами и сѣсть на грузныхъ лошадей, производя свои передвиженія только шагомъ или рысью. Наконецъ, когда уже явилась невозможность пополнять постоянную убыль въ копейщикахъ, то по примѣру графа Морица Оранскаго, ихъ преобразовали въ кирасиръ, (carazon), для которыхъ не требовалось ни большаго обученія, ни особенно хорошихъ лошадей, такъ какъ весь разсчетъ ихъ былъ на дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія. Такъ кончила свое поприще превосходная испанская конница

Изъ кирасирской конницы, сформированной Германіей при Максимиліанѣ I образованы были, какъ замѣчено нами въ первой главѣ отдѣльныя роты кираси-

ровъ, копейщиковъ и стрѣлковъ. Замѣчательно, что тяжесть вооруженія во второй половинѣ XVI столѣтія перешла къ копейщикамъ, кирасиры же вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ и обратились изъ тяжелой конницы въ стрѣляющую. Большинство писателей говоря о тяжелой конницы германцевъ, упоминаютъ кирасировъ и копейщиковъ или шперрейтаровъ. Названія эти, по всей вѣроятности, произошли отъ того, что кирасирскія роты не одновременно бросили копья и вооружились пистолетами, и потому одни назывались кирасирами, другіе копейщиками.

Упоминаемые въ первой главѣ полупикинеры, съ принятіемъ, послѣ распространенія огнестрѣльнаго оружія, массивнаго вооруженія, вѣроятно обратились въ копейщиковъ.

Когда рейтары вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ, шперрейтары отдѣлились въ особые эскадроны кирасиръ и утратили свое прежнее названіе, а мѣсто ихъ въ строю заняли унтеръ-офицеры. Вообще трудно согласить между собою разнорѣчивыя повѣствованія современныхъ писателей. А такъ какъ характеръ дѣйствій нѣмецкой конницы обозначился главнымъ образомъ во время Нидерландскихъ войнъ и преимущественно во времена Морица Оранскаго, то и обратимся къ описанію конницы этого знаменитаго военнаго дѣятеля.

Нидерландская конница состояла по преимуществу изъ нѣмецкихъ рейтаровъ, вооруженныхъ только шпагами и пистолетами. Дворянство сформировало также нѣсколько ротъ копейщиковъ на конѣ, и двѣ таковыя имѣлъ Морицъ, когда въ 1580 году спѣшилъ на помощь осажденному испанцами городу Штенвику. Но содержаніе копейщиковъ было сопряжено съ большими расходами, такъ какъ трудно было доставать лошадей верховаго сорта, необходимыхъ для этого рода конницы. „Кромѣ того“, пишетъ Пузыревскій [1]), „для дѣйствія такой кавалеріи требуется открытая, непересѣченная мѣстность и твердая почва; между тѣмъ театръ военныхъ дѣйствій въ Нидерландахъ представлялъ мѣстность пересѣченную, неудобную для дѣйствій тяжелой конницы. По этимъ причинамъ Морицъ, вмѣсто копейщиковъ организовалъ болѣе легкихъ кирасиръ, предохранительное оружіе которыхъ состояло изъ кирассы, а вооруженіе изъ пистолета съ длиннымъ ложемъ и палаша, годнаго какъ для рубки, такъ и для уколовъ“. При каждой ротѣ было нѣсколько человѣкъ, имѣвшихъ кромѣ сказаннаго вооруженія, еще передникъ, наколѣнники и два пистолета. За это они получали больше содержанія.

Тактика рейтаровъ много упростилась и заключалась въ томъ, что рейтары подскакивали къ противнику, производили выстрѣлъ изъ пистолетовъ въ упоръ и затѣмъ бросались въ рукопашную на шпагахъ или мечахъ. Сидя на сравнительно болѣе легкихъ лошадяхъ и состоя изъ привычныхъ, закаленныхъ въ походахъ и

[1]) Часть II, стр. 115.

битвахъ людей, они пріобрѣли себѣ славу лучшей конницы временъ Нидерландскихъ войнъ.

Кирасиры строились поротно въ глубокомъ и сомкнутомъ строѣ, но атаки производили разнообразно, въ зависимости отъ рода противника: пѣхоту они атаковали въ сомкнутомъ строѣ рысью; если съ обѣихъ сторонъ были кирасиры, то роты раздѣлялись на нѣсколько мелкихъ отрядовъ, и, весь бой обращался въ отдѣльныя схватки или даже поединки [1]). Кн. Голицынъ говоритъ, что кирасиры противъ кирасировъ сражались въ разомкнутомъ строѣ [2]). При нападеніи копейщиковъ кирасиры, встрѣтивъ противника залпами, раздавались направо и налѣво и охватывали его съ фланговъ. „Копѣйщики", говоритъ Гойеръ, „не умѣвшіе владѣть лошадью, какъ отъ неудавшагося столкновенія, такъ и отъ огня кирасировъ приходили въ совершенное разстройство, потому и неудивительно, что они почти всегда были биты" [3]).

Но столкновенія съ легкой конницей кирасиры побаивались и не столько думали объ атакѣ, сколько объ оборонѣ. Атаку ея они встрѣчали, стоя на мѣстѣ построившись въ глубокіе колонны или каре, фронтомъ во всѣ стороны, и старались отразить противника залпами по шереножно [4]).

Легкая конница также прибѣгала къ эволюціи для обхватыванія противника съ фланговъ, извѣстной подъ названіемъ караколь (caracole). Она заключалась въ послѣдовательномъ поворотѣ каждой шеренги къ сторонѣ фланга и проскакиваніи рысью или галопомъ въ колоннѣ по одному мимо непріятеля. Во время этого движенія каждый всадникъ стрѣлялъ въ непріятеля изъ пистолета, и потомъ, сдѣлавъ два раза по первому номеру на лѣво назадъ (два полувольта), шеренга уходила за фронтъ и строилась въ хвостѣ колонны своей роты или полка [5]).

Изъ сказаннаго о конницѣ XVI столѣтія видно, что только рейтары начинали соединяться въ полки; во Франціи же, Испаніи, Италіи и прочихъ государствахъ полки, кромѣ рейтарскихъ. возникли только въ XVII столѣтіи.

Въ боевомъ порядкѣ разнообразныя роты строились отдѣльно и состояли подъ общимъ начальствомъ полковника (colonel général). „Генрихъ II, установивъ службу конныхъ войскъ и уважая независимость капитановъ ордонансовыхъ ротъ, подчинилъ всю легкую конницу власти генералъ-полковника, какъ это было сдѣлано прежде для пѣхоты" [6]). Жандармы были подъ непосредственнымъ начальствомъ самого короля, замѣняемаго коннетаблемъ, и впослѣдствіи составляли собствен-

---

[1]) Hoyer, тамъ же, стр. 313.
[2]) Всеоб. воен. ист. сред. временъ. Ч. III, стр. 14.
[3]) Стр. 315.
[4]) Тамъ же, стр. 313; Кн. Голицынъ, стр. 14.
[5]) Suzanne.
[6]) Suzanne.

ное или домашнее войско короля и принцевъ (la maison du roi et des princes). Такъ какъ полковникъ былъ предводителемъ всей легкой конницы, то командиры возникшихъ впослѣдствіи [1]) во Франціи полковъ носили названіе mestre de camp.

У нѣмцевъ вся конница въ бою, какъ тяжелая, такъ и легкая подчинялась генералу отъ кавалеріи или фельдмаршалу, который считался первымъ лицомъ послѣ главнокомандующаго въ арміи. Въ его веденіи была судебная и полицейская расправа въ лагерѣ. Онъ избиралъ себѣ помощника изъ полковниковъ, который во время отсутствія генерала занималъ его мѣсто.

Глава 5-я.

Понятіе объ образѣ дѣйствій пѣхоты во второй половинѣ XVI столѣтія. Характеръ религіозныхъ войнъ Германіи и Франціи. Сраженіе при Кутра. Бѣглый очеркъ войны за независимость Нидерландовъ. Испанская конница въ сраженіи при Моокѣ. Александръ Пармскій въ сраженіи при Жамблу. Принцъ Морицъ Оранскій. Дѣйствія его конницы при Турнгутѣ и Ньюпортѣ. Замѣчаніе о наемныхъ войскахъ.

Мы уже говорили, что въ первой половинѣ XVI столѣтія пѣхота строилась глубокими массами въ видѣ квадратовъ или прямоугольниковъ, называемыхъ баталіонами или терціями, ядро которыхъ составляли пикинеры, а мушкетеры окружали ихъ, становясь въ переднія и заднія шеренги и образуя фланговые ряды. Кромѣ того, мушкетеры формировали стрѣлковыя крылья, располагаясь также квадратами по сторонамъ строя пикинеровъ. Арміи дѣлились на три равносильныя части, авангардъ, главныя силы и арьергардъ, изъ которыхъ каждая состояла, кромѣ конницы, изъ одного баталіона, и всѣ они въ бою обыкновенно становились въ одну линію: авангардъ на правомъ флангѣ общаго боеваго порядка, главныя силы въ центрѣ, арьергардъ на лѣвомъ флангѣ.

Подобные боевые порядки употреблялись въ Европѣ и во вторую половину XVI столѣтія. Но, съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія, въ числѣ вербующихся людей съ каждымъ днемъ являлось мушкетеровъ гораздо больше сравнительно съ пикинерами, и наконецъ въ арміяхъ XVI столѣтія число мушкетеровъ начало значительно преобладать. Чтобы дать этимъ двумъ родамъ пѣхоты возможность оказывать взаимную поддержку, особенно, чтобы дать мушкетерамъ опору сомкнутаго строя пикинеровъ, такъ какъ мушкетеры дѣйствовали всегда въ разсыпномъ строю и, не имѣя еще въ то время штыковъ, считали себя въ бою на близкомъ разстояніи отъ противника беззащитными,—сочли необходимымъ

[1]) При Людовикѣ XIII.

раздробить громадныя терціи на нѣсколько небольшихъ сравнительно баталіоновъ. Такимъ образомъ уменьшились, какъ глубина строя пѣхоты, такъ и тактическая единица.

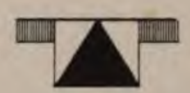
Испанцы во время нидерландскихъ войнъ стали составлять авангардъ, главныя силы и арьергардъ арміи изъ одной бригады, а каждую бригаду изъ трехъ или четырехъ баталіоновъ. У нидерландцевъ тактическою единицею былъ полуполкъ. При равенствѣ авангарда, главныхъ силъ и арьергарда, каждая изъ этихъ частей могла состоять изъ двухъ, трехъ и болѣе полуполковъ, становившихся въ одну или три линіи, смотря по мѣсту. Каждый полуполкъ строился обыкновенно въ 10 шеренгъ, причемъ ядро составляли пикинеры, а мушкетеры строились по сторонамъ и образовали крылья. Слѣдующіе чертежи дадутъ наглядное понятіе о испанскомъ и нидерландскомъ боевыхъ порядкахъ.

Конница въ общемъ боевомъ порядкѣ арміи обыкновенно располагалась по флангамъ, имѣя по сторонамъ своихъ эскадроновъ легкую пѣхоту. Но, иногда, какъ напримѣръ въ сраженіи при Кутра, конница была поставлена въ центрѣ. Французы и, особенно, нѣмцы любили перемѣшивать пѣхотныя и кавалерійскія части для взаимной поддержки передъ атакою огнемъ.

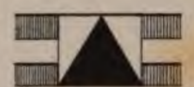
Князь Голицынъ говоритъ [1]), что „въ Австріи было принято, въ военное время, въ началѣ каждаго похода, назначать на время онаго нормальный боевой порядокъ дѣйствующей противъ непріятеля арміи. Понятіе о томъ, какъ въ такихъ боевыхъ порядкакъ распредѣлялись войска разныхъ родовъ оружія, можетъ дать строй къ баталіи или боевой порядокъ арміи принца Филиппа Эммануила лотарингскаго, въ походѣ 1600 г. противъ турокъ въ Венгріи, съ 16-го сентября этого года ежедневно назначавшійся вмѣстѣ съ квартирнымъ расположеніемъ арміи, фельдъ-квартирмейстеромъ полковникомъ фонъ-Целлемъ, съ утвержденія принца главнокомандовавшаго арміей. По этому боевому порядку, въ центрѣ арміи имѣли строиться два полка пѣхоты графа Шамильи и 1 полкъ пѣхоты Гохкирхена, и впереди нихъ вся артиллерія арміи подъ начальствомъ артиллеріи—генерала (General d'artilleria) графа Зульцъ-Вольфа; затѣмъ вправо, начиная отъ центра къ правому флангу: конница самого принца лотарингскаго, конница графа Гогенлоэ, полкъ пѣхоты Шенберга, конница графа Турна, гусары графовъ Надашди и Зерина, полкъ пѣхоты Мерсперга и наконецъ—гайдуки (венгерская пѣхота) Надашди; отъ центра же влѣво до лѣваго фланга: конница полковника Годицкаго, полкъ пѣхоты полковника Прейнера, конные аркебузёры полковника Коллонича, нѣмецкая пѣхота Гермштейна, гайдуки и конные аркебузёры Франколя и наконецъ гусары и гайдуки кроатскаго бана. Изъ этого видно, что отдѣленія пѣхоты и конницы должны были строиться одни между другими такъ, что 1 или 2

[1]) Всеобщ. воен. истор. сред. временъ, ч. 3, стр. 82.

ИСПАНСКАЯ БРИГАДА.

Двѣ бригады.

Нидерландскій боевой порядокъ.

полка пѣхоты имѣли справа и слѣва отдѣленія конницы, безъ сомнѣнія для того, чтобы оба эти рода войскъ въ бою содѣйствовали одинъ другому".

Артиллерію большею частью всю сосредоточивали впереди центра арміи, но иногда и распредѣляли по выгоднѣйшимъ для ея дѣйствій пунктамъ. Въ сраженіи при Гревелингенѣ, какъ мы уже объ этомъ упоминали, французы раздробили свою артиллерію по орудійно, изъ которыхъ каждое для взаимной поддержки поставлено было между отдѣленіями конницы.

Войны, происходившія въ западной Европѣ во второй половинѣ XVI столѣтія, Шмалькальденскія, французскія религіозныя и Нидерландскія, не имѣютъ того рѣшительнаго характера, какъ войны первой половины этого столѣтія, главнымъ образомъ по двумъ причинамъ: во первыхъ во время Итальянскихъ войнъ столкновеніе происходило между могущественнѣйшими государствами тогдашней Европы Германіей, Испаніей и Франціей, при участіи по временамъ Англіи и итальянскихъ государствъ; во вторыхъ огнестрѣльное оружіе еще было мало распространено, и битвы рѣшались по преимуществу оружіемъ холоднымъ. Шмалькальденскія войны и французскія религіозныя суть войны междоусобныя. Въ первыхъ изъ нихъ дѣйствовали нѣмецкіе реформаты противъ императора Карла V и нѣмецкихъ католиковъ. Безталантливость высшихъ начальниковъ и интриги духовенства были причинами отсутствія единства въ дѣйствіяхъ реформатовъ, которые, имѣя 70 тысячъ противъ императора, обладавшаго въ это время не болѣе какъ 10-ю тысячами, упускали благопріятное для дѣйствій время и тогда только рѣшились предпринять наступленіе, когда Карлъ успѣлъ сосредоточить подъ Ингольштадтомъ 55 тысячъ. Обѣ арміи заняли сильныя позиціи, укрѣпили ихъ и 5 дней вели между собою перестрѣлку и малую войну; но ни та, ни другая сторона не рѣшились перейдти къ энергичнымъ дѣйствіямъ.

Мы разсказываемъ событія, относящіяся къ 1546 году, когда огнестрѣльное оружіе уже начинало въ германскихъ войскахъ преобладать. Войска реформатовъ состояли изъ наемныхъ ландскнехтовъ и рейтаровъ; въ арміи императора, кромѣ собственныхъ войскъ, были испанцы, венгерская конница и вспомогательныя войска папы. Рюстовъ говоритъ, „что человѣкъ, вооружившійся огнестрѣльнымъ оружіемъ неохотно ввязывается въ рукопашный бой, разсчитывая поразить противника издали, между тѣмъ какъ, особенно при несовершенствѣ тогдашняго оружія, только рукопашный бой могъ имѣть рѣшающее значеніе".

На шестой день перестрѣлки протестанты, узнавъ о движеніи изъ Нидерландовъ имперскихъ войскъ на присоединеніе къ арміи Карла, двинулись черезъ Донаувертъ къ Вемдингену, но не успѣли помѣшать соединенію этихъ войскъ съ императоромъ.

Вслѣдъ затѣмъ мы снова видимъ обѣ противныя арміи подъ Лауингеномъ, стоящія другъ противъ друга въ укрѣпленныхъ лагеряхъ—имперская за р. Бренцъ,

протестантская при Гингенѣ. 6 недѣль протестанты и католики простояли другъ противъ друга, ведя малую войну, но нерѣшаясь атаковать одна другую. Наконецъ въ арміи протестантовъ, состоявшей почти исключительно изъ наемныхъ войскъ, для которыхъ выжидательное положеніе было невыгодно, начались побѣги, союзники начали охладѣвать, и армія стала расходиться. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался императоръ, перешелъ наконецъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, внесъ войну въ Саксонію и разрушилъ союзъ протестантовъ.

Во французскихъ религіозныхъ войнахъ сначала были двѣ воюющія стороны, католики и гугеноты, потомъ явилась третья, герцога Маіена, который послѣ смерти Генриха III сдѣлался главнымъ вождемъ католиковъ и всѣхъ недовольныхъ Генрихомъ IV. Обѣ стороны, особенно гугеноты, были слабы и могли выставлять арміи въ 6, 8, рѣдко въ 10 тысячъ; при этомъ католики опирались на помощь Испаніи, гугеноты—Англіи. Чтобы имѣть возможность содержать эти арміи, обѣ стороны старались овладѣть повозможности большимъ количествомъ городовъ, тамъ укрывались, при помощи этихъ городовъ платили наемникамъ и старались всѣми средствами вредить противной сторонѣ. Вслѣдствіе этого французскія религіозныя войны заключались большею частью въ оборонѣ и осадѣ или блокадѣ городовъ, такъ какъ для правильныхъ осадъ не имѣлось средствъ, и въ безпрерывной малой войнѣ съ цѣлью захвата и воспрепятствованія подвоза продовольствія и боевыхъ запасовъ, а иногда и просто грабежа. Изрѣдка встрѣчаются столкновенія войскъ, благодаря энергіи нѣкоторыхъ талантливыхъ личностей, какъ Генрихъ IV и герцогъ Пармскій, но и то большею частью вынужденныя, по причинѣ невозможности одной изъ сторонъ уклониться отъ боя.

Войска, принимавшія участіе во французскихъ религіозныхъ войнахъ, кромѣ французскихъ и испанскихъ, состояли по большей части изъ швейцарцевъ, и ландскнехтовъ, рейтаровъ и иногда страдіотовъ.

Мы не будемъ описывать мелкихъ столкновеній малой войны, такъ какъ способы дѣйствій каждаго изъ видовъ конницы мы описали въ предыдущей главѣ, и дѣйствія ихъ были одинаковы, какъ въ мелкихъ, такъ и въ большихъ столкновеніяхъ. Остановимся только на описаніи наиболѣе характернаго столкновенія происшедшаго между католиками и гугенотами въ сраженіи при Кутра, гдѣ дѣйствовали съ обѣихъ сторонъ почти всѣ виды конницы, существовавшей въ описываемое время.

Сраженіе при Кутра 20 октября 1587 года.

Генрихъ Наваррскій, предводитель гугенотовъ (впослѣдствіи Генрихъ IV, король французовъ), собравъ близъ ла-Рошеля 4380 человѣкъ пѣхоты и 1250 всадниковъ, съ 3 орудіями, двинулся черезъ Тальебуръ къ Рошъ-Шале, съ намѣре-

ніемъ проникнуть въ графство Перигоръ. Король Генрихъ III поручилъ командованіе войсками католиковъ юному и опрометчивому герцогу Жуайёзъ, который, сосредоточивъ королевскую армію, состоявшую изъ 4800 человѣкъ пѣхоты и 2800 всадниковъ съ двумя орудіями у Рюфе, переправился 15 октября у Обетерра черезъ Дронну и пошелъ черезъ Рошъ-Шале навстрѣчу гугенотамъ. Въ то-же время королевскій намѣстникъ въ Бордо, маршалъ Матиньонъ, направился съ отрядомъ войскъ на Либурнъ.

Король Наваррскій, видя, что ему уже нельзя избѣжать боя, перешелъ ночью на 20 число Дронну вбродъ у Кутра, и, ставъ между Жуайёзомъ и Матиньономъ, расположилъ войска свои впереди города.

Мѣстность впереди Кутра къ сторонѣ Рошъ-Шале довольно открытая, но окаймлена слѣва болотистымъ Паллардскимъ ручьемъ, а справа лѣсами, простирающимися отъ парка, который находился въ юговосточной оконечности города, по дорогѣ въ Монпонъ. При самомъ выходѣ изъ города, вправо отъ ротъ-шалезскаго тракта, лежитъ небольшой холмъ, а 400 шаговъ впереди роща.

Генрихъ Наваррскій расположилъ войска свои слѣдующимъ образомъ. На правомъ флангѣ 2000 человѣкъ пѣхоты занимали опушку парка со стороны Монпона, имѣя въ резервѣ три пѣхотные полка: Неви, Лабори и Шарбоньера. Лѣвѣе ихъ, возлѣ самаго парка, стали 250 всадниковъ легкой конницы Ла-Тремуйля и 180 аркебузёровъ, разсыпанныхъ по сторонамъ и впереди; потомъ виконтъ Тюреннь съ 200 гасконскихъ жандармовъ; затѣмъ принцъ Конде и самъ Генрихъ съ 600 французскихъ жандармовъ, прымыкая лѣвымъ флангомъ къ вышеупомянутому холму, на которомъ поставлены были три орудія. Лѣвое крыло, по обѣимъ сторонамъ рошъ-шалезской дороги, составляли 200 всадниковъ графа Суассонскаго и 500 человѣкъ пѣхоты. Между эскадронами конницы размѣщены были небольшія кучки пѣшихъ стрѣлковъ.

Сюзаннъ говоритъ, что король Наваррскій имѣлъ при Кутра 2500 всадниковъ, между которыми было 4 эскадрона жандармовъ подъ командою Тюрення, Пардальона, Футрайля и Шуппа. Остальная конница вся была леглая, сформированная въ эскадроны подъ начальствомъ принца Конде и другихъ [1].

Жуайезъ выступилъ изъ Рошъ-Шале и, прогнавъ передовой отрядъ гугенотовъ изъ селенія Les Peintures, подошелъ къ позиціи у Кутра. Лѣвое его крыло составлено было изъ пѣхотныхъ полковъ Пикарди и Тіерселена, рядомъ съ ними построились 400 легкихъ албанскихъ всадниковъ Лавардена, 500 всадниковъ Монтиньи; далѣе 2 орудія, 1200 всадниковъ герпога Жуайёзъ, 700 конныхъ аркебузёровъ и пѣхотный полкъ Клюсо (1800 чел.).

[1]) Стр. 71.

Сюзаннъ нѣсколько иначе высчитываетъ конницу Жуайёза. „Королевская армія“, говоритъ онъ, „насчитывала 2100 копій, сформированныхъ въ три корпуса и по крайней мѣрѣ, вдвое большее число легкой конницы—карабинеровъ (argoulets) и албанцевъ“ [1]).

Сраженіе началось канонадой артиллеріи. Удачная позиція трехъ орудій гугенотовъ дала имъ возможность нанести густымъ массамъ королевской конницы большой вредъ. Лаварденъ и Монтиньи, чтобы избѣжать этого огня, рѣшились вести свою конницу въ атаку. Легкая королевская конница двинулась впередъ и атаковала эскадроны ла-Тремуйля и Тюренння, которые открыли пальбу и, при помощи пѣшихъ аркебузёровъ, рѣшились отбить албанцевъ огнемъ. Но албанцы стремительно налетѣвъ, опрокинули гугенотскую конницу, проникли въ Кутра и начали грабить обозы, между тѣмъ какъ Тюреннь и Ла-Тремуйль старались устроить свои эскадроны за эскадрономъ Конде.

Въ то-же почти время пѣхота католиковъ атаковала пѣхоту гугенотовъ на флангахъ позиціи; но на обоихъ флангахъ неудачно. Полкъ Клюсо въ безпорядкѣ принужденъ былъ отступить въ лежащую позади рощу; покушеніе полковъ Пикарди и Тьерселена проникнуть въ паркъ также было отбито.

„Жуайёзъ, изумленный симъ неожиданнымъ сопротивленіемъ, повелъ впередъ своихъ латниковъ; часть ихъ обратилась на батарею гугенотовъ, а съ остальными герцогъ лично ударилъ на эскадроны Конде и короля (Наваррскаго). Французы, начавъ скакать съ разстоянія 1000 шаговъ, запыхались и пришли въ разстройство. Генрихъ, допустивъ ихъ на 50 шаговъ и потомъ кинувшись впередъ, разбилъ ихъ совершенно. Жуайёзъ взятъ былъ въ плѣнъ и убитъ двумя гугенотскими офицерами. Вся армія Генриха перешла тогда въ наступленіе и принудила противника къ бѣгству. Лаварденъ съ частью конницы и полкомъ Пикарди покусился прикрыть отступленіе, но былъ увлеченъ общимъ примѣромъ“ [2]).

Изъ описанія сраженія при Кутра видно, что армія гугенотовъ занимала довольно выгодную, соотвѣтственно своему составу, позицію и расположена была, вопреки обычаю времени, весьма удачно. По обычаю того времени конницу располагали по флангамъ; но Генрихъ, примѣняясь къ мѣстности, поставилъ конницу въ центрѣ, такъ какъ мѣстность здѣсь благопріятствовала дѣйствіямъ этого рода оружія, пѣхоту же поставилъ по флангамъ, которая и заняла на правомъ флангѣ паркъ, на лѣвомъ болотистую мѣстность по сторонамъ рошъ-шалезской дороги.

Но придерживаясь обычаю, между кавалерійскими частями онъ поставилъ пѣшихъ стрѣлковъ. Атака непріятельской конницы встрѣчается, стоя на мѣстѣ, при-

[1]) Тамъ-же.
[2]) Зеддлеръ. В. Энц. лексик. т. VII стр. 595.

чемъ все вниманіе сосредоточивается на усиленное дѣйствіе огня, какъ пѣхоты, такъ и конницы.

Огонь этотъ однако не помогъ. Легкая конница католической арміи, быстро проскакавъ обстрѣливаемое пространство, безъ труда смяла стрѣляющіе эскадроны; но, къ сожалѣнію вмѣсто того, чтобы довершить побѣду, занялась грабежемъ и дала возможность восторжествовать противнику на другихъ пунктахъ поля сраженія.

Тотъ-же маневръ, предпринятый жандармами Жуайёза для атаки конницы Генриха и Конде, не удался по причинѣ слишкомъ большаго разстоянія, съ котораго латники двинулись въ атаку. Грузныя лошади едва могли дотащить своихъ тяжелыхъ всадниковъ, которые въ полномъ разстройствѣ попали подъ сосредоточенный огонь артиллеріи, конницы и легкой пѣхоты гугенотовъ.

Замѣтивъ это обстоятельство, Генрихъ, какъ сказано, приказалъ своей конницѣ двинуться впередъ, и она съ разстоянія 50 шаговъ атаковала, пришедшую въ полнѣйшее измеможеніе и безпорядокъ, конницу Жуайёза.

Такимъ образомъ, какъ видно, конница стоящая на мѣстѣ и стрѣляющая, опрокинула конницу атакующую, но не соразмѣрившую съ разстояніемъ своихъ силъ.

Войны за независимость Нидерландовъ, возникшія вслѣдствіе чрезвычайной жестокости герцога Альбы, назначеннаго правителемъ Нидерландовъ, имѣли подобный же характеръ. Имѣя сначала только 9 тысячъ войскъ, а потомъ съ присоединившимися бургундскими и нѣмецкими полками до 20 тысячъ, онъ не могъ предпринять что нибудь рѣшительное; и потому, занимая нѣкоторые города небольшими гарнизонами, долженъ былъ выжидать благопріятныхъ случаевъ для нанесенія хотя плохимъ, но значительно превосходившимъ числительностью, войскамъ нидерландцевъ, или, при невозможности этого, уклоняться отъ столкновеній. Дѣйствія Альбы отличаются большимъ искусствомъ, если принять во вниманіе крайнюю ограниченность силъ.

Въ 1568 году принцъ Вильгельмъ Оранскій произвелъ съ четырехъ сторонъ вторженіе въ Нидерланды. Каждый изъ вторгнувшихся отрядовъ былъ сильнѣе или равносиленъ войскамъ Альбы; но Альба, пользуясь раздѣленіемъ силъ, бросился противъ одного, потомъ противъ другаго и разбилъ ихъ, затѣмъ разбилъ подъ Геммингеномъ графа Нассаускаго, командовавшаго третьимъ отрядомъ и наконецъ обратился противъ самого Вильгельма. Но такъ какъ у Вильгельма было 28 тысячъ, а у Альбы только 16 тысячъ, то послѣдній избѣгалъ боя и рѣшился утомлять противника передвиженіями и малою войною, надѣясь медленіемъ принудить войско его разойтись. Наконецъ Альба расположился въ сильно укрѣпленномъ лагерѣ при Маастрихтѣ. „Здѣсь“, пишетъ кн. Голицынъ [1]), „началась осо-

[1]) Всеобщ. воен. истор. сред. временъ, ч. 3, стр. 177.

баго рода война: обѣ стороны, уклоняясь отъ боя, переходили безпрестанно изъ одного лагеря въ другой, ведя малую войну, затрудняя одна другой продовольствованіе, всячески стараясь одна другую ослабить и имѣя сверхъ того въ виду: принцъ Оранскій — оттѣснить Альбу, а послѣдній — удержать принца Оранскаго. Наконецъ холодная осенняя погода, недостатокъ теплой одежды, продовольствія и денегъ и уменьшеніе числа войскъ отъ безпрерывныхъ стычекъ принудили принца Оранскаго отступить изъ Нидерландовъ черезъ Геннегау во Францію. Герцогъ Альба слѣдовалъ за нимъ до самой французской границы весьма близко, но съ большою осторожностью и продолжая постоянно уклоняться отъ общаго боя. По вступленіи во Францію, войско принца Оранскаго было направлено въ Страсбургъ и частью погибло отъ голода, стужи и болѣзней, частью разбѣжалось, частью наконецъ вступило въ службу французскаго короля и герцога цвейбрюкенскаго; не болѣе 1200 чел. конницы остались при принцѣ Оранскомъ и братѣ его Лудвигѣ и вмѣстѣ съ ними присоединились въ слѣдующемъ году во Франціи къ арміи принца Конде“.

Въ 1572 году война возобновилась, благодаря почину морскихъ гёзовъ, которые захватили городъ Бриль на островѣ Воорке. Вслѣдъ затѣмъ возстали города Зееланда, а принцъ Оранскій, успѣвъ собрать значительную армію, вторгнулся въ Нидерланды съ трехъ сторонъ. Но подобною же тактикою, какъ и въ предыдущемъ походѣ, Альба довелъ войско Вильгельма до крайняго ослабленія и разстройства, такъ что онъ увидѣлъ себя въ необходимости отступить за Рейнъ и распустить остатки войскъ.

Послѣ этого герцогъ Альба снова овладѣлъ всѣми возставшими городами. Но на морѣ дѣла шли для испанцевъ неблагопріятно, а страшная жестокость Альбы съ вновь покоренными городами побудили испанскаго короля Филиппа II отозвать Альбу въ Испанію.

Мастерское веденіе военныхъ дѣйствій Альбою заслуживаетъ полнаго вниманія и изученія; но такъ какъ въ кавалерійскомъ отношеніи дѣйствія эти никакихъ особенностей не представляютъ, то мы и не будемъ вдаваться въ подробности изложенія.

Моокская экспедиція.

Преемникъ Альбы Реквезенсъ, имѣя подобно своему предшественнику неудачи на морѣ, дѣйствовалъ на сушѣ въ томъ же духѣ какъ Альба, и, между мелкими дѣйствіями малой войны, въ его правленіе была одержана испанцами блистательная побѣда при Моокѣ.

Въ началѣ 1574 года принцъ Вильгельмъ Оранскій составилъ планъ дѣйствій для вытѣсненія испанцевъ изъ Голландіи. На основаніи этого плана братъ Вильгельма Людовикъ Нассаускій, навербовавъ въ Германіи войска, долженъ былъ

сдѣлать попытку къ овладѣнію Маастрихтомъ и потомъ идти на соединеніе съ Вильгельмомъ, который по причинѣ разныхъ неудачъ отошелъ въ сѣверную Голландію. Если бы попытка къ овладѣнію Маастрихтомъ не увѣнчалась успѣхомъ, Людвигъ долженъ былъ перейти Маасъ въ окрестностяхъ Штокема, пробраться къ принадлежащему принцу городу Гертруденбергу и оттуда соединиться съ своимъ братомъ близь Дельфта. Тогда они должны были вмѣстѣ занять позицію между Гарлемомъ и Лейденомъ. Въ этомъ случаѣ казалось вѣроятнымъ, что испанцы будутъ принуждены дать сраженіе при невыгодныхъ для себя условіяхъ, или оставить страну.

Въ то время, какъ графъ Іоаннъ, младшій братъ принца Вильгельма, неутомимо старался устроить финансовую сторону предполагаемой экспедиціи и собиралъ контрибуціи съ своихъ многочисленныхъ родственниковъ и союзниковъ въ Германіи, Людвигъ воспользовался проѣздомъ герцога Анжуйскаго въ Польшу, чтобы пріобрѣсти для себя двѣ тысячи германскихъ и французскихъ кавалеристовъ, которые служили стражей этому принцу и которые, оставшись теперь безъ дѣла, были рады получить занятіе, предлагаемое имъ генераломъ, котораго они считали имѣющимъ деньги. Еще тысяча человѣкъ конницы и шесть тысячъ пѣхоты были скоро набраны „изъ этого всегда роящагося питомника наемныхъ воиновъ—маленькихъ германскихъ государствъ“. Съ ними, къ концу февраля, Людвигъ перешелъ Рейнъ во время сильной мятели и направилъ свой путь къ Маастрихту. Всѣ три брата принца сопровождали эту маленькую армію, и, кромѣ того, тутъ былъ герцогъ Христофоръ, сынъ курфирста Палатина.

Раньше конца мѣсяца армія дошла до Мааса и стала лагеремъ въ четырехъ миляхъ отъ Маастрихта, на противоположномъ берегу рѣки. Гарнизонъ, которымъ начальствовалъ Монтесдока, былъ слабъ, но извѣстія о воинственныхъ приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ въ Германіи, предшествовали прибытію графа Людвига. Реквезенсъ, понимая важность положенія, издалъ указъ о немедленномъ наборѣ восьми тысячъ конницы въ Германіи, съ соразмѣрнымъ числомъ пѣхоты. Въ тоже время онъ отправилъ дона Бернардино-де-Мендоза съ нѣсколькими эскадронами конницы, которая стояла тогда въ Бреда, чтобы немедленно пройти въ Маастрихтъ. Дону Санхо д'Авила была ввѣрена общая забота о сопротивленіи враждебной экспедиціи. Этотъ генералъ немедленно собралъ всѣ войска, безъ которыхъ можно было обойтись въ городахъ, гдѣ они стояли, усилилъ гарнизоны Антверпена, Гента, Нимвегена и Валансьена, гдѣ, какъ было извѣстно, находилось много тайныхъ приверженцевъ Оранскаго, и съ остальными своими силами тронулся, чтобы воспрепятствовать вступленію Людвига въ Брабантъ и соединенію его съ братомъ въ Голландіи. Браккамонте былъ отправленъ въ Лейденъ, чтобы немедленно увести войска, которыя тогда осаждали этотъ городъ.

Когда Людвигъ подошелъ къ Маастрихту, онъ нашелъ рѣку ни замерзшей,

ни вскрытой: ледъ препятствовалъ плаванію, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы выдержать тяжесть арміи. Пока онъ былъ такимъ образомъ задержанъ, Мендоза прибылъ въ городъ съ своею конницею. Для Людвига казалось уже необходимымъ покинуть свои надежды на Маастрихтъ, но онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, перейти рѣку въ его окрестностяхъ, чтобы соединиться съ принцемъ какъ можно скорѣе. Но пока рѣка еще была покрыта льдомъ, непріятель убралъ всѣ лодки. 3 марта Авила прибылъ съ большимъ корпусомъ войскъ въ Маастрихтъ, а 18 ночью Мендоза перешелъ рѣку, произвелъ нечаянное нападеніе съ своими эскадронами и причинилъ войскамъ нидерландцевъ уронъ въ 700 человѣкъ, потерявъ въ свою очередь только 7.

Утомленный, но не потерявшій бодрости отъ этихъ бѣдствій, Людвигъ снялъ свой лагерь 21 и занялъ позицію дальше внизъ по рѣкѣ, въ Фокмонѣ и Гульпенѣ, замкахъ герцога Лимбургскаго. 3 апрѣля Браккамонте прибылъ въ Маастрихтъ съ двадцатью пятью ротами испанцевъ и тремя эскадронами конницы, а въ тотъ же самый день Мондрагонъ прибылъ на мѣсто дѣйствія съ своими шестнадцатью ротами ветерановъ.

Теперь для Людвига стало очевиднымъ, что онъ не только не возьметъ Маастрихта, но что и его соединеніе съ братомъ было, по крайней мѣрѣ, сомнительно. Конечно его еще не превзошли числомъ, но непріятель постоянно усиливался, а его собственныя силы ежедневно уменьшались. Кромѣ того, испанцы были отлично дисциплинированныя и опытныя войска, а его собственные солдаты были наемники, которые уже шумѣли и выходили изъ повиновенія. 8 апрѣля онъ опять снялъ свой лагерь и двинулся вдоль праваго берега Мааса, между этой рѣкой и Рейномъ, по направленію къ Нимвегену.

Авила рѣшился быстро послѣдовать за нимъ на противоположный берегъ Мааса, намѣреваясь стать между Людвигомъ и принцемъ Оранскимъ, и послѣ быстраго перехода дать графу сраженіе, прежде нежели онъ соединится съ братомъ.

8 апрѣля, на ранней зарѣ, Людвигъ оставилъ окрестности Маастрихта и 13 расположился въ деревнѣ Моокъ, на Маасѣ, близь Клевской границы. Выславъ разъѣзды, онъ узналъ къ большой досадѣ, что непріятель обогналъ его, и находится теперь на разстояніи пушечнаго выстрѣла. 13-го Авила построилъ понтонный мостъ, по которому перешелъ Маасъ со всей своей арміей, такъ что по прибытіи графа въ Моокъ, онъ нашелъ своего непріятеля лицомъ къ лицу съ собой, на томъ же берегу рѣки, и прямо на своемъ пути. Такимъ образомъ было очевидно, что въ этомъ узкомъ пространствѣ между Маасомъ и Вааломъ, гдѣ они были теперь собраны, Людвигу приходится одержать побѣду, не ожидая никакой помощи, или оставить экспедицію и покинуть голландцевъ отчаянію. Онъ былъ пораженъ, очутившись въ томъ положеніи, въ которое попалъ, потому что онъ надѣялся покорить Маастрихтъ и соединиться съ своимъ братомъ въ Гол-

ландіи. Вмѣстѣ они могли по крайней мѣрѣ выгнать испанцевъ съ этой территоріи, въ такомъ случаѣ было вѣроятно, что большая часть населенія въ различныхъ провинціяхъ возстала бы. Судя по настоящему ходу дѣла, судьба страны, впродолженіи нѣкотораго времени въ будущемъ, вѣроятно будетъ зависѣть отъ исхода сраженія, которое не входило въ его планы, и къ которому онъ не былъ вполнѣ подготовленъ.

Мѣсто, на которомъ произошло сраженіе, было весьма благопріятно для испанцевъ. На правомъ берегу Мааса, въ узкой равнинѣ, которая тянется отъ рѣки до цѣпи возвышенностей, находящихся къ сѣверу на разстояніи пушечнаго выстрѣла, лежитъ маленькая деревня Моокъ. Испанскій генералъ зналъ, что его противникъ имѣетъ передъ нимъ преимущество въ конницѣ, и что на такомъ сжатомъ пространствѣ ему невозможно будетъ извлечь много выгоды изъ этого обстоятельства.

14 числа обѣ арміи были выстроены въ боевой порядокъ на самой ранней зарѣ. Силы Людвига по Мотлею [1]) простирались до 6 тысячъ пѣхоты и двухъ тысячъ конницы. Гине пишетъ, [2]) что у нидерландцевъ было 7 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 4 тысячи конницы. Извѣстно, что въ началѣ боя къ Людвигу прибыли на помощь французскія войска подъ начальствомъ сеньора де Гьержъ и барона де Шевро. Они привели болѣе тысячи человѣкъ и сообщили, что Вальдецъ ведетъ еще 5 тысячъ, но которыя прибудутъ только на слѣдующее утро. По этой причинѣ произошелъ маленькій совѣтъ, на которомъ рѣшено было вступить въ бой безъ войскъ Вальдеца, боясь, чтобы искусный испанскій генералъ не ускользнулъ. Позицію свою Людвигъ укрѣпилъ глубокой траншеей, тянувшейся отъ Моока, гдѣ онъ поставилъ десять ротъ пѣхоты, которыя такимъ образомъ опирались на деревню и на рѣку [3]). Правѣе и нѣсколько сзади построены были въ видѣ огромнаго каре главныя силы пѣхоты. Еще правѣе стала конница, по Мотлею, четырьмя эскадронами, слѣдовательно, если принять ее, согласно повѣствованіи Зедделера въ 4 тысячи, каждый эскадронъ состоялъ изъ 1000 всадниковъ. Такъ какъ вся конница Людвига состояла изъ нѣмецкихъ рейтаровъ, то, вѣроятно они раздѣлены были на 4 полка, а Мотлей назвалъ ихъ эскадронами [4]). Часть конницы по недостатку мѣста была поставлена на склонѣ горы.

Силы испанцевъ простирались только до 4 тысячъ пѣхоты и одной тысячи конницы. Донъ Санхо д'Авила поставилъ свои 25 ротъ пикинеровъ и мушкетеровъ четырьмя баталіонами (Гине говоритъ тремя—большими массами терціями);

---

[1]) Исторія Нидерландской революціи, т. II, стр. 524.

[2]) Воен. энц. лекс. т. IX, стр. 27.

[3]) Мотлей, стр. 523. На той же страницѣ онъ говоритъ, что д. Моокъ лежала между двумя арміями.

[4]) Какъ извѣстно слово эскадронъ не всегда имѣло опредѣленное значеніе.

правый флангъ ихъ опирался на рѣку. Слѣва отъ нихъ, говоритъ Мотлей, была конница, расположенная Мендозой въ видѣ полумѣсяца, рога котораго были снабжены двумя маленькими отрядами застрѣльщиковъ. Передніе уступы полумѣсяца были составлены изъ конныхъ карабинеровъ. Сзади поставлены были испанскіе копейщики.

Сраженіе началось рано утромъ наступленіемъ испанской пѣхоты противъ траншеи и деревни Моокъ. Нидерландская пѣхота оказала должное сопротивленіе. Вѣроятно, дѣло заключалось въ перестрѣлкѣ, такъ какъ до 10 часовъ утра никакихъ результатовъ не было достигнуто. „Къ десяти часамъ", пишетъ Мотлей [1]) „Людвигъ сталъ терять терпѣніе. Всѣ трубы патріотовъ зазвучали вызовомъ своимъ противникамъ и именно тогда, когда испанцы отвѣчали на этотъ вызовъ и готовились къ общему нападенію, на поле сраженія прибыли сеньеръ де Гьержъ и баронъ де Шевро. Они привели съ собой, какъ выше сказано, подкрѣпленіе изъ болѣе нежели тысячи человѣкъ". Это подкрѣпленіе отправлено было на помощь ротамъ, защищавшимъ траншею. Не смотря на это, испанцы пошли въ атаку и, послѣ короткой, бѣшенной схватки, ворвались въ деревню; но скоро были выбиты большимъ отрядомъ пѣхоты, посланнымъ графомъ Людвигомъ на выручку. Почти вся нидерландская пѣхота сосредоточена была для защиты деревни и окопа; вся испанская пѣхота послана была въ атаку. Наконецъ испанцы дружнымъ штурмомъ овладѣли траншеей и опрокинули нидерландскую пѣхоту.

Во все время этого боя конница съ обѣихъ сторонъ бездѣйствовала. Увидавъ пораженіе своей пѣхоты, Людвигъ взялъ полкъ рейтаровъ и атаковалъ выдвинувшійся впередъ эскадронъ конныхъ карабинеровъ Шенка [2]). Рейтары подъѣхали къ карабинерамъ и открыли съ близкаго разстоянія огонь шеренгами. Карабинеры, стоявшіе на мѣстѣ, не выдержали огня, обратились въ бѣгство и, объятые паническимъ страхомъ, бросились къ рѣкѣ, нѣкоторые переплыли, а многіе утонули; тѣ, которые остались въ живыхъ, разнесли въ Граве и другіе города извѣстіе, что роялисты совершенно разбиты. Но это было далеко не правда. „Патріотская кавалерія", говоритъ Мотлей, „сдѣлала вольтъ послѣ перваго выстрѣла и отступила, чтобы снова зарядить свое оружіе; но прежде, нежели она приготовилась ко второй атакѣ, испанскіе конные копейщики и нѣмецкіе черные кавалеристы, которые остались твердыми, бросились на нее съ большимъ одушевленіемъ".

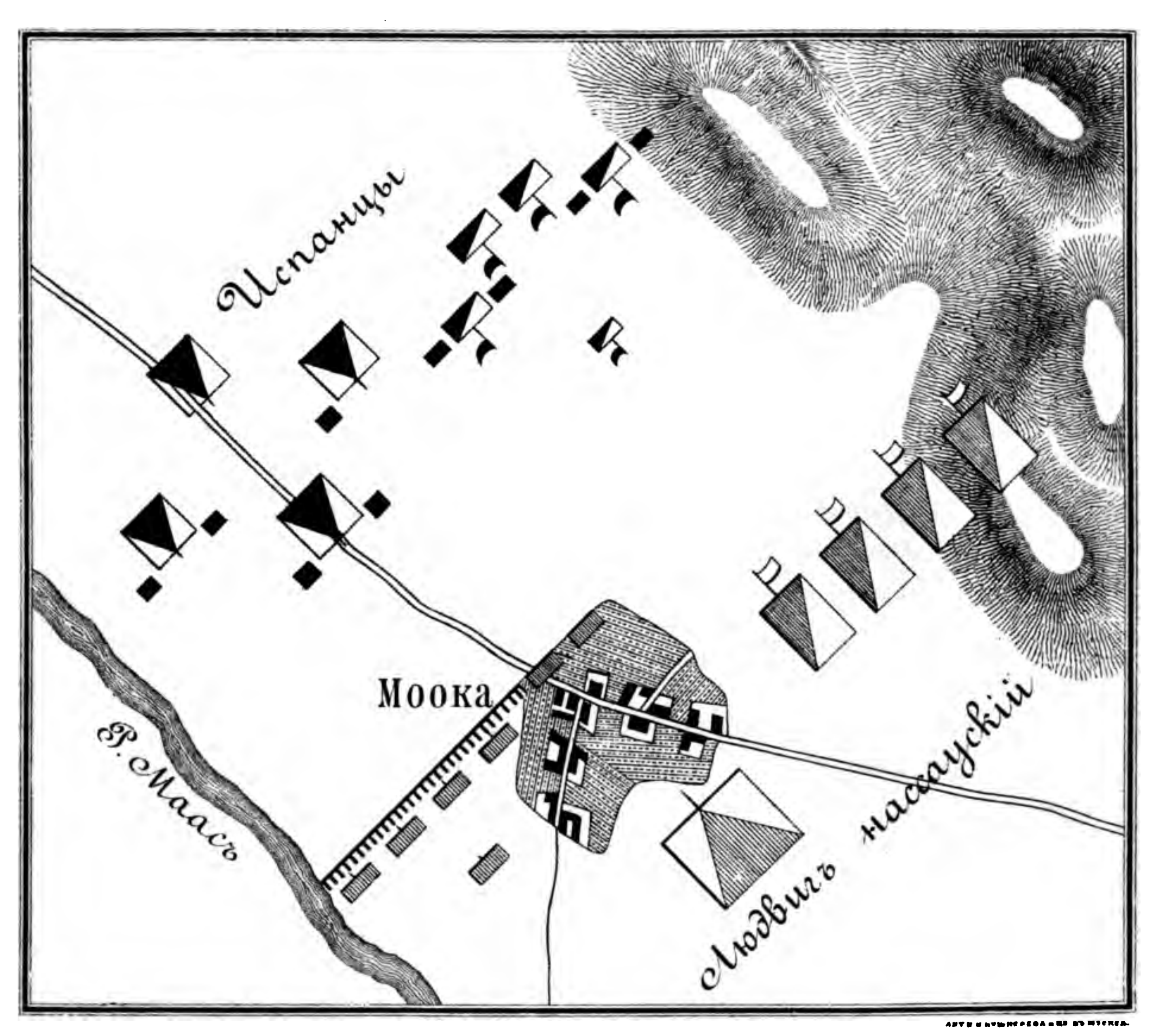
Эта атака въ подробностяхъ произошла такъ. Во время разгрома Людвигомъ карабинеровъ Шенка, предводитель валлоновъ Эгидій Барлемонъ направилъ небольшой конный отрядъ противъ обнаруженнаго лѣваго фланга полка Людвига,

---

[1]) Т. II, стр. 524.

[2]) Мотлей, тамъ же, стр. 525. Гнне говоритъ, что Людвигъ напалъ съ 600 всадниковъ на шенкскихъ кирасиръ. Воен. энц. лексик. т. IX, стр. 28.

Сраженіе при Моокѣ.

„Исторія Конницы"
М. Маркова.

а Мендоза послалъ часть копейщиковъ въ правый флангъ и тылъ. Итальянецъ Перотто, бросившись съ 25 всадниками, отрѣзалъ путь желавшимъ ускакать шестидесяти нассаускимъ рейтарамъ и, не смотря на открытый ими огонь, почти всѣхъ положилъ на мѣстѣ.

Эти отдѣльныя атаки на выдвинувшійся полкъ нидерландцевъ послужили сигналомъ для атаки всей испанской конницы. Санхо д'Авила развернулъ конныхъ копейщиковъ и построилъ ихъ корнетами отъ 30 до 40 всадниковъ [1]). Мѣстность вполнѣ благопріятствовала испанцамъ, а боевой порядокъ въ видѣ полумѣсяца, т. е. уступами съ фланговъ, далъ возможность охватить скученую въ огромныя массы на тѣсномъ пространствѣ конницу нидерландцевъ. Застигнутая на мѣстѣ нидерландская конница открыла огонь, но, атакованная копейщиками одновременно во фланги и тылъ, была приведена въ полнѣйшее разстройство. Оставшаяся не разстроенною пѣхота нидерландцевъ, не смотря на всѣ приказанія и увѣщеванія Людвига, не тронулась впередъ для выручки своей конницы, отговариваясь неполученіемъ жалованія.

„Графъ Людвигъ, видя что сраженіе потеряно и его армія разбита на голову, собралъ вокругъ себя маленькую банду воиновъ, между которыми были его братъ графъ Генрихъ, и герцогъ Христофоръ, и вмѣстѣ пошли въ послѣднюю, отчаянную атаку. Тутъ ихъ въ послѣдній разъ видѣли на землѣ. Они всѣ вмѣстѣ врѣзались въ средину общей свалки, и о нихъ уже никогда не слыхали больше. Сраженіе кончилось, какъ всегда бывало при этихъ столкновеніяхъ взаимной ненависти, страшной рѣзней, такъ что едвали изъ патріотской арміи, остался кто нибудь, чтобы разсказать о ея бѣдствіи. По крайней мѣрѣ четыре тысячи человѣкъ было убито, считая всѣхъ тѣхъ, которые были убиты на полѣ сраженія, тѣхъ, которые задохлись въ болотахъ или утонули въ рѣкѣ, и тѣхъ, которые были сожжены на фермахъ, гдѣ они укрывались" [2]).

Разбирая Моокскую экспедицію съ кавалерійской точки зрѣнія, мы можемъ замѣтить, что испанская конница принимала въ ней дѣятельное участіе. Хотя источники объ этомъ упоминаютъ нѣсколько смутно, какъ бы вскользъ, но факты говорятъ сами за себя. Быстрое прибытіе эскадроновъ Мендозы въ то время, когда Людвигъ уже стоялъ на другомъ берегу Мааса и готовился къ переправѣ, спасло Маастрихтъ. Кромѣ усиленія незначительнаго гарнизона, конница Мендозы охранила берега и, убравъ всѣ лодки, пресѣкла самую возможность переправы. Но и этимъ дѣятельность ея не ограничивалась. 18 марта, когда уже значительный корпусъ испанскихъ войскъ занималъ Маастрихтъ и городъ былъ обезпеченъ, конница Мендозы переправилась черезъ Маасъ (какимъ образомъ, источники умалчи-

[1]) Гине. Воен. энц. лекс. т. IX, стр. 28.
[2]) Мотлей, т. II, стр. 525.

ваютъ) и, сдѣлавъ неожиданное нападеніе, изрубила 700 человѣкъ нидерландцевъ. Мотлей объ этомъ говоритъ такъ: [1]) „18 ночью Мендоза перешелъ рѣку, и далъ патріотамъ такую сильную encamisada, что семьсотъ человѣкъ ихъ было убито, а онъ потерялъ только семь человѣкъ изъ своей партіи.

Сравнивая дѣйствія кавалеріи обѣихъ сторонъ въ сраженіи при Моокѣ, припомнимъ, что вся нидерландская конница была построена въ четыре огромныя массы, около 1000 всадниковъ въ каждой, испанская же стояла эскадронами въ 250 всадниковъ и, можетъ быть часть ея была на правомъ флангѣ или при пѣхотѣ. Это наше предположеніе мы беремъ изъ повѣствованія Гине, который говоритъ: [2]) „испанская пѣхота построилась въ три большія массы (терціи) въ центрѣ, конница на флангахъ въ видѣ полумѣсяца, впереди находились фланкеры“. Если это было дѣйствительно такъ, то атаку Барлемона во флангъ, выдвинувшемуся впередъ, полку Людвига можно объяснить тѣмъ, что Барлемонъ съ своими валонскими всадниками подоспѣлъ съ праваго фланга. Но наше описаніе кавалерійскаго боя при Моокѣ, которое намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, мы взяли изъ Мотлея. Онъ говоритъ [3]): „двадцать пять ротъ испанцевъ были расположены четырьмя корпусами копейщиковъ и мушкетеровъ; правый флангъ ихъ опирался въ рѣку; слѣва отъ нихъ была кавалерія, расположенная Мендозой въ видѣ полумѣсяца, рога котораго были снабжены двумя маленькими отрядами застрѣльщиковъ. Въ переднихъ рядахъ кавалеріи были испанскіе копейщики“. На послѣднюю фразу, т. е., о карабинерахъ Шенка, обратимъ вниманіе. Извѣстно, что Людвигъ съ шестью стами рейтаровъ атаковалъ и разбилъ именно карабинеровъ Шенка; извѣстно также изъ повѣствованія Гине, что съ обѣихъ сторонъ, раньше атаки, были выдвинуты кавалерійскія части впередъ для рекогносцировки, въ которой испанцы понесли пораженіе. Объ этой рекогносцировкѣ другіе источники отдѣльно не упоминаютъ; поэтому мы и позволяемъ себѣ предположить, что для этой то цѣли и выдвинутъ былъ эскадронъ Шенка; а карабинеры Барлемона въ боевомъ порядкѣ испанской конницы составляли правый передній уступъ полумѣсяца.

Эскадронъ Шенка былъ неожиданно атакованъ полкомъ рейтаровъ и обратился въ бѣгство; но рейтары вмѣсто того, чтобы развить успѣхъ перваго залпа атакою, стали отходить назадъ для заряжанія карабиновъ и сами были атакованы. Остановившись для отпора копейщикамъ, полкъ Людвига открылъ огонь во всѣ стороны и былъ разбитъ. Прочіе полки нидерландской конницы не двинулись для выручки и, въ свою очередь, атакованные копейщиками на мѣстѣ, стали защищаться огнемъ. Скученое расположеніе глубокими массами не дало возмож-

---

[1]) Т. II, стр. 520.

[2]) Воен. энц. лексик. т. IX, стр. 28.

[3]) Т. II, стр. 523.

ности принять участіе въ бою значительному количеству людей, а пальба изъ карабиновъ не остановила лихихъ испанскихъ копейщиковъ, и тысяча лихихъ испанскихъ всадниковъ разгромили 4000 нидерландскихъ рейтаровъ.

Изъ этого видно, что вездѣ конница, стремительно атакующая, бьетъ конницу стоящую на мѣстѣ и встрѣчающую атаку огнемъ. Построеніе маленькими корнетами въ 30—40 всадниковъ дало возможность принять участіе большинству людей. Намъ уже извѣстно, что корнеты строились обыкновенно квадратами, большею частью въ пять, шесть шеренгъ. Во время производства атаки полумѣсяцемъ, этотъ боевой порядокъ, вѣроятно обратился въ густую лаву, которая дала возможность какъ охватить фланги, такъ и развить быстроту и силу коней въ полной мѣрѣ. Такимъ образомъ дѣйствія конницы въ сраженіи при Моокѣ блистательно доказали, что главное оружіе кавалеріи есть конь.

Побѣда испанскихъ войскъ при Моокѣ сдѣлалась сравнительно безплодной, вслѣдствіе мятежа, который вспыхнулъ на другой день послѣ сраженія. Войскамъ были должны трехгодовое жалованье, и неудивительно, что при этомъ случаѣ обнаружился одинъ изъ тѣхъ періодическихъ бунтовъ, которыми такъ часто ослаблялось дѣло короля, и которые ставили намѣстниковъ короля въ такое невыносимо затруднительное положеніе. Бунтъ удалось усмирить послѣ продолжительнаго промежутка времени только слѣдующему правителю Донъ-Хуану австрійскому.

Донъ Хуанъ и особенно геніальный Александръ Фарнезе, герцогъ Пармскій дѣйствовали весьма искусно. Донъ Хуанъ признаніемъ нѣкоторыхъ статей Гентскаго договора успокоилъ было страну, но, настаиваніе на возстановленіи католической вѣры опять произвело волненіе въ Нидерландахъ. Занятіемъ испанскими войсками Намюра и Шарлемона Донъ-Хуанъ первый нарушилъ договоръ. За это брабантскіе чины изгнали изъ главнѣйшихъ своихъ городовъ всѣхъ приверженцевъ испанцевъ и избрали своимъ намѣстникомъ принца Оранскаго. Но ревностнѣйшіе католики предложили въ намѣстники племянника Филиппа II, эрцгерцога Матіаса, брабантцы также присоединились къ этому избранію. Но Филиппъ, поддерживая Донъ-Хуана, приказалъ ему начать военныя дѣйствія для приведенія страны къ покорности. Нидерландцы прибѣгнули къ Англіи и получили отъ королевы Елизаветы субсидіи, разрѣшеніе на заёмъ и 6 тысячъ вспомогательнаго войска.

Сраженіе при Жамблу 31 января 1572 года.

Армія Донъ-Хуана, сосредоточенная въ Марчѣ состояла изъ 20 тысячъ пѣхоты и 2 тысячъ конницы, прекрасно вооруженныхъ и дисциплинированныхъ ветерановъ. Самъ Донъ-Хуанъ былъ знаменитѣйшимъ изъ генераловъ Европы. Его помощники славились почти наравнѣ съ нимъ. Александръ Пармскій, отличившійся при Лепантѣ, былъ уже извѣстенъ за военнаго генія и вскорѣ признанъ пер-

вымъ полководцемъ своего времени. Мандрагонъ, Мендоза и другіе замѣчательные офицеры возвращались теперь для новой славы, которую они уже стяжали на военномъ поприщѣ.

Армія нидерландцевъ, бывшая подъ начальствомъ Жоаньи, состояла, какъ пишетъ князь Голицынъ, изъ 30 тысячъ [1]). Собравшись близь Намюра, нидерландцы хотѣли первоначально атаковать этотъ городъ; но, узнавши, что Донъ-Хуанъ самъ идетъ впередъ для того, чтобы дать сраженіе, они рѣшились отступить въ Жамблу, маленькій городокъ въ 4 верстахъ отъ Намюра. Вслѣдствіе этого 31 января передъ разсвѣтомъ они снялись съ своего лагеря у дер. Сентьоре и двинулись въ Жамблу. Жоаньи, по обычаю времени, раздѣлилъ армію на три части. Авангардъ изъ пѣхотныхъ полковъ Гезо и Монтиньи, имѣя отряды легкой конницы по сторонамъ, шелъ впереди колонны. Въ главныхъ силахъ шли нѣмецкіе валонскіе полки съ нѣсколькими французскими ротами и 30 ротами англичанъ и шотландцевъ, подъ начальствомъ Больграуфе. Арьергардъ, игравшій въ этотъ день самую важную роль, состоялъ изъ тяжелой конницы подъ предводительствомъ Филиппа Эгмонта и Деламарка. Главнокомандующій вмѣстѣ со своею свитою ѣхалъ впереди арміи.

Войско Донъ-Хуана выступило около полудня изъ Намюра и двинулось вслѣдъ за арміею нидерландцевъ. Впереди шла почти вся конница—карабинеры, драгуны и копейщики подъ начальствомъ Гонзаго. Главныя силы, состоявшія изъ испанской пѣхоты и части нѣмецкой, двигались двумя каре, ими командовалъ самъ Донъ-Хуанъ при помощи Александра Пармскаго, бывшаго при немъ въ качествѣ начальника штаба. Арьергардъ, составленный изъ валлоновъ, построенный также въ каре, прикрывалъ обозъ. Карлъ Мансфельдъ съ особымъ резервомъ остался для прикрытія перехода черезъ Маасъ. Небольшіе отряды конницы, подъ командою Оливера Дамаста, шли впереди всей колонны въ качествѣ сторожевыхъ разъѣздовъ.

День былъ туманный. Армія испанцевъ не успѣла еще пройти значительнаго пространства, когда авангардъ настигъ арьергардъ нидерландцевъ. Донъ-Хуанъ выбралъ изъ самыхъ смѣлыхъ людей 600 всадниковъ и около 1000 пѣхотинцевъ и, раздѣливъ ихъ на два отряда, поручилъ одинъ Гонзаго, другой Мандрагону. Эти офицеры получили приказаніе тревожить непріятельскій арьергардъ, по возможности утомлять его, не вступая однакоже въ рѣшительный бой до прибытія главныхъ силъ. Въ началѣ эти приказанія исполнялись буквально, но при одной изъ схватокъ Гонзаго замѣтилъ, что одинъ слишкомъ горячій кавалерійскій офицеръ, по имени Перотти, о которомъ мы уже два раза упоминали, забрался съ

---

[1]) О численности войскъ обѣихъ сторонъ существуетъ большое разногласіе. Мотлей полагаетъ силы обѣихъ сторонъ въ 20 тысячъ пѣхоты и 2 т. конницы.

История конницы
М. Маркова.

Александръ Фарнезе,
герцогъ Пармскій.

небольшою кучкою всадниковъ гораздо ближе къ непріятелю, чѣмъ это было желательно. Онъ поспѣшно отправилъ къ этому офицеру приказаніе возвратиться. Но на этотъ ясный и краткій приказъ Перотти отвѣчалъ не менѣе ясно. „Скажите Октавію Гонзаго, „вскричалъ онъ“, что я еще никогда не оборачивался спиною къ непріятелю и не желаю сегодня измѣнить своимъ привычкамъ. Впрочемъ, еслибы я и желалъ послушаться, то теперь уже поздно“.

Отступающая армія переходила въ это время черезъ глубокій, наполненный водою и грязью, оврагъ, который былъ шире и опаснѣе, чѣмъ иная рѣка. Между тѣмъ, какъ стычки между передовыми отрядами испанцевъ и арьергардомъ нидерландцевъ продолжались, подъѣхалъ Александръ Пармскій, чтобы узнать, какъ идутъ дѣла. Въ одно мгновеніе ока онъ замѣтилъ невѣрные шаги непріятельской колонны, солдаты которой были вынуждены принимать всѣ предосторожности для того, чтобы не потонуть въ болотѣ; онъ видѣлъ, какъ колебались пики, смѣшивались ряды и понялъ всю выгоду этой минуты для атаки. Живо указывая офицерамъ на этотъ благопріятный случай для мгновенной атаки непріятельской арміи и не теряя времени, онъ собралъ всю конницу. Потомъ вскочилъ на свѣжую, сильную лошадь, которую для него приготовили, и объявилъ, что рѣшился переправиться черезъ опасный оврагъ и неожиданно напасть на непріятеля. „Скажите Донъ-Хуану Австрійскому“, вскричалъ онъ офицеру, котораго онъ посылалъ къ главнокомандующему, „что Александръ Пармскій бросился въ пропасть съ тѣмъ, чтобы погибнуть или побѣдить“.

Это внезапное рѣшеніе было приведено съ блестящею быстротою въ исполненіе. Минуту спустя, отважный всадникъ былъ уже на болотѣ и его сильный конь, съ усиліемъ пробираясь въ густой грязи, вынесъ его наконецъ на другой берегъ. Тамъ онъ на мгновеніе остановился съ копьемъ въ рукѣ съ тѣмъ, чтобы дать своимъ всадникамъ, перешедшимъ вслѣдъ за нимъ болото, свободно вздохнуть и построиться на небольшомъ возвышеніи, которое онъ неожиданно замѣтилъ. Затѣмъ, сказавъ имъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, онъ бросился на непріятеля.

Сильное и совершенно неожиданное нападеніе по своему успѣху превзошло даже ожиданія принца. Конница нидерландцевъ дрогнула и такъ быстро смѣшалась, что Эгмонтъ не успѣлъ собрать ее для малѣйшаго даже сопротивленія. Магическое вліяніе его имени совершенно исчезло. Жоаньи безуспѣшно старался привести свои войска въ порядокъ.

Планъ Пармы былъ выполненъ съ такою полнотою и храбростью, что исходъ битвы былъ несомнѣненъ. Атакованная въ одно и тоже мгновеніе и съ тыла, и съ фланга въ то время, когда самая болотистая почва затрудняла всякое движеніе, конница патріотовъ дрогнула и обратилась въ бѣгство. Преслѣдуя арьергардъ герцогъ Пармскій немедленно бросился на главныя силы. Обратившаяся въ бѣг-

ство въ паническомъ страхѣ, конница привела въ безпорядокъ пѣхоту главныхъ силъ. Черезъ минуту ряды этой пѣхоты были прорваны испанцами, а ужасъ побѣжденныхъ былъ такъ силенъ, что они едва имѣли силы бѣжать. Они точно окаменѣли отъ ужаса. Бѣгущіе не сдѣлали ни одного выстрѣла. Такимъ образомъ, продолжая колоть и давить, испанская конница уничтожила почти всю непріятельскую армію. „Невозможно", говоритъ Мотлей, „опредѣлить въ точности число жертвъ". Одни считаютъ ихъ 10 тысячъ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, безъ всякой потери для королевской арміи; другіе число убитыхъ считаютъ въ 3 тысячи. Но во всякомъ случаѣ армія нидерландцевъ была частью истреблена, частью разсѣяна, и весь этотъ разгромъ произведенъ былъ не всею арміею Донъ-Хуана, а только въ началѣ атаки шестью стами, а при концѣ 1200 лихихъ всадниковъ.

Рѣдко когда нибудь удавалось небольшой кучкѣ конницы выполнить такое блестящее дѣло. Побѣда должна быть приписана военному генію Александра Пармскаго, потому что это изумительное и полное пораженіе было, такъ сказать, импровизировано имъ, при помощи совершенно случайнаго, благопріятнаго обстоятельства; онъ замѣтилъ минутную слабость непріятеля и онъ же воспользовался ею съ поражающею быстротою, свойственною только генію. Слѣдствіемъ этого было уничтоженіе цѣлой арміи. Весь непріятельскій обозъ, знамена, вся артиллерія, лагерь, аммуниція достались трофеями побѣдителямъ. Вотъ что значитъ лихой кавалерійскій начальникъ, удачный выборъ минуты для атаки и быстрота исполненія. Вотъ что значитъ хорошая конница, возлагающая весь успѣхъ на силу и быстроту коня.

Особенно заслуживаютъ вниманія дѣйствія Александра Пармскаго, когда онъ, послѣ смерти Донъ-Хуана, былъ уже намѣстникомъ Нидерландовъ. Характеръ войны нисколько не измѣнился, и по прежнему заключался въ осадахъ городовъ и въ мелкихъ предпріятіяхъ малой войны. Искусно соображенными движеніями принцъ Пармскій умѣлъ всегда отрѣзывать сообщенія главныхъ городовъ съ остальнымъ краемъ, и тогда легко покорялъ ихъ открытою силою, голодомъ либо переговорами. Такъ вся Фландрія, а потомъ и Брабантъ были снова подчинены власти короля испанскаго. Между тѣмъ какъ большая часть городовъ заключала отдѣльные мирные договоры съ испанцами, одинъ Антверпенъ постоянно отвергалъ всѣ средства къ соглашенію и наконецъ въ іюлѣ 1584 г. былъ обложенъ и осажденъ принцемъ Пармскимъ съ 10 тысячами человѣкъ пѣхоты и 1700 человѣкъ конницы. Обложеніе его и осада выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ въ военной исторіи всѣхъ временъ" [1]), но описаніе ихъ не входятъ въ нашу программу.

Послѣ взятіе Антверпена Филиппъ рѣшился открыть дѣйствія противъ Ан-

---

[1]) Кн. Голицынъ.

небольшою кучкою всадниковъ гораздо ближе къ непріятелю, чѣмъ это было желательно. Онъ поспѣшно отправилъ къ этому офицеру приказаніе возвратиться. Но на этотъ ясный и краткій приказъ Перотти отвѣчалъ не менѣе ясно. „Скажите Октавію Гонзаго, „вскричалъ онъ“, что я еще никогда не оборачивался спиною къ непріятелю и не желаю сегодня измѣнить своимъ привычкамъ. Впрочемъ, еслибы я и желалъ послушаться, то теперь уже поздно“.

Отступающая армія переходила въ это время черезъ глубокій, наполненный водою и грязью, оврагъ, который былъ шире и опаснѣе, чѣмъ иная рѣка. Между тѣмъ, какъ стычки между передовыми отрядами испанцевъ и арьергардомъ нидерландцевъ продолжались, подъѣхалъ Александръ Пармскій, чтобы узнать, какъ идутъ дѣла. Въ одно мгновеніе ока онъ замѣтилъ невѣрные шаги непріятельской колонны, солдаты которой были вынуждены принимать всѣ предосторожности для того, чтобы не потонуть въ болотѣ; онъ видѣлъ, какъ колебались пики, смѣшивались ряды и понялъ всю выгоду этой минуты для атаки. Живо указывая офицерамъ на этотъ благопріятный случай для мгновенной атаки непріятельской арміи и не теряя времени, онъ собралъ всю конницу. Потомъ вскочилъ на свѣжую, сильную лошадь, которую для него приготовили, и объявилъ, что рѣшился переправиться черезъ опасный оврагъ и неожиданно напасть на непріятеля. „Скажите Донъ-Хуану Австрійскому“, вскричалъ онъ офицеру, котораго онъ посылалъ къ главнокомандующему, „что Александръ Пармскій бросился въ пропасть съ тѣмъ, чтобы погибнуть или побѣдить“.

Это внезапное рѣшеніе было приведено съ блестящею быстротою въ исполненіе. Минуту спустя, отважный всадникъ былъ уже на болотѣ и его сильный конь, съ усиліемъ пробираясь въ густой грязи, вынесъ его наконецъ на другой берегъ. Тамъ онъ на мгновеніе остановился съ копьемъ въ рукѣ съ тѣмъ, чтобы дать своимъ всадникамъ, перешедшимъ вслѣдъ за нимъ болото, свободно вздохнуть и построиться на небольшомъ возвышеніи, которое онъ неожиданно замѣтилъ. Затѣмъ, сказавъ имъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, онъ бросился на непріятеля.

Сильное и совершенно неожиданное нападеніе по своему успѣху превзошло даже ожиданія принца. Конница нидерландцевъ дрогнула и такъ быстро смѣшалась, что Эгмонтъ не успѣлъ собрать ее для малѣйшаго даже сопротивленія. Магическое вліяніе его имени совершенно исчезло. Жоаньи безуспѣшно старался привести свои войска въ порядокъ.

Планъ Пармы былъ выполненъ съ такою полнотою и храбростью, что исходъ битвы былъ несомнѣненъ. Атакованная въ одно и тоже мгновеніе и съ тыла, и съ фланга въ то время, когда самая болотистая почва затрудняла всякое движеніе, конница патріотовъ дрогнула и обратилась въ бѣгство. Преслѣдуя арьергардъ герцогъ Пармскій немедленно бросился на главныя силы. Обратившаяся въ бѣг-

перешелъ на сторону нидерландцевъ. Замѣчательнѣйшія столкновенія, происшедшія при Морицѣ между испанцами и нидерландцами въ отношеніи дѣйствій конницы были при Турнгутѣ и Ньюпортѣ. Постараемся съ этими сраженіями познакомиться.

Дѣло при Турнгутѣ 22 января 1597 года.

Въ началѣ 1597 года правитель Нидерландовъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, желая остановить набѣги голландцевъ на Брабантъ, послалъ графа Вараха съ 4000 пѣхоты и 300 конницы въ Турнгутъ. Принцъ Морицъ Оранскій рѣшился выгнать оттуда испанцевъ. Онъ собралъ въ Дортрехтѣ и Гертруденбургѣ 6000 человѣкъ пѣхоты и 800 конницы съ 4 орудіями и 21 января двинулся съ ними къ Турнгуту. Узнавъ о его приближеніи, Варахъ поспѣшно оставилъ этотъ городъ и началъ отступать въ Герренталю. Морицъ немедленно рѣшился его преслѣдовать и скоро догналъ испанцевъ, которые двигались тремя колоннами и обремененные значительнымъ обозомъ. Въ правой колоннѣ для прикрытія флангового марша шла конница, а обозъ впереди.

Мѣстность, на которой произошло столкновеніе, представляла равнину, постепенно съуживающуюся къ Герренталю.

Принцъ Морицъ отправилъ 200 мушкетеровъ своей гвардіи и нѣсколько всадниковъ съ приказаніемъ замедлять слѣдованіе непріятельскаго арьергарда, а самъ съ кавалеріею, обскакавъ по боковымъ дорогамъ колонны, напалъ на нихъ съ обоихъ фланговъ. Испанская конница, не дождавшись атаки, убѣжала. Нѣмецкій пѣхотный полкъ, а за нимъ и итальянскій были разстроены, частью изрублены и частью захвачены въ плѣнъ; затѣмъ побѣдоносная нидерландская конница бросилась на старые испанскіе полки, которые шли въ срединѣ, началась упорная сѣча: графъ Варахъ былъ убитъ при самомъ началѣ ея, войска его защищались мужественно, но наконецъ были разстроены и большею частью взяты въ плѣнъ.

Побѣда казалась довершенною, когда вдругъ испанская конница, подъ начальствомъ итальянца Баста, тщетно пытавшаяся пробраться черезъ тѣснину и обозы, поворотила назадъ и неожиданно ударила на нидерландскую конницу. Ужасъ овладѣлъ этою послѣднею. Часть ея спаслась къ пѣхотѣ; но испанская конница проскакала два слишкомъ большіе конца и пришла въ изнеможеніе. Испанцы забыли, что они сидѣли уже не на андалузскихъ жеребцахъ, а на нидерландскихъ водовозныхъ клячахъ, и что непріятель, кромѣ того что былъ втрое сильнѣе конницею, имѣлъ 6 тысячъ неразстроенной пѣхоты. Принцъ Морицъ не потерялъ присутствія духа: онъ поспѣшно собралъ нѣсколько эскадроновъ, устремился съ ними на Басту и опрокинулъ всадниковъ. 38 значковъ, 1 штандартъ и весь обозъ испанцевъ достались въ руки побѣдителей; 2000 убитыхъ испанцев покрывали поле сраженія, 400 человѣкъ было взято въ плѣнъ.

История конницы
М. Маркова.

Рейтаръ XVI столѣтія.

Источники: Fiffé.

Дѣло при Турнгутѣ разыгралось аналогично съ, передъ тѣмъ описаннымъ, сраженіемъ при Жамблу. Какъ тамъ герцогъ Пармскій напалъ съ испанскою конницею на аррьергардъ непріятеля, такъ здѣсь Морицъ атаковалъ конницу испанцевъ, прикрывавшую отступленіе войскъ. Тоже проявленіе находчивости, удачный выборъ минуты для атаки и быстрота удара привели почти къ одинаковымъ результатамъ. Въ сраженіи при Турнгутѣ интересны три момента: 1) первая атака нидерландской конницы, обратившая испанскую въ бѣгство и опрокинувшая пѣхоту; 2) обратное движеніе испанской конницы и неожиданный ударъ ея на нидерландскую конницу; 3) быстрый сборъ послѣдней за своею пѣхотою и контръ-атака ея на, потерявшую силу и слабую числительностью, конницу испанцевъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ побѣда на сторонѣ атакующаго. Въ послѣднемъ случаѣ испанцы хотя и преслѣдовали; но главное оружіе ихъ — конь утратило силу; а потому противникъ, сохранившій силу, и остался побѣдителемъ.

Сраженіе при Ньюпортѣ 2 іюля 1600 года.

Пользуясь возмущеніемъ испанскихъ войскъ, происшедшимъ по случаю неполученія жалованія, Морицъ Оранскій овладѣлъ городомъ Кревекеромъ, фортомъ св. Андрея и рѣшился перенести войну во Фландрію, такъ какъ эта богатая страна доставляла испанцамъ большія выгоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ имѣлъ въ виду обуздать корсаровъ городовъ Ньюпорта, Дюнкирхена и другихъ, которые причиняли громадный вредъ голландской торговлѣ. Съ этою цѣлью, собравъ на островѣ Вальхернѣ войска, состоявшія изъ 127 знаменъ пѣхоты и 25 конницы, всего 15 тысячъ, Морицъ перевезъ ихъ на судахъ по рѣкѣ Шельдѣ до форта Филиппина. Здѣсь войска высадились и двинулись сухимъ путемъ къ Брюгге и Остенде, взяли на пути еще нѣсколько городовъ, и наконецъ Морицъ обложилъ Ньюпортъ.

Эрцгерцогъ Альбертъ Австрійскій, владѣтельный принцъ испанскихъ Нидерландовъ, по первому извѣстію о вторженіи Морица двинулся изъ Брюсселя въ Гентъ, призвалъ туда войска изъ Гельдерна, обѣщаніями успокоилъ возмутившіеся полки и сосредоточилъ у Антверпена 10 тысячъ пѣхоты и 1600 конницы. Съ этими войсками Альбертъ быстро двинулся къ Ньюпорту, отрѣзалъ Морица отъ Остенде, откуда войска его получали запасы и стѣснилъ его на узкомъ пространствѣ морскаго берега. Принцъ Морицъ, не теряя времени, снялъ начатую осаду Ньюпорта, отступилъ далѣе въ дюны и съ разсвѣтомъ 2 іюля приказалъ графу Эрнсту Нассаускому съ 19 знаменами пѣхоты, 4 корнетами конницы и 2 орудіями поспѣшить къ мосту у Лессингена, по которому долженъ былъ проходить непріятель. Но несмотря на все усердіе графа, онъ прибылъ на это мѣсто только тогда, когда передовыя войска эрцгерцога уже были по сю сторону рѣки. Атакованный ими съ

превосходными силами, графъ Эрнстъ, послѣ упорнаго боя и съ потерею 500 человѣкъ убитыми, отступилъ до укрѣпленія Альберта. Но вслѣдствіе этого принцъ Морицъ выигралъ время для сбора войскъ и, воспользовавшись отливомъ, перевелъ войска свои черезъ устье р. Иперле. Переправы по мосту Морицъ опасался, боясь наступленія подоспѣвшей испанской конницы; но конница эта, остановившись въ четырехъ верстахъ отъ Ньюпорта, ожидала прибытія своихъ главныхъ силъ. Высланныя впередъ кавалерійскія части съ цѣлью развѣдыванія о противникѣ, со стороны нидерландцевъ 5 корнетовъ конницы (около 400 всадниковъ), въ томъ числѣ два корнета конныхъ аркебузёровъ, со стороны испанцевъ около 600 карабинеровъ, столкнулись между собою. Нидерландцы были опрокинуты, но испанцы, преслѣдуя ихъ, попали подъ выстрѣлы пѣхоты и артиллеріи, и въ свою очередь въ безпорядкѣ бросились назадъ.

Мѣстность, на которой произошло Ньюпортское сраженіе, представляетъ плоскій берегъ океана, ограниченный на востокѣ дюнами.

Морицъ построилъ свои войска лѣвымъ флангомъ къ морю, правымъ къ дюнамъ.

Для наблюденія за Ньюпортомъ, который находился у него въ тылу, онъ оставилъ нѣсколько ротъ пѣхоты и конницы; остальныя войска, раздѣленныя на авангардъ, главныя силы и арьергардъ, построились въ три линіи въ нидерландскій боевой порядокъ. Арьергардъ выдѣлилъ отъ себя еще передовой отрядъ изъ нѣсколькихъ ротъ гвардіи и мушкетеръ и 6 орудій. Конница расположилась противъ своихъ частей по преимуществу на правомъ флангѣ, а именно: два полка подъ командою графа Людвига Нассаускаго и англійскаго кавалера Вере на линіи авангарда; нѣсколько корнетовъ графа Сольмса, такъ называемыхъ, новыхъ гёзовъ, стали на высотѣ главныхъ силъ; въ арьергардѣ находилось три эскадрона.

„Эрцгерцогъ", пишетъ Пузыревскій, [1] „подойдя къ непріятельской позиціи и будучи численно слабѣе нидерландцевъ, нѣкоторое время колебался относительно атаки; но, замѣтивъ вправо, на морѣ, корабли, заключилъ, что Морицъ снялъ осаду и амбаркировалъ свою армію. Слѣдовательно ему придется, онъ думалъ, имѣть дѣло только съ непріятельскимъ арьергардомъ, а потому и рѣшился наконецъ вести атаку".

Противъ глубокаго, подвижнаго боеваго порядка нидерландцевъ, продолжаетъ Пузыревскій, [2] „австрійцы расположились въ массивныхъ, тяжелыхъ квадратахъ, причемъ пѣхота образовала испанскую бригаду, а сосредоточенная кавалерія стала лѣвѣе". Конница Альбрехта состояла изъ карабинеровъ, кирасиръ и небольшаго числа копейщиковъ. Всѣ они построены были въ одну линію.

---

[1]) Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка, Ч. II, стр. 189.
[2]) Тамъ-же стр. 190.

Исторія конницы
М. Маркова.

Морицъ Оранскій.

Тип. Ант. Кушнерева и К°

Обѣ стороны выдвинули своихъ мушкетеровъ, и завязалась перестрѣлка по всей линіи. Положеніе австрійскихъ войскъ, фронтъ которыхъ былъ обращенъ къ юго-западу, было тѣмъ невыгодно, что людямъ приходилось стоять противъ сильнаго морскаго вѣтра и солнца, такъ какъ бой завязался въ третьемъ часу по полудни. Желая перемѣнить фронтъ на югъ, Альбрехтъ приказалъ войскамъ спуститься съ дюнъ; но нидерландскій флотъ, который открылъ огонь, и начавшійся приливъ помѣшали дальнѣйшему движенію; въ тоже время Морицъ двинулъ свои войска впередъ. Столкновеніе произошло по всей первой линіи почти одновременно: пѣхота лѣваго фланга Морица сошлась съ непріятельскою пѣхотою, а конница съ конницею. Подробности пѣхотнаго боя для насъ особеннаго интереса не представляютъ, замѣтимъ только, что отдѣльныя части обѣихъ сторонъ сходились постепенно и заднія линіи поддерживали переднюю. Помѣрѣ прибытія подкрѣпленій, сильнѣйшая сторона опрокидывала слабѣйшую. Наконецъ испанцы ввели въ дѣло всю свою пѣхоту, нидерландцы авангардъ и главныя силы. Вѣроятно арьергардъ нидерландцевъ, который, какъ извѣстно, перешелъ по мосту черезъ р. Иперле, когда бой уже кипѣлъ по всей линіи, въ описываемое время еще не переправился. Такъ какъ безъ этого арьергарда силы обѣихъ сторонъ были равны, а войска испанцевъ выказывали больше стойкости, то перевѣсъ началъ клониться на ихъ сторону, особенно на ихъ крайнемъ правомъ флангѣ.

Одновременно съ столкновеніемъ пѣхоты, какъ мы уже замѣтили, произошло и столкновеніе конницы. Объ этомъ послѣднемъ источники говорятъ весьма глухо. Гине [1]) пишетъ, что конница нидерландскаго и испанскаго авангардовъ вступила въ рукопашный бой. Вѣроятно, по обычаю того времени, карабинеры и кирасиры обѣихъ сторонъ, подъѣхавъ другъ къ другу и сдѣлавъ залпъ изъ карабиновъ или пистолетовъ, схватились за мечи. Схватка эта рѣшительнаго результата не имѣла, такъ какъ намъ извѣстно, что, вслѣдствіе изнуренія обѣихъ сторонъ, былъ перерывъ боя на всѣхъ пунктахъ. Полагаемъ, что нидерландская конница первоначально отошла подъ прикрытіе своей пѣхоты главныхъ силъ, какъ это отчасти можетъ подтвердить послѣдующія столкновенія конницы.

Мы сказали, что испанская пѣхота на крайнемъ правомъ флангѣ имѣла успѣхъ. Дѣйствительно, правофланговый баталіонъ второй линіи, состоявшій изъ валлоновъ, не смотря на всѣ усилія лѣваго фланга нидерландскаго авангарда и прибывшаго изъ арьергарда баталіона фризовъ, побѣдоносно подвигался впередъ, опрокинулъ фризовъ и приперъ ихъ къ морскому берегу. Но Морицъ приказалъ двумъ корнетамъ конницы главныхъ силъ спѣшить на помощь лѣвому флангу [2]).

---

[1]) Воен. энцикл. лексик. т. IX, стр. 498.

[2]) Такъ говорятъ Пузыревскій, ист. воен. искус. въ средн. вѣка. Ч. II, стр. 190, и Рюстовъ, истор. пѣхоты, т. I, стр. 315.

Гине говоритъ, [1]) „что три резервные нидерландскіе эскадрона возстановили тутъ дѣло и прогнали валлоновъ“.

Въ это время, мы полагаемъ послѣдовалъ общій перерывъ сраженія. Гине пишетъ, что послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнѣйшаго боя, оказалось съ обѣихъ сторонъ изнеможеніе и непродолжительное бездѣйствіе, которымъ воспользовались оба войска къ новымъ усиліямъ.

Въ 7 часовъ вечера сраженіе возобновилось. Къ нидерландцамъ подоспѣли два полка арьергарда, остававшіеся на лѣвомъ берегу, и Морицъ направилъ весь арьергардъ въ помощь главнымъ силамъ. Пѣхотный бой возобновился съ новою силою, но у испанцевъ свѣжихъ войскъ уже не было. Вдобавокъ они сильно терпѣли въ своихъ квадратахъ отъ огня артиллеріи. Нидерландцы озаботились устроить подъ свои орудія платформы, между тѣмъ какъ испанскія пушки послѣ каждаго выстрѣла такъ углублялись хоботами въ вязкую почву, что терялась возможность изъ нихъ дѣйствовать.

Конница испанцевъ произвела новую атаку. Для встрѣчи ея нидерландская конница построилась впереди батареи и когда испанцы приблизились, нидерландцы раздались въ стороны. Испанцы были встрѣчены залпомъ орудій, а разступившаяся конница, пользуясь ея замѣшательствомъ и потерями отъ удачнаго залпа, бросилась имъ въ оба фланга и обратила въ бѣгство. Самъ Мендоза, предводитель этой конницы, въ тѣснотѣ сброшенный съ лошади, былъ взятъ въ плѣнъ.

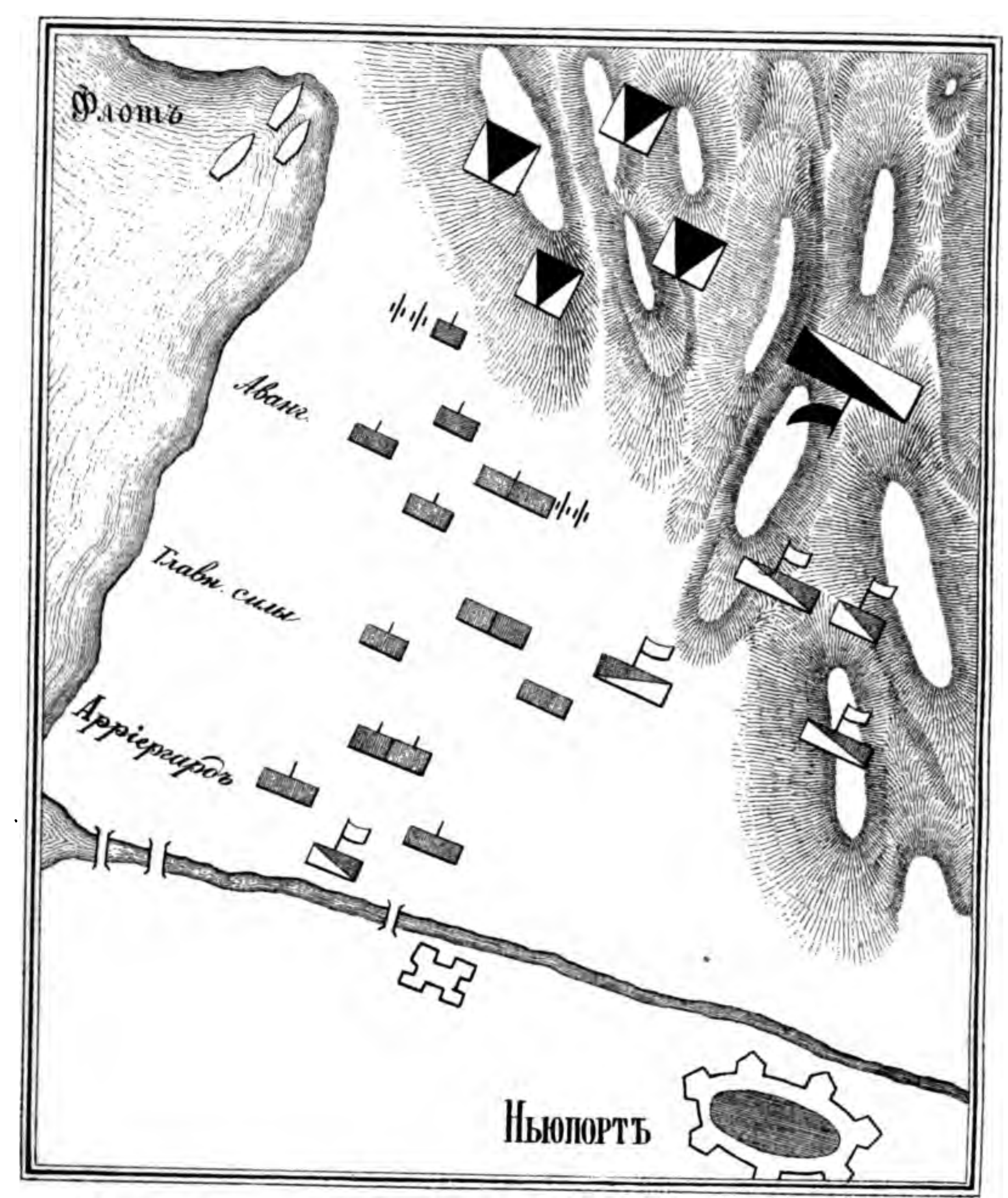
Не смотря на усталость, испанская пѣхота держалась, хотя и съ большимъ трудомъ, противъ свѣжихъ силъ арьергарда; но нидерландская конница, опрокинувъ испанскую, врубилась въ пѣхоту непріятеля и принудила ее къ отступленію [2]). „Зарядныя фуры испанцевъ“, пишетъ Гине, „загорѣлись, и взрывъ ихъ увеличилъ общее смятеніе. Эрцгерцогъ, потерявъ всякую надежду возстановить порядокъ, оставилъ поле сраженія вмѣстѣ съ герцогомъ Омальскимъ, который былъ раненъ, и другими вождями; войска разсѣялись; только одинъ германскій полкъ отступилъ сомкнутыми рядами. Испанцы потеряли 4000 чел. убитыми и ранеными, 1000 чел. плѣнными, всю артиллерію и 105 знаменъ и штандартовъ; нидерландцы 2800 чел. убитыхъ, 700 раненыхъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ“. Пузыревскій [3]) потерю испанцевъ считаетъ въ 2700 человѣкъ.

„Принцъ Морицъ не заблагоразсудилъ преслѣдовать разбитаго непріятеля, по причинѣ совершенной усталости войскъ и темноты ночи“.

Изъ описанія сраженія при Ньюпортѣ видно, что главная роль принадлежала пѣхотѣ. Морицъ построилъ ее въ легкій нидерландскій боевой порядокъ, и это

[1]) Тамъ же.
[2]) Гине, тамъ же, стр. 499.
[3]) Тамъ же, стр. 190.

Сраженіе при Ньюпортѣ.

„Исторія конницы"
М. Маркова.

дало, постепеннымъ усиленіемъ авангарда, сдержать сравнительно болѣе стойкую испанскую пѣхоту до тѣхъ поръ, пока, съ прибытіемъ полковъ арьергарда, рѣшительный перевѣсъ въ силахъ перешелъ на сторону нидерландской пѣхоты.

Конница дралась въ началѣ совершенно самостоятельно, но и она имѣла рѣшительное вліяніе на успѣхъ сраженія. Въ столкновеніяхъ массъ ея мы отмѣтили два фазиса: первое столкновеніе, обратившееся въ нерѣшительный рукопашный бой, изъ котораго, какъ мы предположили, нидерландцы увернулись подъ прикрытіе своей пѣхоты; второе столкновеніе происшедшее уже въ 7 часовъ. Опрометчиво бросившись въ атаку, испанская конница попала въ ловушку: нидерландская конница, закрывъ батарею и выждавъ приближенія испанскихъ всадниковъ, разступилась; когда же артиллерія осыпала ихъ картечью, нидерландцы ловко ударили съ фланговъ. Эта ловкость въ производствѣ эволюцій была результатомъ трудовъ принца Морица Оранскаго, который въ промежуткахъ военныхъ дѣйствій тщательно занимался своими войсками и пріучалъ, какъ пѣхоту, такъ и конницу быстрому производству разныхъ тактическихъ построеній.

Испанская конница далеко была уже не та, что въ началѣ XVI столѣтія. Лошадей прежнихъ и помину не было, а съ людьми некому было заниматься. Гойеръ прямо говоритъ, что испанскіе копейщики въ описываемое время были крайне неповоротливы.

Покончивъ съ непріятельскими эскадронами, нидерландская конница получила возможность оказать содѣйствіе своей пѣхотѣ. Первое содѣйствіе оказано было двумя корнетами, посланными Морицемъ отъ главныхъ силъ передовому отряду авангарда. Прибытіе этихъ двухъ корнетовъ дѣйствительно поправило дѣло, и побѣдоносный правофланговый испанскій баталіонъ былъ прогнанъ. Наконецъ, когда уже съ прибытіемъ арьергарда всѣ силы нидерландской пѣхоты обрушились на испанцевъ и послѣдніе стойко выдерживали атаки свѣжихъ войскъ, не смотря на сильное утомленіе, нидерландская конница ударила испанской пѣхотѣ во флангъ и тѣмъ рѣшила дѣло въ пользу Морица Оранскаго.

Изъ этого краткаго очерка характера религіозныхъ и нидерландскихъ войнъ можно усмотрѣть, что театръ трехъ упомянутыхъ войнъ представлялъ обширное поприще для дѣйствій конницы. Перехватываніе сообщеній между городами, захватъ переправъ для своихъ войскъ и защита ихъ для воспрепятствованія движенію противника, нападеніе на транспорты и наконецъ умышленное разореніе края, подобно тому какъ это дѣлалось во время столѣтней войны, возлагалось на конницу. Разумѣется главную роль тутъ играла легкая конница — рейтары, драгуны и карабинеры, какъ съ поддержкою, такъ и безъ поддержки пѣхоты. Но не надо думать, что здѣсь происходило что нибудь въ родѣ правильно и искусно организованной партизанской войны; здѣсь происходили просто набѣги съ той и другой стороны, время отъ времени предпринимаемые по распоряженію главнокоман-

дующихъ и частныхъ начальниковъ. Столкновенія значительныхъ силъ происходило также по временамъ, большею частью тогда, когда испанскіе власти и инквизиція дѣлали давленіе на отправленіи протестанской религіи. Чтобы отстоять свои права, штаты нанимали армію, которая, подъ предводительствомъ Вильгельма, а впослѣдствіи Морица Оранскаго или другихъ военачальниковъ предпринимала экспедиціи въ родѣ Моокской, съ цѣлью овладѣть какими нибудь городами или отстоять ихъ, или для другихъ какихъ нибудь цѣлей. Въ большинствѣ открытыхъ столкновеній на сушѣ испанцы оставались побѣдителями; но на морѣ нидерландцы были счастливѣе и, уничтожая флотъ и колоніи испанцевъ, пріобрѣтали богатства для веденія войны, между тѣмъ какъ финансы Испаніи приходили все въ большій и большій упадокъ, и правительство не имѣло средствъ содержать войска. Наемныя войска, не получая жалованія или уволенныя отъ службы, расходились по странѣ и, бродя цѣлыми шайками, грабили и мародерничали, какъ въ испанскихъ, такъ и въ возставшихъ штатахъ Нидерландовъ.

Испанскіе войска по причинѣ неполученія жалованія нерѣдко поднимали бунты. Одинъ изъ нихъ, разразившійся во время правленія Реквезенеа, дошелъ до того, что войска самовольно двинулись къ Антверпену, взяли его приступомъ, разграбили и произвели страшныя неистовства. Нидерландскіе полки также нерѣдко сидѣли безъ жалованія и, когда имъ толковали о чести, они вопили о деньгахъ. „У этихъ наемниковъ“, говоритъ Мотлей [1]), „было въ обычаѣ бунтоваться накануне сраженія—у испанцевъ послѣ того, какъ оно было дано. Вслѣдствіе поведенія однихъ, сраженіе часто проигрывалось, когда могло быть выиграно, вслѣдствіе поведенія другихъ, побѣда, которая одерживалась, дѣлалась безплодной“. Нерѣдко случалось, что войска, сражавшіяся за одну сторону, завтра переходили на другую и дрались съ одинаковымъ упорствомъ. Исключеніе составляютъ нѣкоторые полки и отчасти войска Морица. При отсутствіи патріотическаго чувства, войска дорожили побѣдой ради ожидаемаго грабежа, а такъ какъ къ этому примѣшивалась религіозная нетерпимость, обращавшаяся во взаимную ненависть, то война велась съ ужасною жестокостью. Одержавъ побѣду, испанцы всѣхъ плѣнныхъ предавали смерти; овладѣвъ городомъ, отдавали его войскамъ на грабежъ, мужчинъ вѣшали, а женщинъ, изнасиловавъ, очень часто уродовали, обрѣзая имъ щеки [2]). Нидерландцы обращались съ испанцами подобнымъ же образомъ.

При такихъ обстоятельствахъ станетъ понятно, почему испанцы, воюя съ нидерландами съ 1562 по 1648 годъ съ небольшими перерывами, при постоянныхъ почти побѣдахъ на сушѣ, не только не усмирили возставшихъ штатовъ, но въ концѣ концевъ утратили въ нихъ всякое значеніе. Слѣдовательно и въ войнахъ

[1]) Томъ II, стр. 522.
[2]) Осада Зутфена и Наардена въ 1572 г., Гарлема въ 1573, Остенде, Гента и другихъ. Мотлей.

Построеніе конницы съ резервами заслуживаетъ полнаго одобрѣнія, а быстрое возстановленіе порядка послѣ неудачи со второю линіею турокъ и возобновленіе затѣмъ атаки указываетъ на то, что венгерская конница обладала большими достоинствами.

Что же касается колесницъ, то о нихъ въ лѣтописяхъ вообще говорится глухо. „Быть можетъ", говоритъ Брантъ, „это былъ родъ ѣздящей пѣхоты, на подобіе той, которая существовала въ Германіи. Способъ употребленія болѣе однако показываетъ колесницы, а сказанія лѣтописцевъ, что съ нихъ осыпали непріятеля градомъ стрѣлъ и бомбардъ (?) съ фланговъ и тыла дѣлаетъ это предположеніе весьма достовѣрнымъ" [1]).

Рядъ пораженій, нанесенныхъ венгерцами туркамъ, заставилъ послѣднихъ просить мира, но Гуніадъ отвергнулъ его, въ намѣреніи совершенно изгнать ихъ изъ Европы. Владиславъ, король польскій, избранный въ это время и венгерскимъ, предпринялъ самъ походъ противъ турокъ. Гуніадъ съ 25 тысячами соединился при Кеви на Дунаѣ съ войсками, находившимися подъ личнымъ предводительствомъ короля, атаковалъ Исаакъ—пашу при впаденіи рѣчки Златницы въ Мораву и разбилъ его. Пока король оставался за Моравою, Гуніадъ проникъ съ 12 тысячами до Ниссы, разграбилъ этотъ городъ, разбилъ три шедшіе на помощь къ нему отряда, преслѣдовалъ ихъ до Софіи и сжегъ этотъ городъ; потомъ прошелъ черезъ Трояновы Ворота и явился передъ Филиппополемъ. Между тѣмъ турецкій корпусъ выступилъ противъ короля и угрожалъ его лѣвому флангу. Гуніадъ рѣшился соединиться съ Владиславомъ, но на пути былъ окруженъ турецкими отрядами. Не теряя времени, атаковалъ онъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля и одержалъ совершенную побѣду. Карамъ-бекъ, зять султана и 17 бунчуковъ достались побѣдителю. Въ концѣ октября Гуніадъ соединился съ королемъ при Скаронѣ. При замкѣ Бобракѣ ожидали они нападенія турокъ. Гассанъ-бекъ, паша анатолійскій, атаковалъ 25 декабря венгерцевъ въ Яловицкой долинѣ: турки были и здѣсь разбиты, и самъ Гассанъ-бекъ взятъ въ плѣнъ. Въ пять мѣсяцевъ венгерцы выиграли четыре сраженія и двѣ рѣшительныя битвы. Всѣ эти успѣхи свидѣтельствуютъ какъ о блестящихъ талантахъ Гуніада, такъ и о высокихъ качествахъ венгерскихъ войскъ.

Сраженіе при Варнѣ 10 ноября 1444 года.

Увѣнчанные побѣдами, король и Гуніадъ, послѣ разгрома турокъ въ Яловицкой долинѣ, возвратились домой, и 1 августа заключено было съ турками десятилѣтнее перемиріе на весьма выгодныхъ условіяхъ. Король сначала клятвенно

[1]) Стр. 332.

если и достигали до извѣстной степени цѣли, то не надолго. Такъ напримѣръ король Карлъ I Робертъ (+1342) повелѣлъ, чтобы каждый крупный владѣлецъ или вельможа, бывшій въ состояніи выступить въ походъ болѣе чѣмъ съ тысячью человѣкъ, дѣйствовалъ отдѣльно, подъ своимъ собственнымъ, знаменемъ. Одно названіе banderia, говоритъ Брантъ, одушевило честолюбивыхъ вельможъ, и съ тѣхъ поръ каждый изъ нихъ старался вооружать на войну побольше людей. То что они дѣлали въ началѣ изъ пышности и честолюбія, король превратилъ потомъ въ обязанность и повелѣлъ навсегда вооружать на войну разъ ими выставленное число людей. Бандеріи составлялись, какъ изъ замковыхъ рыцарей или іоббадіевъ, такъ и изъ странствующихъ рыцарей разныхъ націй, которыхъ баннергеры водворяли на своихъ земляхъ, съ обязанностью служить подъ ихъ знаменами. Карлу I Венгрія обязана, кромѣ того, организаціею своихъ легкихъ войскъ, секлеровъ и кумановъ, которые до него дѣйствовали въ неустроенныхъ толпахъ, возлѣ замковыхъ іоббодіевъ, самовольно прибывая и отбывая изъ арміи. Онъ раздѣлилъ ихъ на два отряда или корпуса, изъ которыхъ первый назвалъ языгами, лучниками, а другой баллистаріями (впослѣдствіи philistär) и назначилъ имъ въ строю мѣста, смотря по вооруженію. Въ отношеніи къ службѣ секлеры раздѣлялись на primores (fö nèpek), primipiles (lofèjek) и plebei (körnèpek). [1]).

Жадность, своекорыстіе и строптивость, которыхъ вовсе нельзя было удовлетворить во время смутъ, раздиравшихъ Венгрію въ послѣдующее время, погребли вскорѣ и эти постановленія. „Попытки короля Сигизмунда вновь ввести порядокъ разными преобразованіями не увѣнчались успѣхомъ, и наконецъ дошло до того, что король Альбрехтъ I (1439) долженъ былъ даже обѣщать сейму непредпринимать ничего для обороны границъ безъ его соизволенія. Онъ успѣлъ собрать противъ турокъ не болѣе тридцати четырехъ тысячъ человѣкъ. Впослѣствіи храбрый Гуніядъ, полководецъ короля Владислава, былъ брошенъ на произволъ судьбы въ то время, когда полумѣсяцъ невѣрныхъ блисталъ уже подъ стѣнами Сегедина и Буды, хотя незадолго передъ тѣмъ онъ съ согласія сейма опредѣлилъ, чтобы всѣ помощники и горожане сѣли на коней противъ турокъ и чтобы бандеріи прелатовъ и бароновъ прибыли вовремя къ мѣсту сбора.

Въ теченіе феодальнаго періода венгерцы оставили тотъ рядъ боя, которымъ они нѣкогда сдѣлались столь страшными для нѣмцевъ. Въ борьбѣ съ восточными и западными сосѣдями они весьма скоро переняли ихъ образъ дѣйствія, и стали, по тяжелому своему вооруженію неповоротливыми всадниками и пѣхотинцами. Кони ихъ имѣли голову, шею, грудь и переднія ноги, совершенно покрытыя желѣзомъ. Легкія войска, т. е., легкую конницу попрежнему только составляли секлеры и куманы (половцы).

---

[1]) Заимствовано у Бранта, стр. 325.

Во время похода въ авангардѣ шли легкіе войска (секлеры и куманны, вооруженные обыкновенно луками и стрѣлами) и были поддерживаемы тяжеловооруженными всадниками. Главныя силы состояли изъ тяжелой конницы въ латахъ, высшаго дворянства прелатовъ и прочихъ дворянъ; арьергардъ, смотря по обстоятельствамъ, набирался изъ легкихъ и тяжелыхъ войскъ.

Въ сраженіи, которое обыкновенно завязывали секлеры и куманы, конница составляла corps de battaille и дѣйствовавала линіями, какъ и въ прочихъ государствъ Европы въ теченіе феодальнаго періода.

Пѣхота употреблялась почти какъ вспомогательное войско, для засадъ, для занятія лѣсовъ, высотъ или располагалась позади конницы.

Въ царствованіе Людовика II (1342—1382) появились въ Венгріи наемные войска со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. Объ нѣкоторыхъ дружинахъ, какъ напримѣръ о черной бандѣ и бандѣ della Stella, говоритъ Брантъ, други и недруги упоминаютъ съ ужасомъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что въ теченіе феодальнаго періода военное устройство Венгріи имѣло общій съ прочими государствами характеръ.

Войны, веденныя венграми въ феодальный періодъ ничѣмъ не отличаются отъ войнъ веденныхъ другими народами западной Европы, а потому мы и не будемъ останавливаться на ихъ описаніи. Частыя сношенія съ иностранцами, стекавшимися въ Венгрію противъ турокъ, могущество которыхъ годъ отъ году возрастало, имѣли весьма важное вліяніе на образъ дѣйствія и вооруженіе венгерцевъ; но до временъ Гуніяда турки во всѣхъ столкновеніяхъ имѣли перевѣсъ, и армія ихъ, составленная изъ превосходной конницы и пѣхоты, имѣла неоспоримое превосходство надъ европейскими.

Въ 1384 году умеръ византійскій императоръ Іоаннъ. Наслѣдникъ его Эммануилъ, вынужденный успѣхами турокъ къ самымъ невыгоднымъ условіямъ мира съ султаномъ Баязетомъ, просилъ помощи у папы и королей французскаго и венгерскаго. Вся западная Европа, озабоченная побѣдами турокъ, вооружила сильное войско. До 100 тысячъ крестоносцевъ двинулось въ Венгрію, соединилось съ венгерскими войсками и, подъ общимъ предводительствомъ венгерскаго короля Сигизмунда, направилось внизъ по Дунаю. Но Баязетъ разгромилъ это войско при Никополѣ, ворвался въ Венгрію, разорилъ значительную часть ея, и съ того времени турки начали вмѣшиваться во всѣ дѣла этого государства. Большая часть Балканскаго полуострова была уже въ ихъ рукахъ. Они овладѣли Валахіею и Сербіею и дѣлали опустошительные набѣги на Трансильванію.

Въ 1437 году король Сигизмундъ (онъ же германскій императоръ) умеръ, объявивъ преемникомъ венгерскаго престола своего зятя, Альбрехта Австрійскаго, который вскорѣ потомъ сдѣлался также германскимъ императоромъ, но, спустя два года, скончался. Вдова его Елизавета родила послѣ его смерти сына Ладислава,

Передъ началомъ битвы султанъ приказалъ надѣть на копье и пронести передъ всѣми линіями подлинникъ Сегединскаго договора, скрѣпленный клятвою Владислава на Евангеліи и, вызвавъ въ войскахъ своихъ чувство мести, воспламенилъ ихъ дикимъ мужествомъ.

Сраженіе произошло слѣдующимъ образомъ. Первая линія венгерцевъ около 10 часовъ утра двинулась было впередъ; но остановилась, чтобы дать туркамъ, которые также двинулись впередъ проскакать значительное пространство, отдѣлявшее обѣ арміи, и потомъ съ близкаго разстоянія броситься въ атаку. 6000 азіятскихъ всадниковъ устремились на правое крыло венгерцевъ, но были отбиты контръ атакою и преслѣдуемы баномъ Толлочемъ и епископомъ Эрлаускимъ. Епископъ Гросвардейнскій, хотя бандерія его стояла во второй линіи, также бросился впередъ, безъ всякой на то причины. Свѣжія силы азіятской конницы ударили съ фланговъ на опрометчиво преслѣдовавшихъ, опрокинули венгерцевъ и кроатовъ и притиснули ихъ къ озеру. Епископъ Гросвардейнскій, попавшій въ самую середину схватки и увлеченный своею бандеріею, въ виду превосходныхъ силъ противника, утонулъ въ озерѣ съ множествомъ своихъ іоббадіевъ, епископъ Эрлаускій пропалъ безъ вѣсти; одинъ только Толлочъ успѣлъ спастись и отступилъ къ резерву Владислава.

Ободренная этимъ успѣхомъ, первая линія турокъ двинулась влѣво, ударила на крестоносцевъ, отбросила ихъ къ вагенбургу и окружила польскую конницу и бандерію короля. Въ это время Владиславъ съ резервомъ и Гуніадъ съ валахами подоспѣли на помощь: нѣсколькими атаками во флангъ они опрокинули турокъ и отбросили ихъ въ горы. Но христіянская конница праваго фланга слишкомъ горячо ихъ преслѣдовала и поздно вернулась на свое мѣсто въ полномъ разстройствѣ и изнеможеніи; между тѣмъ какъ валахи, бросившись также преслѣдовать азіятскую конницу, обскакали лѣвое крыло турокъ и начали грабить ихъ лагерь. Гуніадъ, оставшійся при королѣ, замѣтивъ какъ ряды венгерской арміи порѣдѣли, главнымъ образомъ отъ самовольнаго и запальчиваго преслѣдованія конницы праваго фланга и валаховъ, просилъ короля занять образовавшійся промежутокъ между вагенбургами и не двигаться безъ надобности впередъ, чтобы армія, въ случаѣ неудачи, могла укрыться за нимъ и вагенбургами. Самъ Гуніадъ началъ собирать и устроивать свою конницу.

Турки недвигались. Европейская конница Мурада, подобно тому какъ въ началѣ боя сдѣлали венгерцы, выжидала на мѣстѣ, чтобы непріятель при движеніи разстроился и, въ виду наступленія Гуніада, отошла на линію своей пѣхоты. Гуніадъ, собравши нѣсколько бандерій, двинулся въ атаку на европейскую конницу турокъ, доскакалъ до линіи пѣхоты, но былъ опрокинутъ. Турецкіе спаги яростно кинулись впередъ, прогнали Гуніада до самыхъ вагенбурговъ, но здѣсь, наткнувшись на нихъ и лишившись храбраго своего начальника Караджибея,

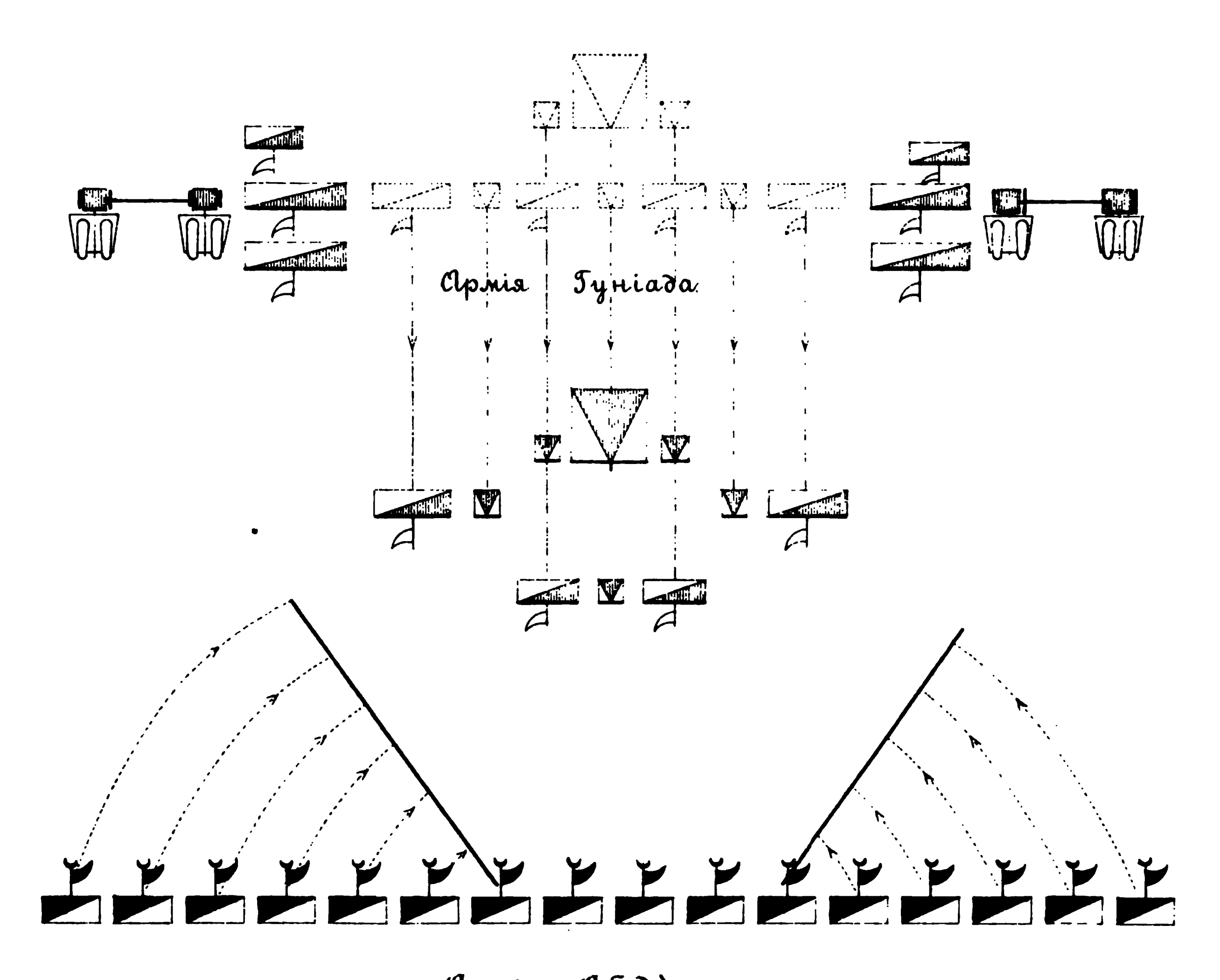
ская конница устроилась, обскакала турецкія войска, скученныя около венгерской пѣхоты въ одну массу, съ фланговъ и тыла и начала рѣзню: турецкая армія, приведенная въ страшнѣйшій безпорядокъ, обратилась въ бѣгство; „но одному только лѣвому ея крылу, подъ личнымъ предводительствомъ Абедина, удалось спастись: прочіе войска успѣли вновь собраться только за Желѣзными воротами“.

Если припомнимъ, сраженія при Каннахъ и Казилинѣ начались со стороны Аннибала и Нарзеса подобнымъ же наступленіемъ центра въ видѣ клина или уступами изъ середины. Чтобы поддержать отъ прорыва передній уступъ, Аннибалъ поставилъ въ резервѣ легкую пѣхоту; Нарзесу сослужили въ этомъ случаѣ вернувшіеся герулы. Въ данномъ случаѣ, т. е., въ сраженіи при Желѣзныхъ Воротахъ, Гуніадъ, поступая аналогично съ Аннибаломъ и Нарзесомъ, также не упустилъ изъ вида поставить значительной силы резервъ.

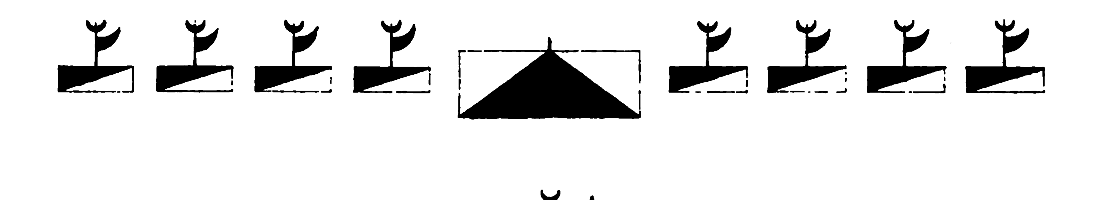
Во всѣхъ трехъ случаяхъ противникъ, желая одолѣть клинъ, скучился къ серединѣ. Но Аннибалъ чтобы обезпечить себя отъ атаки съ фланговъ, прежде всего позаботился разгромить римскую конницу; у Нарзеса, пользуясь перелѣсками, конница сама обскакала фланги и ударила франкамъ въ тылъ; при Желѣзныхъ же Воротахъ конница опоздала наступленіемъ, и это обстоятельство послужило въ пользу: турецкая конница, бросившись яростно на клинъ и сжавъ его съ двухъ сторонъ, сама подставила свои фланги секлерамъ и была опрокинута. Атака второй линіи турокъ была почти повтореніемъ первой атаки: опрокинувъ конницу венгерцевъ, турки охватили вторично центръ, но его поддержала пѣхота резерва, а съ фланговъ ударили колесницы. Пользуясь этимъ временемъ, устроившаяся за резервомъ, конница вновь обскакала съ фланговъ и тыла турецкую армію, и побѣда была одержана. Такимъ образомъ по мысли всѣ три упомянутыя сраженія разыгрались аналогично: имѣли одинаковую завязку и привели къ одинаковымъ результатамъ — охвату и разгрому небольшими силами громадной массы силъ противника.

Разбирая въ частностяхъ упомянутое сраженіе венгерцевъ съ турками, можемъ замѣтить перемѣшиваніе отрядовъ конницы съ отрядами пѣхоты. Мы знаемъ, что Александръ Македонскій, Сципіонъ и Юлій Цезарь, когда имѣли противъ себя противника, обладавшаго превосходною въ силахъ и качествахъ конницею, придавали своимъ кавалерійскимъ частямъ легкую пѣхоту, чтобы дѣйствіемъ стрѣлъ и камней разстроить непріятельскую конницу передъ атакою. Гуніадъ, имѣя 15 тысячъ противъ 80 тысячъ съ превосходною конницею, поступилъ также и достигъ цѣли. Но это перемѣшиваніе не можетъ быть приравнено къ перемѣшиванію стрѣлковыхъ частей съ конницею, какъ было въ сраженіи при Черизоллѣ. Тамъ придается конница для защиты стрѣлковъ по причинѣ тяжести и несовершенства пикинеровъ, которые, по неимѣнію огнестрѣльнаго оружія въ добавокъ къ своимъ пикамъ, строились въ громадные непроницаемые баталіоны, отъ которыхъ не считали возможнымъ отдѣлять небольшія части.

Сраженіе при Желѣзныхъ-Воротахъ.

Армія Абедина

„Исторія конницы“
М. Маркова.

Построеніе конницы съ резервами заслуживаетъ полнаго одобрѣнія, а быстрое возстановленіе порядка послѣ неудачи со второю линіею турокъ и возобновленіе затѣмъ атаки указываетъ на то, что венгерская конница обладала большими достоинствами.

Что же касается колесницъ, то о нихъ въ лѣтописяхъ вообще говорится глухо. „Быть можетъ", говоритъ Брантъ, „это былъ родъ ѣздящей пѣхоты, на подобіе той, которая существовала въ Германіи. Способъ употребленія болѣе однако показываетъ колесницы, а сказанія лѣтописцевъ, что съ нихъ осыпали непріятеля градомъ стрѣлъ и бомбардъ (?) съ фланговъ и тыла дѣлаетъ это предположеніе весьма достовѣрнымъ" [1]).

Рядъ пораженій, нанесенныхъ венгерцами туркамъ, заставилъ послѣднихъ просить мира, но Гуніадъ отвергнулъ его, въ намѣреніи совершенно изгнать ихъ изъ Европы. Владиславъ, король польскій, избранный въ это время и венгерскимъ, предпринялъ самъ походъ противъ турокъ. Гуніадъ съ 25 тысячами соединился при Кеви на Дунаѣ съ войсками, находившимися подъ личнымъ предводительствомъ короля, атаковалъ Исаакъ—пашу при впаденіи рѣчки Златницы въ Мораву и разбилъ его. Пока король оставался за Моравою, Гуніадъ проникъ съ 12 тысячами до Ниссы, разграбилъ этотъ городъ, разбилъ три шедшіе на помощь къ нему отряда, преслѣдовалъ ихъ до Софіи и сжегъ этотъ городъ; потомъ прошелъ черезъ Трояновы Ворота и явился передъ Филиппополемъ. Между тѣмъ турецкій корпусъ выступилъ противъ короля и угрожалъ его лѣвому флангу. Гуніадъ рѣшился соединиться съ Владиславомъ, но на пути былъ окруженъ турецкими отрядами. Не теряя времени, атаковалъ онъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля и одержалъ совершенную побѣду. Карамъ-бекъ, зять султана и 17 бунчуковъ достались побѣдителю. Въ концѣ октября Гуніадъ соединился съ королемъ при Скаронѣ. При замкѣ Бобракѣ ожидали они нападенія турокъ. Гассанъ-бекъ, паша анатолійскій, атаковалъ 25 декабря венгерцевъ въ Яловицкой долинѣ: турки были и здѣсь разбиты, и самъ Гассанъ-бекъ взятъ въ плѣнъ. Въ пять мѣсяцевъ венгерцы выиграли четыре сраженія и двѣ рѣшительныя битвы. Всѣ эти успѣхи свидѣтельствуютъ какъ о блестящихъ талантахъ Гуніада, такъ и о высокихъ качествахъ венгерскихъ войскъ.

Сраженіе при Варнѣ 10 ноября 1444 года.

Увѣнчанные побѣдами, король и Гуніадъ, послѣ разгрома турокъ въ Яловицкой долинѣ, возвратились домой, и 1 августа заключено было съ турками десятилѣтнее перемиріе на весьма выгодныхъ условіяхъ. Король сначала клятвенно

[1]) Стр. 332.

ченія“. „Это постоянное, всегда готовое къ походу и бою войско его состояло изъ ротъ тяжелой и легкой конницы, изъ легковооруженныхъ пикинеровъ и тяжеловооруженныхъ воиновъ съ щитами, а другихъ съ аркебузами. Каждому изъ этихъ родовъ войскъ былъ назначенъ особенный образъ дѣйствій въ бою: тяжелой конницѣ—твердо стоять на назначенномъ мѣстѣ и защищать его на жизнь и смерть; легкой—наѣздничать свободно по обстоятельствамъ; воинамъ вооруженнымъ щитами и огнестрѣльнымъ оружіемъ—окружать пикинеровъ, прикрывать ихъ сомкнутыми щитами и, по данному знаку, выпускать ихъ впередъ; пикинерамъ же, поддержаннымъ щитоносцами, стрѣлками и конницей—производить стремительный, сильный и рѣшительный натискъ и ударъ. Матвѣй Корвинъ постоянно упражнялъ означенные роды войскъ во всѣхъ этихъ совокупныхъ дѣйствіяхъ ихъ и довелъ въ этомъ отношеніи до большаго совершенства. Это постоянное венгерское войско, обыкновенно состоявшее изъ 20 тысячъ человѣкъ конницы, 8 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 9 тысячъ военныхъ повозокъ (не считая разныхъ обозныхъ людей мастеровыхъ, рабочихъ и прочихъ), Матвѣй Корвинъ усилилъ еще 6-ю тысячами иноземныхъ войскъ, большею частью чеховъ, моравовъ и сербовъ, которые подъ названіемъ „черной банды“, составляли ядро и главную силу постояннаго войска его. „Черная банда также состояла частью изъ конницы, большею же частью изъ пѣхоты тяжелой и легкой, а послѣдняя преимущественно изъ стрѣлковъ“.

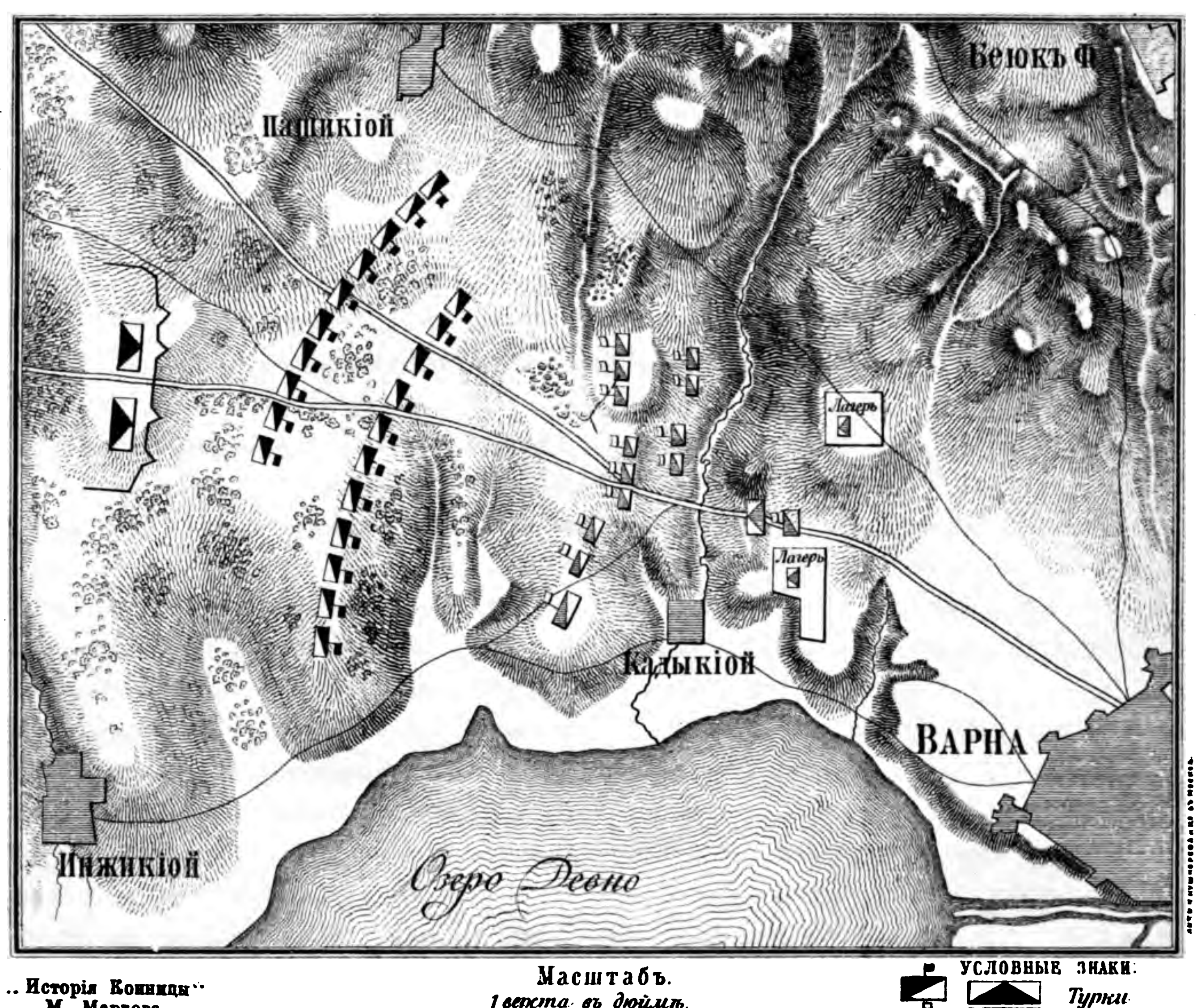
Изъ этихъ выписокъ можно заключить, что войска Матвѣя Корвина состояли изъ тяжелой и легкой конницы и изъ тяжелой и легкой пѣхоты. Въ XVI вѣкѣ составъ и устройство венгерскаго войска постоянно и существенно измѣнялись. Въ составъ его входила пѣхота все въ большомъ и большемъ числѣ. Въ началѣ столѣтія нѣкоторымъ комитатамъ уже повелѣно было выставлять пѣшихъ аркебузѣровъ, а другимъ предоставлено вмѣсто 2 всадниковъ выставлять 3 пѣшихъ людей. Позже постановлено было, чтобы ополченія всѣхъ комитатовъ состояли пополамъ изъ конницы и пѣхоты. Тяжелой конницы оставалось уже мало, только въ верхнихъ комитатахъ; числительное же превосходство уже принадлежало легкой.

„Одежда и вооруженіе венгерскихъ войскъ въ XVI вѣкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ національностей, сообразовались съ современными въ западной Европѣ. Въ половинѣ этого вѣка венгерскія войска имѣли длинныя пики съ значками, прямые мечи, небольшіе щиты, особеннаго рода кривыя сабли, на нижнемъ концѣ широкія, на головѣ носили обыкновенныя шляпы или мѣховую шляпу (kalpag) съ перьями; а на тѣлѣ длинный, ниже колѣнъ, долманъ“ [1]).

„Главнымъ оружіемъ гусаръ“, пишетъ Пузыревскій, „была прямая или закривленная широкая сабля, и только немногіе имѣли длинные шпаги, пригодныя для уколовъ. Одѣты были гусары въ длинные долманы, ментики, высокія шапки и

[1]) Кн. Голицынъ, тамъ же, стр. 98.

Планъ сраженія при Варнѣ.

сапоги. Къ ментикамъ иногда прикрѣплялись крылья коршуновъ и проч. чтобы видомъ и шумомъ ихъ при атакѣ пугать лошадей противника".

Вильгельмъ Диллихъ, въ концѣ XVI вѣка издавшій книгу о войнѣ (Kriegsbuch) и описаніе Венгріи, говоритъ, между прочимъ, что гусары носили на головѣ шишакъ, на тѣлѣ панцырь съ рукавами и длиною до ногъ, на лѣвой сторонѣ саблю, въ правой рукѣ пику (copey) съ значкомъ, а сзади при сѣдлѣ ручной стволъ (Faustrohr—пистолетъ) въ футлярѣ. Капитаны и ротмистры носили поверхъ панцырей красныя холщевыя полукафтанья"[1].

Такъ какъ конница венгерцевъ раздѣлялась на легкую и тяжелую, то одежду и вооруженіе, описанныя Пузыревскимъ надо отнести къ первымъ, описанныя же Диллихомъ ко вторымъ.

„Сѣдла венгерцевъ", говоритъ Пузыревскій[2]), „были сдѣланы изъ легкаго дерева и клались на войлочный потникъ; сверхъ сѣдла надѣвалась звѣриная шкура, волосомъ въ наружу, прикрывавшая пистолеты и различныя сѣдельныя принадлежности".

Послѣ бездѣтной кончины Матвѣя Корвина (1490), возникли прежнія распри за наслѣдство престола, которыя однако же были окончены выборомъ въ короли Владислава Богемскаго, подъ именемъ Ладислава V. Подъ правленіемъ этого слабаго, невоинственнаго государя Венгрія потеряла мало по малу всѣ завоеванія Корвина. Вѣна, Штирія, Корніолія, Силезія, Моравія и Лузація освободились изъ подъ ея власти; большая часть Далмаціи поддалась Венеціянской республикѣ; воевода Молдавскій вступилъ подъ покровительство Польши; своеволіе въ государствѣ, борьба духовенства съ дворянствомъ, магнатовъ съ мелкою шляхтою, были повсемѣстны; власть королевская какъ бы не существовала. Мелкою шляхтою предводительствовалъ Іоаннъ Заполья, а магнатами палатинъ Венгріи Стефанъ Баторій. Кровавыя распри этихъ двухъ честолюбивыхъ соперниковъ повергли Венгрію въ бездну погибели и дали случай Оттоманской портѣ снова напасть на растерзанное государство. Султанъ Сулейманъ II, по вступленіи своемъ на престолъ, рѣшился осуществить планъ отца своего о распространеніи владычества османовъ въ Европѣ. Поводъ къ войнѣ представился въ 1521 году, когда Людовикъ II принялъ турецкаго посла съ высокомѣріемъ и приказалъ даже посадить въ темницу.

Сраженіе при Могачѣ 29 августа 1526 года.

Сулейманъ II, усмиривъ бунтъ въ Египтѣ, ополчился на Венгрію, двинулся въ Сербію, взялъ Бѣлградъ, Собачъ и овладѣлъ почти всею нижнею Венгріею.

[1]) Заимствовано у кн. Голицына, тамъ же, стр. 98.
[2]) Стр. 114.

Возмущеніе янычаръ и родосскія дѣла отвлекли на время Сулеймана отъ Венгріи; но, овладѣлъ Родосомъ и усмиривъ янычаръ, онъ снова предпринялъ походъ въ 1526 году съ 100 тысячами войска при 300 орудій; овладѣлъ Петервардейномъ и, истребивъ гарнизонъ, двинулся далѣе въ глубь Венгріи.

Двадцатилѣтній Людовикъ праздновалъ въ это время въ Офенѣ бракосочетаніе свое съ Маріею, сестрою императора Карла V. Не имѣя войска и денегъ и не получая помощи ни отъ германскихъ князей, съѣхавшихся въ то время въ Шпейерѣ, ни отъ своихъ родственниковъ, австрійскаго эрцгерцога Фердинанда и польскаго короля Сигизмунда, юный король обратился къ своимъ вассаламъ и властолюбивымъ епископамъ; но и они отказали ему въ содѣйствіи, подъ предлогомъ того, что они только тогда обязаны выступить въ поле, когда самъ король предводительствуетъ войсками. Людовикъ, одаренный личною храбростью, собралъ съ поспѣшностью войско и двинулся по долинѣ Дуная черезъ Толну и Бату въ Могачъ, гдѣ расположился лагеремъ. Армія его, въ числѣ 25 тысячъ человѣкъ, состояла частью изъ венгерцевъ, частью изъ наемныхъ германцевъ. Пылкій и честолюбивый, но неспособный командовать войсками, епископъ Павелъ Томарусъ вызвался быть главнокомандующимъ и, вопреки совѣтамъ епископа Вардейнскаго и предводителя германцевъ, рѣшился атаковать въ 6 разъ сильнѣйшаго непріятеля, прежде нежели ожидаемыя изъ Силезіи, Славоніи и Трансильваніи вспомогательныя дружины могли соединиться съ венгерскою арміею.

Турки, не смотря на свою несоразмѣрную многочисленность сравнительно съ венгерцами, укрѣпили свой лагерь и всю пѣхоту и артиллерію расположили за окопами; спаги остались въ резервѣ, а азіятская конница выдвинулась впередъ.

Армія Людовика построилась противъ турокъ, имѣя войска венгерцевъ на лѣвомъ флангѣ, а союзныхъ германцевъ на правомъ.

По начертанному епископомъ Томарусомъ плану, въ 6 часовъ утра 29 августа венгерцы должны были произвести наступленіе лѣвымъ флангомъ. Гусары бросились въ атаку, но азіятская конница отступила за окопы, изъ которыхъ вся турецкая артиллерія и пѣхота открыла огонь. Между тѣмъ подошла венгерская пѣхота, и большая часть артиллеріи сосредоточилась на лѣвомъ флангѣ, а конница венгерская отошла назадъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ, сначала безъ особенныхъ результатовъ; но потомъ многочисленная и лучше поставленная артиллерія турокъ начала брать перевѣсъ. Замѣтивъ это, венгерская пѣхота, вспомоществуемая конницею на флангѣ, двинулась въ атаку; но огонь турецкихъ орудій заставилъ ихъ остановиться и продолжать перестрѣлку, хотя къ явной своей невыгодѣ, потому что венгерская артиллерія не могла соперничать съ турками. Наконецъ, приведенные въ большое замѣшательство, венгерцы были атакованы спагами, охватившими ихъ съ фронта и фланга. Не смотря на

Планъ сраженія при Могачѣ.

Безедекъ

Гвардія

Удваръ

Даліонъ

Ишепъ

50 тысячъ бѣгуновъ Бали-Бега

Венгерская пѣхота

80 орудій

Легк. конница

Ихота

Пѣхота

Могачъ

Калькедъ

Рѣка Дунай

Дунай

Масштабъ

. Исторія Конницы
М. Маркова.

и армія построилась кругообразно. Центръ ея состоялъ изъ сомкнутой, тяжеловооруженной конницы и пѣхоты, а венгерскіе и волошскіе рыцари находились на флангахъ". „Послѣ трехчасоваго сильнаго огня, поддерживаемаго съ обѣихъ сторонъ, начался бой по древнему способу бѣлымъ оружіемъ. Турки, имѣя европейскую кавалерію по флангамъ, янычаръ въ центрѣ, а орудія впереди, расположили азіятскую конницу въ сторонѣ, съ рамѣреніемъ употребить ее въ случаѣ надобности для обходовъ и для преслѣдованія непріятеля. Бой продолжался цѣлый день съ перемѣннымъ счастіемъ. Ночь нашла битву нерѣшенною, что уже ясно показываетъ вліяніе новаго оружія". Но окончательнымъ переходомъ къ новому военному искусству надо считать время Матвѣя Корвина, при которомъ какъ огнестрѣльное оружіе получило значительное примѣненіе въ венгерскихъ войскахъ, такъ равномѣрно впервые образована была имъ постоянная армія.

Матвѣй Корвинъ, сынъ Гуніада, по смерти отца, по проискамъ враждебной ему партіи заключенъ былъ въ темницу; но въ 1458 году, послѣ многихъ смутъ и переворотовъ, избранъ былъ венгерцами, которымъ надоѣли междоусобія и правленія иностранцевъ, въ короли Венгріи. Онъ провелъ въ войнахъ все свое царствованіе. Прежде всего долженъ былъ онъ сразиться съ императоромъ Фридрихомъ III, который также принялъ титулъ короля венгерскаго. Матвѣй побѣдоносно дошелъ до Вѣны, заставилъ Фридриха, отказавшись отъ своихъ притязаній, заключить съ нимъ миръ; но такъ какъ Фридрихъ неоднократно нарушалъ его, то Матвѣй вторгнулся въ Австрію, завоевалъ ее и принялъ въ Вѣнѣ присягу государственныхъ чиновъ. Не менѣе блистательными успѣхами увѣнчалось оружіе его въ Богеміи, Моравіи, Силезіи и Лузаціи, и 3 мая 1469 года онъ былъ избранъ королемъ Богемскимъ и овладѣлъ всѣми упомянутыми областями. Между тѣмъ воеводы семиградскіе, молдавскіе и валахскіе покусились сдѣлаться независимыми, но Матвѣй умѣлъ удержать ихъ въ повиновеніи.

Скоро потомъ Магометъ II, завоевавъ Сербію и Боснію, сталъ угрожать Германіи и Италіи. Папы, старавшіеся всѣми мѣрами удержать страшнаго врага христіанства, обратили взоры свои на Матвѣя, но онъ былъ занятъ другими планами, и его войны съ турками не имѣли важныхъ послѣдствій.

Важнѣе всего были преобразованія Матвѣя Корвина въ организаціи венгерскихъ войскъ. До Матвѣя венгерская армія, кромѣ наемныхъ бандъ, состояла только изъ народнаго ополченія, главнѣйшею частью котораго была конница; каждый всадникъ одѣвался и вооружался, какъ хотѣлъ. Намъ извѣстно, что еще король Сигизмундъ порывался ввести разныя нововведенія въ военной системѣ, но сеймъ воспротивился исполненію его предначертаній. Подъ вліяніемъ опасности съ разныхъ сторонъ государству, Матвѣй употребилъ всю свою энергію для приведенія упомянутыхъ предначертаній и другихъ полезныхъ нововведеній въ

отчаянныя усилія гусарской конницы, кое какъ отбиваясь, венгерцы отступили къ своему обозу.

Король, лично командовавшій правымъ крыломъ, поспѣшилъ съ германцами на подкрѣпленіе венгерцевъ, но было уже поздно. Венгерцы, совершенно разстроенные, оставили поле сраженія и предоставили королю драться съ одними союзниками. Людовикъ долженъ былъ повторить съ этими ничтожными силами все то, что продѣлали войска лѣваго фланга. Три раза онъ бросался впередъ къ окопамъ, необезпокоиваемый турецкою конницею, но всякій разъ попадалъ подъ убійственный огонь артиллерій, и наконецъ правое крыло пришло въ совершенный безпорядокъ. Тогда изъ-за фланговъ лагеря вылетѣла турецкая конница, окружила союзниковъ со всѣхъ сторонъ, а янычары перешли въ наступленіе.

10 тысячъ союзниковъ и венгерцевъ легло на полѣ сраженія, между ними Томарусъ и многіе другіе магнаты и епископы; вся пѣхота была изрублена, вся артиллерія взята, а остатки конницы, кто какъ могъ, спасались бѣгствомъ. Король Людовикъ, бѣжавшій въ сопровожденіи одного конюха, завязъ неподалеку деревни Эцелье вмѣстѣ съ лошадью въ болото и утонулъ въ немъ. Сулейманъ на другой день безостановочнымъ преслѣдованіемъ окончательно истребилъ венгерскую армію и вслѣдъ затѣмъ взялъ Пештъ и Офенъ.

Сраженіе при Могачѣ продолжалось 10 часовъ. Это прямо указываетъ на то, что здѣсь, какъ впрочемъ видно было и изъ самого боя, играло роль огнестрѣльное оружіе. Подобно тому, какъ и въ раньше описанныхъ сраженіяхъ первой четверти XVI столѣтія, на ходъ боя обнаруживаетъ вліяніе только артиллерія; ручное огнестрѣльное оружіе не играетъ никакой роли. Объ немъ лѣтописцы повѣствуютъ только, что и пѣхота и легкая конница имъ вооружена, но въ столкновеніяхъ вліяніе употребленія его незамѣтно.

Въ описанномъ сраженіи хотя турки были въ несравненно превосходныхъ силахъ, но съ ихъ стороны видно и единство управленія; видно что Сулейманъ, не полагаясь на одно превосходство силъ, рѣшился извлечь пользу изъ всѣхъ войскъ съ наименьшими пожертвованіями. Обладая сильною артиллеріею онъ принимаетъ оборонительный бой, даже не позволяетъ своей азіятской конницѣ, не смотря на ея силу, ввязаться въ дѣло; заставляетъ ее, наводя противника на окопы, уйти въ резервъ. Достигнувъ цѣли, онъ разстроиваетъ противника огнемъ, заставляетъ его самого разбиться безплодными атаками и хладнокровно дожидается минуты, когда запальчивый противникъ придетъ въ полнѣйшее разстройство. Тогда только онъ выпускаетъ своихъ спаговъ и довершаетъ пораженіе. Тоже самое повторяетъ онъ съ правымъ крыломъ. Подобными дѣйствіями онъ достигаетъ полнаго уничтоженія противника, потерявъ самъ сравнительно крайне ограниченное число. Большинство источниковъ даже вовсе не упоминаютъ о потерѣ Сулеймана.

ченія". „Это постоянное, всегда готовое къ походу и бою войско его состояло изъ ротъ тяжелой и легкой конницы, изъ легковооруженныхъ пикинеровъ и тяжеловооруженныхъ воиновъ съ щитами, а другихъ съ аркебузами. Каждому изъ этихъ родовъ войскъ былъ назначенъ особенный образъ дѣйствій въ бою: тяжелой конницѣ—твердо стоять на назначенномъ мѣстѣ и защищать его на жизнь и смерть; легкой—наѣздничать свободно по обстоятельствамъ; воинамъ вооруженнымъ щитами и огнестрѣльнымъ оружіемъ—окружать пикинеровъ, прикрывать ихъ сомкнутыми щитами и, по данному знаку, выпускать ихъ впередъ; пикинерамъ же, поддержаннымъ щитоносцами, стрѣлками и конницей—производить стремительный, сильный и рѣшительный натискъ и ударъ. Матвѣй Корвинъ постоянно упражнялъ означенные роды войскъ во всѣхъ этихъ совокупныхъ дѣйствіяхъ ихъ и довелъ въ этомъ отношеніи до большаго совершенства. Это постоянное венгерское войско, обыкновенно состоявшее изъ 20 тысячъ человѣкъ конницы, 8 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 9 тысячъ военныхъ повозокъ (не считая разныхъ обозныхъ людей мастеровыхъ, рабочихъ и прочихъ), Матвѣй Корвинъ усилилъ еще 6-ю тысячами иноземныхъ войскъ, большею частью чеховъ, моравовъ и сербовъ, которые подъ названіемъ „черной банды", составляли ядро и главную силу постояннаго войска его. „Черная банда также состояла частью изъ конницы, большею же частью изъ пѣхоты тяжелой и легкой, а послѣдняя преимущественно изъ стрѣлковъ".

Изъ этихъ выписокъ можно заключить, что войска Матвѣя Корвина состояли изъ тяжелой и легкой конницы и изъ тяжелой и легкой пѣхоты. Въ XVI вѣкѣ составъ и устройство венгерскаго войска постоянно и существенно измѣнялись. Въ составъ его входила пѣхота все въ большомъ и большемъ числѣ. Въ началѣ столѣтія нѣкоторымъ комитатамъ уже повелѣно было выставлять пѣшихъ аркебузёровъ, а другимъ предоставлено вмѣсто 2 всадниковъ выставлять 3 пѣшихъ людей. Позже постановлено было, чтобы ополченія всѣхъ комитатовъ состояли пополамъ изъ конницы и пѣхоты. Тяжелой конницы оставалось уже мало, только въ верхнихъ комитатахъ; числительное же превосходство уже принадлежало легкой.

„Одежда и вооруженіе венгерскихъ войскъ въ XVI вѣкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ національностей, сообразовались съ современными въ западной Европѣ. Въ половинѣ этого вѣка венгерскія войска имѣли длинныя пики съ значками, прямые мечи, небольшіе щиты, особеннаго рода кривыя сабли, на нижнемъ концѣ широкія, на головѣ носили обыкновенныя шляпы или мѣховую шляпу (kalpag) съ перьями; а на тѣлѣ длинный, ниже колѣнъ, долманъ" [1]).

„Главнымъ оружіемъ гусаръ", пишетъ Пузыревскій, „была прямая или закривленная широкая сабля, и только немногіе имѣли длинные шпаги, пригодныя для уколовъ. Одѣты были гусары въ длинные долманы, ментики, высокія шапки и

[1]) Кн. Голицынъ, тамъ же, стр. 98.

пока другіе народы взялись за это дѣло и получили возможность принять на себя борьбу. Сначала Австрія и Польша, а потомъ наконецъ Россія, которая разгромами XVIII и XIX столѣтій окончательно сломила силу турокъ и положила предѣлъ распространенію ихъ въ Европѣ.

Глава 7-я.

Русская конница въ XVI столѣтіи. Дворяне и дѣти боярскія. Первыя постоянныя и наемныя войска. Составъ конницы при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Рейтарскіе и драгунскіе полки. Одежда, вооруженіе и снаряженіе русской конницы въ упоминаемомъ періодѣ. Свѣденія о коневодствѣ. Тактическое устройство, обученіе и образъ дѣйствія тогдашнихъ русскихъ войскъ. Сторожевая служба на окраинахъ.

Хотя огнестрѣльное оружіе появилось въ Россіи еще во времена Дмитрія Донскаго, но до временъ Іоанна III или даже до Іоанна IV стояло на низкой степени и предназначалось исключительно для осады и обороны крѣпостей. Въ царствованіе Василія III Іоанновича огнестрѣльное оружіе, какъ артиллерійское, такъ и ручное вошло во всеобщее употребленіе, а при Іоаннѣ IV, особенно въ концѣ его царствованія, русская артиллерія, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, не уступала артиллеріи государствъ западной Европы.

Ручное огнестрѣльное оружіе состояло изъ пищалей съ огнивомъ и спускомъ, а позже съ колесными замками и фитилями вмѣсто кремней. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій начали употреблять карабины и пистоли или пистолеты.

Главнымъ, многочисленнѣйшимъ и лучшимъ родомъ войскъ при царяхъ, подобно тому какъ было и при Дмитріѣ Донскомъ, была конница. Ее по прежнему составляли дворяне и дѣти боярскіе съ своими людьми и холопями. Іоаннъ III первый началъ раздавать земли или помѣстья боярскимъ дѣтямъ, обязавъ ихъ, въ случаѣ войны, выставлять извѣстное число ратниковъ, конныхъ и пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстій.

Въ случаяхъ особенной важности всѣ тѣ помѣщики, которые не могли сами идти на войну (престарѣлые, вдовы, незамужнія дочери, недоросли и проч.), должны были выставлять вмѣсто себя родственниковъ, неимѣвшихъ помѣстьевъ, а если такихъ не было, то людей или холопей своихъ въ полномъ вооруженіи. Изъ вотчинъ же боярскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и др. выставлялось по одному человѣку съ 20—30 дворовъ, также въ полномъ вооруженіи: эти ратники назывались людьми даточными.

„До учрежденія стрѣльцовъ“, пишетъ кн. Голицынъ, [1]) „пѣшими служили только иноземные наемные ратники, число которыхъ было незначительно, и бѣднѣйшіе изъ русскихъ ратниковъ, которые не были въ состояніи имѣть коней и которыхъ назначали большею частью въ городовую службу. Поэтому пѣхоту составляла плохо вооруженная и устроенная чернь, содержавшая стражу въ городахъ; полевое же войско было преимущественно конное, гораздо лучше вооруженное и устроенное.

Изъ этого видно, что главную силу составляло ополченіе землевладѣльцевъ съ ихъ слугами, почти все конное, но заботами государей доведенное до громадной цифры. По свидѣтельству иностранныхъ писателей, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій однихъ дѣтей боярскихъ было до 300 тысячъ, а московскихъ дворянъ, постоянно находившихся въ Москвѣ, отъ 15 до 20 тысячъ.

Въ мирное время лучшіе или выборные изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей находились въ Москвѣ при царскомъ дворѣ, получали званія стольниковъ и стряпчихъ, служили царскими тѣлохранителями, исправляли должности областныхъ и городовыхъ воеводъ и пр.; остальные жили въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, до призыва на военную службу. Сыновья ихъ, достигнувъ 17 и даже 15 лѣтъ, записывались въ службу, въ однѣхъ статьяхъ съ своими отцами, и если родовыя вотчины послѣднихъ были недостаточны, то городовые окладчики верстали недорослей помѣстьями и иногда денежными окладами. Городовые воеводы доставляли въ разрядъ подробные списки, сколько къ каждому городу было приписано дворянъ и боярскихъ дѣтей, и сколько за ними было помѣстьевъ. По этимъ спискамъ разрядъ опредѣлялъ указами, по мѣрѣ надобности, какіе именно служилые люди, изъ какихъ городовъ и въ какомъ числѣ должны были въ извѣстный срокъ являться на сборное мѣсто. По этимъ указамъ каждый верстаный помѣщикъ былъ обязанъ явиться на сборное мѣсто своей десятни (цѣлаго отряда съ города) на конѣ и привести съ собой опредѣленное число конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ ратниковъ, съ нужнымъ на время похода продовольствіемъ; вооружаясь только на время войны или похода, дворяне и боярскія дѣти, при внезапномъ вторженіи непріятеля, не всегда поспѣвали собираться вдвремя и не могли успѣшно дѣйствовать пѣшими противъ шведской и польской пѣхоты, что и побудило учредить постоянную пѣхоту стрѣльцовъ [2]).

Стрѣльцы были учреждены Іоанномъ IV, какъ первое постоянное войско. Они были набраны и впослѣдствіи набирались изъ волостныхъ и сельскихъ жителей, получили правильное устройство и раздѣленіе, были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ и служили на жалованьѣ постоянно, безсмѣнно, содержа стражу въ

[1]) Воен. ист. ср. врем. Т. III, стр. 91.
[2]) Заимствовано у кн. Голицына.

Москвѣ и особенно въ пограничныхъ городахъ, исполняя службу и горнизонную, и полицейскую, а въ Москвѣ сверхъ того и дворцовую, въ военное же время дѣйствуя въ общемъ составѣ войска и преимущественно при осадѣ и оборонѣ городовъ. Небольшое число отборныхъ стрѣльцовъ были конные и назывались стремянными.

Въ царствованіе Θеодора Іоанновича и въ началѣ правленія Бориса Годунова военныя силы наши были уже очень велики. Флетчеръ, Моржеретъ и др. современники такъ пишутъ о ратныхъ силахъ тогдашней Руси: „15 тысячъ дворянъ, раздѣленныхъ на три степени, бо́льшихъ, среднихъ и меньшихъ, такъ называемыхъ, выборныхъ (присылаемыхъ изъ всѣхъ городовъ и черезъ три года смѣняемыхъ) составляютъ конную дружину царскую, 65 тысячъ всадниковъ изъ дѣтей боярскихъ ежегодно собирается на берегахъ Оки, въ угрозу хану Крымскому. Лучшая пѣхота стрѣльцы и казаки первыхъ 10 тысячъ; кромѣ 2000 отборныхъ или стремянныхъ (конныхъ); вторыхъ около 6000. На ряду съ ними служатъ 4300 нѣмцевъ и поляковъ; 4000 казаковъ литовскихъ; 159 шотландцевъ и нидерландцевъ; 100 датчанъ, шведовъ и грековъ. Для важнаго ратнаго предпріятія выѣзжаютъ на службу всѣ помѣстные дѣти боярскіе съ своими холопями и людьми достаточными (изъ отчинъ боярскихъ и церковныхъ), болѣе крестьянами нежели воинами, хотя и красиво одѣтыми (въ чистые узкіе кафтаны съ отложнымъ воротникомъ). Невозможно опредѣлить ихъ числа, умножаемаго, въ случаѣ нужды, людьми купеческими, также наемниками и слугами Государя Московскаго, нагаями, черкесами, татарами казанскими и астраханскими. Сборныя областныя дружины называютъ именами городовъ своихъ: смоленскаго, новгородскаго и т. п. Многіе вооружены скверно: только пѣхота имѣетъ пищали; но огнестрѣльный снарядъ (артиллерія) не уступаетъ лучшему въ Европѣ. Доспѣхи и конскіе приборы воеводъ, чиновниковъ, дворянъ блистаютъ свѣтлостью булата и каменьями драгоцѣнными; на знаменахъ, освящаемыхъ патріархомъ, изображается Св. Георгій Побѣдоносецъ“. [1])

Въ послѣдующее время, т. е., при Дмитріѣ самозванцѣ, Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ и во время междуцарствія особыхъ перемѣнъ въ составѣ войскъ не произошло, исключая прибавленія разныхъ наемныхъ войскъ. Наемныя войска давали по преимуществу пѣхоту, изъ конницы же во времена междуцарствія впервые въ Россіи появились рейтарскіе полки. Когда же Россія успокоилась, то царь Михаилъ Θеодоровичъ, по совѣту патріарха Филарета, сдѣлалъ нѣкоторые преобразованія войскъ, заключавшіяся въ большей опредѣленности въ управленіи и содержаніи войскъ и въ присоединеніи къ прежнимъ нѣсколькихъ новыхъ полковъ, составленныхъ изъ иноземцевъ и изъ русскихъ, которымъ давалось оружіе одинаковое съ иноземцами и требовалось, чтобъ они учились нѣмецкому строю.

[1]) Воен. эн. лексик. Т. II, стр. 538.

Возмущеніе янычаръ и родосскія дѣла отвлекли на время Сулеймана отъ Венгріи; но, овладѣлъ Родосомъ и усмиривъ янычаръ, онъ снова предпринялъ походъ въ 1526 году съ 100 тысячами войска при 300 орудій; овладѣлъ Петервардейномъ и, истребивъ гарнизонъ, двинулся далѣе въ глубь Венгріи.

Двадцатилѣтній Людовикъ праздновалъ въ это время въ Офенѣ бракосочетаніе свое съ Маріею, сестрою императора Карла V. Не имѣя войска и денегъ и не получая помощи ни отъ германскихъ князей, съѣхавшихся въ то время въ Шпейерѣ, ни отъ своихъ родственниковъ, австрійскаго эрцгерцога Фердинанда и польскаго короля Сигизмунда, юный король обратился къ своимъ вассаламъ и властолюбивымъ епископамъ; но и они отказали ему въ содѣйствіи, подъ предлогомъ того, что они только тогда обязаны выступить въ поле, когда самъ король предводительствуетъ войсками. Людовикъ, одаренный личною храбростью, собралъ съ поспѣшностью войско и двинулся по долинѣ Дуная черезъ Толну и Бату въ Могачъ, гдѣ расположился лагеремъ. Армія его, въ числѣ 25 тысячъ человѣкъ, состояла частью изъ венгерцевъ, частью изъ наемныхъ германцевъ. Пылкій и честолюбивый, но неспособный командовать войсками, епископъ Павелъ Томарусъ вызвался быть главнокомандующимъ и, вопреки совѣтамъ епископа Вардейнскаго и предводителя германцевъ, рѣшился атаковать въ 6 разъ сильнѣйшаго непріятеля, прежде нежели ожидаемыя изъ Силезіи, Славоніи и Трансильваніи вспомогательныя дружины могли соединиться съ венгерскою арміею.

Турки, не смотря на свою несоразмѣрную многочисленность сравнительно съ венгерцами, укрѣпили свой лагерь и всю пѣхоту и артиллерію расположили за окопами; спаги остались въ резервѣ, а азіятская конница выдвинулась впередъ.

Армія Людовика построилась противъ турокъ, имѣя войска венгерцевъ на лѣвомъ флангѣ, а союзныхъ германцевъ на правомъ.

По начертанному епископомъ Томарусомъ плану, въ 6 часовъ утра 29 августа венгерцы должны были произвести наступленіе лѣвымъ флангомъ. Гусары бросились въ атаку, но азіятская конница отступила за окопы, изъ которыхъ вся турецкая артиллерія и пѣхота открыла огонь. Между тѣмъ подошла венгерская пѣхота, и большая часть артиллеріи сосредоточилась на лѣвомъ флангѣ, а конница венгерская отошла назадъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ, сначала безъ особенныхъ результатовъ; но потомъ многочисленная и лучше поставленная артиллерія турокъ начала брать перевѣсъ. Замѣтивъ это, венгерская пѣхота, вспомоществуемая конницею на флангѣ, двинулась въ атаку; но огонь турецкихъ орудій заставилъ ихъ остановиться и продолжать перестрѣлку, хотя къ явной своей невыгодѣ, потому что венгерская артиллерія не могла соперничать съ турками. Наконецъ, приведенные въ большое замѣшательство, венгерцы были атакованы спагами, охватившими ихъ съ фронта и фланга. Не смотря на

жалованье и содержаніе изъ иноземнаго приказа; во время похода снабжались хлѣбомъ и фуражемъ изъ особо назначенныхъ волостей; въ мирное же время болѣе обжившіеся иностранцы имѣли помѣстья и вотчины, почему рейтары и драгуны раздѣлялись на помѣстныхъ и кормовыхъ и жили поэтому въ разныхъ мѣстахъ государства.

При Михаилѣ же Ѳеодоровичѣ начали уже записываться въ рейтарскіе полки и русскіе: изъ дѣтей боярскихъ, новокрещенцевъ, казаковъ и другихъ вольныхъ людей. При Алексѣѣ Михайловичѣ были сфирмированы и цѣлые рейтарскіе и драгунскіе полки изъ русскихъ, особенно драгунскіе, которые пополнялись почти исключительно подмосковными, заокскими, смоленскими и украинскими уроженцами. Водворены или поселены эти полки были въ Украйнѣ, на татарской границѣ, къ сторонѣ бывшей Крымской степи, и подобно рейтарамъ по всѣмъ служебнымъ, тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ были подчинены иноземному приказу.

Драгуны получали жалованье на пищу и одежду; лошади же, оружіе и вся сбруя выдавались имъ отъ казны. По окончаніи похода они распускались по домамъ, и каждый обращался въ свое состояніе; лошади же съ сѣдлами и сбруей отсылались по областямь на кормленіе жителямъ, по одной на 4 двора. Вообще драгуны состояли почти на одинаковыхъ правахъ съ стрѣльцами и городовыми казаками [1]).

Во время формированія арміи Петромъ Великимъ рейтары стали поступать въ регулярные драгунскіе полки, и большею частью вмѣстѣ съ старыми драгунскими полками въ гарнизоны городовъ, и какъ тѣ, такъ и другіе, постепенно уменьшаясь въ числѣ, были замѣнены регулярными драгунскими полками, и названіе рейтаровъ исчезаетъ изъ списковъ русской арміи.

Послѣдній разрядъ русской конницы составляли казаки Донскіе, Яицкіе, Волжскіе и Терскіе, о которыхъ мы имѣемъ въ виду говорить ниже.

Съ присоединеніемъ Малороссіи и возвращеніемъ многихъ областей отъ Литвы въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ нашихъ войскахъ появились полки черкасовъ или малороссіянъ, имѣвшихъ свой судъ и свою управу и составлявшихъ отдѣльное союзное войско подъ управленіемъ своихъ начальниковъ; а также стали появляться литва — люди литовскаго списка и смоленская шляхта, которые уже составляли особыя разрядъ русской конницы.

Во время царей, исключая иноземныхъ наемныхъ тѣлохранителей, стрѣльцовъ и царскихъ конныхъ другихъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ болѣе или менѣе однообразно, въ одеждѣ и вооруженіи прочихъ войскъ не было никакого однообразія. Простые воины носили большею частью тегиляи, толстые стеганые кафтаны, желѣзныя шапки, копья, сулицы и рогатины; а бѣднѣйшіе изъ нихъ являлись на

[1]) Кн. Голицынъ. Русск. воен. истор. Ч. II, стр. 438.

отчаянныя усилія гусарской конницы, кое какъ отбиваясь, венгерцы отступили къ своему обозу.

Король, лично командовавшій правымъ крыломъ, поспѣшилъ съ германцами на подкрѣпленіе венгерцевъ, но было уже поздно. Венгерцы, совершенно разстроенные, оставили поле сраженія и предоставили королю драться съ одними союзниками. Людовикъ долженъ былъ повторить съ этими ничтожными силами все то, что продѣлали войска лѣваго фланга. Три раза онъ бросался впередъ къ окопамъ, необезпокоиваемый турецкою конницею, но всякій разъ попадалъ подъ убійственный огонь артиллерій, и наконецъ правое крыло пришло въ совершенный безпорядокъ. Тогда изъ-за фланговъ лагеря вылетѣла турецкая конница, окружила союзниковъ со всѣхъ сторонъ, а янычары перешли въ наступленіе.

10 тысячъ союзниковъ и венгерцевъ легло на полѣ сраженія, между ними Томарусъ и многіе другіе магнаты и епископы; вся пѣхота была изрублена, вся артиллерія взята, а остатки конницы, кто какъ могъ, спасались бѣгствомъ. Король Людовикъ, бѣжавшій въ сопровожденіи одного конюха, завязъ неподалеку деревни Эцелье вмѣстѣ съ лошадью въ болото и утонулъ въ немъ. Сулейманъ на другой день безостановочнымъ преслѣдованіемъ окончательно истребилъ венгерскую армію и вслѣдъ затѣмъ взялъ Пештъ и Офенъ.

Сраженіе при Могачѣ продолжалось 10 часовъ. Это прямо указываетъ на то, что здѣсь, какъ впрочемъ видно было и изъ самого боя, играло роль огнестрѣльное оружіе. Подобно тому, какъ и въ раньше описанныхъ сраженіяхъ первой четверти XVI столѣтія, на ходъ боя обнаруживаетъ вліяніе только артиллерія; ручное огнестрѣльное оружіе не играетъ никакой роли. Объ немъ лѣтописцы повѣствуютъ только, что и пѣхота и легкая конница имъ вооружена, но въ столкновеніяхъ вліяніе употребленія его незамѣтно.

Въ описанномъ сраженіи хотя турки были въ несравненно превосходныхъ силахъ, но съ ихъ стороны видно и единство управленія; видно что Сулейманъ, не полагаясь на одно превосходство силъ, рѣшился извлечь пользу изъ всѣхъ войскъ съ наименьшими пожертвованіями. Обладая сильною артиллеріею онъ принимаетъ оборонительный бой, даже не позволяетъ своей азіятской конницѣ, не смотря на ея силу, ввязаться въ дѣло; заставляетъ ее, наводя противника на окопы, уйти въ резервъ. Достигнувъ цѣли, онъ разстроиваетъ противника огнемъ, заставляетъ его самого разбиться безплодными атаками и хладнокровно дожидается минуты, когда запальчивый противникъ придетъ въ полнѣйшее разстройство. Тогда только онъ выпускаетъ своихъ спаговъ и довершаетъ пораженіе. Тоже самое повторяетъ онъ съ правымъ крыломъ. Подобными дѣйствіями онъ достигаетъ полнаго уничтоженія противника, потерявъ самъ сравнительно крайне ограниченное число. Большинство источниковъ даже вовсе не упоминаютъ о потерѣ Сулеймана.

У венгерцевъ не то. Тамъ мы видимъ необдуманныя, даже самонадѣянныя распоряженія. Имѣя только 25 тысячъ противъ 100 тысячъ, они рискуютъ атаковать непріятеля въ укрѣпленной позиціи и обороняемой тремя стами орудій и притомъ еще не всѣми силами, а по частямъ. Венгерцы атакуютъ совершенно отдѣльно безъ всякой связи съ правымъ крыломъ, и, когда они опрокинуты, въ такой-же бой ввязывается правое крыло и, разумѣется, несетъ такую же участь. Одно можно сказать, что недостатка въ храбрости не было у венгерцевъ, что видно какъ изъ продолжительнаго выдерживанія огня непріятеля, такъ и изъ неоднократныхъ запальчивыхъ атакъ турецкихъ окоповъ. Конница венгерцевъ ничего сдѣлать не могла: заставивъ азіятскую конницу отступить, гусары сопровождали свою пѣхоту во время атаки и вмѣстѣ съ нею выдерживали убійственный огонь батарей. Однимъ словомъ венгерскія войска что могли сдѣлать, то дѣлали, но не было во главѣ ихъ Гуніада или Матвѣя Корвина.

Мы описали устройство венгерской конницы, коснулись состоянія военнаго искусства у венгерцевъ въ феодальный періодъ и перехода къ новому искусству, когда огнестрѣльное оружіе обнаружило свое вліяніе на военное дѣло, измѣнило характеръ сраженій, выдвинуло пѣхоту и нѣсколько съузило рамки раіона дѣйствій конницы на поляхъ сраженій. Въ феодальный періодъ и, въ особенности, во время Гуніада, которое есть самое славное для венгерской націи, мы можемъ замѣтить, что военное ихъ искусство стояло на высшей степени сравнительно съ другими народами западной Европы. Если насъ поражаютъ блестящія побѣды англійскихъ полководцевъ Столѣтней войны, Эдуарда III, принца Чернаго и Генриха V, то хотя они и имѣли противъ себя почти всегда превосходныя силы; но силы эти состояли въ большинствѣ изъ коммуніальныхъ войскъ и самонадѣянныхъ французскихъ рыцарей, которые о военномъ искусствѣ, кромѣ одиночнаго боя на своемъ конѣ, не имѣли понятія и лѣзли чуть ни справа по одному, какъ было при Монертюи, по единственной дорогѣ на гору, защищаемую всѣми англійскими силами при помощи метательнаго оружія. Разумѣется, они сами себя разбили, а непріятель—доканалъ. Къ дѣйствіямъ Гуніада могутъ быть приравнены дѣйствія Гонзальва Кордуанскаго, но и тотъ жилъ и дѣйствовалъ уже въ XVI столѣтіи. При оцѣнкѣ дѣйствій венгерскихъ войскъ вообще, нельзя упускать изъ вида, что венгерцы имѣли противъ себя страшнаго врага—турокъ, которые устройствомъ своей пѣхоты опередили всю Европу, имѣли лучшую конницу въ мірѣ и во всѣхъ столкновеніяхъ превосходили венгерцевъ силами своими въ нѣсколько разъ. Слѣдовательно, если венгерцы при такихъ обстоятельствахъ въ теченіи полутора столѣтія были настоящимъ оплотомъ Европы отъ нашествія мусульманъ, совершили столько блистательныхъ подвиговъ, то они обязаны какъ превосходнымъ качествамъ войскъ, такъ и особенно геніяльности своихъ вождей. Венгерская нація сдерживала распространеніе турецкаго міра въ Европѣ до тѣхъ поръ,

пока другіе народы взялись за это дѣло и получили возможность принять на себя борьбу. Сначала Австрія и Польша, а потомъ наконецъ Россія, которая разгромами XVIII и XIX столѣтій окончательно сломила силу турокъ и положила предѣлъ распространенію ихъ въ Европѣ.

Глава 7-я.

Русская конница въ XVI столѣтіи. Дворяне и дѣти боярскія. Первыя постоянныя и наемныя войска. Составъ конницы при Михаилѣ Өеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Рейтарскіе и драгунскіе полки. Одежда, вооруженіе и снаряженіе русской конницы въ упоминаемомъ періодѣ. Свѣденія о коневодствѣ. Тактическое устройство, обученіе и образъ дѣйствія тогдашнихъ русскихъ войскъ. Сторожевая служба на окраинахъ.

Хотя огнестрѣльное оружіе появилось въ Россіи еще во времена Дмитрія Донскаго, но до временъ Іоанна III или даже до Іоанна IV стояло на низкой степени и предназначалось исключительно для осады и обороны крѣпостей. Въ царствованіе Василія III Іоанновича огнестрѣльное оружіе, какъ артиллерійское, такъ и ручное вошло во всеобщее употребленіе, а при Іоаннѣ IV, особенно въ концѣ его царствованія, русская артиллерія, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, не уступала артиллеріи государствъ западной Европы.

Ручное огнестрѣльное оружіе состояло изъ пищалей съ огнивомъ и спускомъ, а позже съ колесными замками и фитилями вмѣсто кремней. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій начали употреблять карабины и пистоли или пистолеты.

Главнымъ, многочисленнѣйшимъ и лучшимъ родомъ войскъ при царяхъ, подобно тому какъ было и при Дмитріѣ Донскомъ, была конница. Ее по прежнему составляли дворяне и дѣти боярскіе съ своими людьми и холóпами. Іоаннъ III первый началъ раздавать земли или помѣстья боярскимъ дѣтямъ, обязавъ ихъ, въ случаѣ войны, выставлять извѣстное число ратниковъ, конныхъ и пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстій.

Въ случаяхъ особенной важности всѣ тѣ помѣщики, которые не могли сами идти на войну (престарѣлые, вдовы, незамужнія дочери, недоросли и проч.), должны были выставлять вмѣсто себя родственниковъ, неимѣвшихъ помѣстьевъ, а если такихъ не было, то людей или холопей своихъ въ полномъ вооруженіи. Изъ вотчинъ же боярскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и др. выставлялось по одному человѣку съ 20—30 дворовъ, также въ полномъ вооруженіи: эти ратники назывались людьми даточными.

„До учрежденія стрѣльцовъ", пишетъ кн. Голицынъ, [1]) „пѣшими служили только иноземные наемные ратники, число которыхъ было незначительно, и бѣднѣйшіе изъ русскихъ ратниковъ, которые не были въ состояніи имѣть коней и которыхъ назначали большею частью въ городовую службу. Поэтому пѣхоту составляла плохо вооруженная и устроенная чернь, содержавшая стражу въ городахъ; полевое же войско было преимущественно конное, гораздо лучше вооруженное и устроенное.

Изъ этого видно, что главную силу составляло ополченіе землевладѣльцевъ съ ихъ слугами, почти все конное, но заботами государей доведенное до громадной цифры. По свидѣтельству иностранныхъ писателей, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій однихъ дѣтей боярскихъ было до 300 тысячъ, а московскихъ дворянъ, постоянно находившихся въ Москвѣ, отъ 15 до 20 тысячъ.

Въ мирное время лучшіе или выборные изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей находились въ Москвѣ при царскомъ дворѣ, получали званія стольниковъ и стряпчихъ, служили царскими тѣлохранителями, исправляли должности областныхъ и городовыхъ воеводъ и пр.; остальные жили въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, до призыва на военную службу. Сыновья ихъ, достигнувъ 17 и даже 15 лѣтъ, записывались въ службу, въ однѣхъ статьяхъ съ своими отцами, и если родовыя вотчины послѣднихъ были недостаточны, то городовые окладчики верстали недорослей помѣстьями и иногда денежными окладами. Городовые воеводы доставляли въ разрядъ подробные списки, сколько къ каждому городу было приписано дворянъ и боярскихъ дѣтей, и сколько за ними было помѣстьевъ. По этимъ спискамъ разрядъ опредѣлялъ указами, по мѣрѣ надобности, какіе именно служилые люди, изъ какихъ городовъ и въ какомъ числѣ должны были въ извѣстный срокъ являться на сборное мѣсто. По этимъ указамъ каждый верстаный помѣщикъ былъ обязанъ явиться на сборное мѣсто своей десятни (цѣлаго отряда съ города) на конѣ и привести съ собой опредѣленное число конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ ратниковъ, съ нужнымъ на время похода продовольствіемъ; вооружаясь только на время войны или похода, дворяне и боярскія дѣти, при внезапномъ вторженіи непріятеля, не всегда поспѣвали собираться вдвремя и не могли успѣшно дѣйствовать пѣшими противъ шведской и польской пѣхоты, что и побудило учредить постоянную пѣхоту стрѣльцовъ [2]).

Стрѣльцы были учреждены Іоанномъ IV, какъ первое постоянное войско. Они были набраны и впослѣдствіи набирались изъ волостныхъ и сельскихъ жителей, получили правильное устройство и раздѣленіе, были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ и служили на жалованьѣ постоянно, безсмѣнно, содержа стражу въ

---

[1]) Воен. ист. ср. врем. Т. III, стр. 91.
[2]) Заимствовано у кн. Голицына.

Москвѣ и особенно въ пограничныхъ городахъ, исполняя службу и горнизонную, и полицейскую, а въ Москвѣ сверхъ того и дворцовую, въ военное же время дѣйствуя въ общемъ составѣ войска и преимущественно при осадѣ и оборонѣ городовъ. Небольшое число отборныхъ стрѣльцовъ были конные и назывались стремянными.

Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича и въ началѣ правленія Бориса Годунова военныя силы наши были уже очень велики. Флетчеръ, Моржеретъ и др. современники такъ пишутъ о ратныхъ силахъ тогдашней Руси: „15 тысячъ дворянъ, раздѣленныхъ на три степени, бо̂льшихъ, среднихъ и меньшихъ, такъ называемыхъ, выборныхъ (присылаемыхъ изъ всѣхъ городовъ и черезъ три года смѣняемыхъ) составляютъ конную дружину царскую, 65 тысячъ всадниковъ изъ дѣтей боярскихъ ежегодно собирается на берегахъ Оки, въ угрозу хану Крымскому. Лучшая пѣхота стрѣльцы и казаки первыхъ 10 тысячъ; кромѣ 2000 отборныхъ или стремянныхъ (конныхъ); вторыхъ около 6000. На ряду съ ними служатъ 4300 нѣмцевъ и поляковъ; 4000 казаковъ литовскихъ; 159 шотландцевъ и нидерландцевъ; 100 датчанъ, шведовъ и грековъ. Для важнаго ратнаго предпріятія выѣзжаютъ на службу всѣ помѣстные дѣти боярскіе съ своими холопями и людьми достаточными (изъ отчинъ боярскихъ и церковныхъ), болѣе крестьянами нежели воинами, хотя и красиво одѣтыми (въ чистые узкіе кафтаны съ отложнымъ воротникомъ). Невозможно опредѣлить ихъ числа, умножаемаго, въ случаѣ нужды, людьми купеческими, также наемниками и слугами Государя Московскаго, нагаями, черкесами, татарами казанскими и астраханскими. Сборныя областныя дружины называютъ именами городовъ своихъ: смоленскаго, новгородскаго и т. п. Многіе вооружены скверно: только пѣхота имѣетъ пищали; но огнестрѣльный снарядъ (артиллерія) не уступаетъ лучшему въ Европѣ. Доспѣхи и конскіе приборы воеводъ, чиновниковъ, дворянъ блистаютъ свѣтлостью булата и каменьями драгоцѣнными; на знаменахъ, освящаемыхъ патріархомъ, изображается Св. Георгій Побѣдоносецъ". [1])

Въ послѣдующее время, т. е., при Дмитріѣ самозванцѣ, Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ и во время междуцарствія особыхъ перемѣнъ въ составѣ войскъ не произошло, исключая прибавленія разныхъ наемныхъ войскъ. Наемныя войска давали по преимуществу пѣхоту, изъ конницы же во времена междуцарствія впервые въ Россіи появились рейтарскіе полки. Когда же Россія успокоилась, то царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, по совѣту патріарха Филарета, сдѣлалъ нѣкоторые преобразованія войскъ, заключавшіяся въ большей опредѣленности въ управленіи и содержаніи войскъ и въ присоединеніи къ прежнимъ нѣсколькихъ новыхъ полковъ, составленныхъ изъ иноземцевъ и изъ русскихъ, которымъ давалось оружіе одинаковое съ иноземцами и требовалось, чтобъ они учились нѣмецкому строю.

[1]) Воен. эн. лексик. Т. II, стр. 538.

Все войско при Михаилѣ Θеодоровичѣ дѣлилось на конницу, пѣхоту и артиллерію. Конница имѣла разнообразный составъ. Первый и многочисленнѣйшій отдѣлъ ея давали дворяне, жильцы [1]) и боярскія дѣти; за ними шло конное войско воинственныхъ жителей покоренныхъ татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Всѣ они являлись на войну вооруженными по азіятски, каждый по своему, и, подобно дворянамъ, каждый князь или мурза велъ за собою своихъ вооруженныхъ слугъ.

Городовые казаки составляли слѣдующій разрядъ русской конницы. Они сначала набирались изъ вольныхъ нетяглыхъ людей большею частью изъ безземельныхъ батраковъ. Казаки, первоначально набираемые во время войны, мало по малу за добрую службу стали получать помѣстныя земли, съ обязанностью быть готовыми къ походу по первому востребованію; земли ихъ давались большею частью въ пограничныхъ мѣстахъ, гдѣ всегда нужны были люди для защиты отъ внѣшнихъ нападеній. Мы уже раньше говорили, что впервые въ лѣтописяхъ нашихъ упоминается о казакахъ рязанскихъ. Изъ нихъ, а равномѣрно и изъ другихъ, еще въ XIV вѣкѣ была организована, такъ называемая, засѣчная стража, особенное развитіе получившая при Іоаннѣ IV. Первымъ и лучшимъ помощникомъ ему въ устройствѣ пограничной стражи и ея службы былъ бояринъ князь Воротынскій, который въ 1571 году совѣтовался съ станичниками, пограничными воеводами и др. чинами и составилъ уставъ станичной службы. О немъ мы поговоримъ ниже. Эти мѣры принимались сначала для обезпеченія нашихъ юговосточныхъ границъ, съ конца же XVI вѣка такія же мѣры приняты были и на югозападныхъ границахъ, противъ набѣговъ днѣпровскихъ казаковъ.

Дальнѣйшій разрядъ конницы временъ Михаила Θеодоровича составляли даточные люди, избираемые на время войнъ съ тяглыхъ, а иногда и съ нетяглыхъ посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ. Наборъ даточныхъ людей производился или съ земли, по одному человѣку съ 300 четвертей, или по одному съ 50 дворовъ, съ 20, съ 10, съ 5 и даже трехъ домовъ; впрочемъ на это не было постоянныхъ правилъ, и правительство руководствовалось настоящею нуждою.

Кромѣ этихъ разрядовъ, была еще конница, состоявшая въ вѣденіи иноземнаго приказа. Сюда принадлежали рейтарскіе и драгунскіе полки и гусарскіе шквадроны.

Передъ войною съ Польшею Михаилъ Θеодоровичъ, видя необходимость въ болѣе устроенной конницѣ, чѣмъ сборы дворянъ и дѣтей боярскихъ, составилъ въ 1630, 1631 и 1632 годахъ нѣсколько рейтарскихъ и драгунскихъ полковъ изъ нѣмцевъ, голландцевъ, шотландцевъ и англичанъ. Рейтары и драгуны получали

[1]) Жильцами назывались дворяне, жившіе въ Москвѣ; но приписанные къ другимъ городамъ.

жалованье и содержаніе изъ иноземнаго приказа; во время похода снабжались хлѣбомъ и фуражемъ изъ особо назначенныхъ волостей; въ мирное же время болѣе обжившіеся иностранцы имѣли помѣстья и вотчины, почему рейтары и драгуны раздѣлялись на помѣстныхъ и кормовыхъ и жили поэтому въ разныхъ мѣстахъ государства.

При Михаилѣ же Ѳеодоровичѣ начали уже записываться въ рейтарскіе полки и русскіе: изъ дѣтей боярскихъ, новокрещенцевъ, казаковъ и другихъ вольныхъ людей. При Алексѣѣ Михайловичѣ были сформированы и цѣлые рейтарскіе и драгунскіе полки изъ русскихъ, особенно драгунскіе, которые пополнялись почти исключительно подмосковными, заокскими, смоленскими и украинскими уроженцами. Водворены или поселены эти полки были въ Украйнѣ, на татарской границѣ, къ сторонѣ бывшей Крымской степи, и подобно рейтарамъ по всѣмъ служебнымъ, тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ были подчинены иноземному приказу.

Драгуны получали жалованье на пищу и одежду; лошади же, оружіе и вся сбруя выдавались имъ отъ казны. По окончаніи похода они распускались по домамъ, и каждый обращался въ свое состояніе; лошади же съ сѣдлами и сбруей отсылались по областямъ на кормленіе жителямъ, по одной на 4 двора. Вообще драгуны состояли почти на одинаковыхъ правахъ съ стрѣльцами и городовыми казаками [1]).

Во время формированія арміи Петромъ Великимъ рейтары стали поступать въ регулярные драгунскіе полки, и большею частью вмѣстѣ съ старыми драгунскими полками въ гарнизоны городовъ, и какъ тѣ, такъ и другіе, постепенно уменьшаясь въ числѣ, были замѣнены регулярными драгунскими полками, и названіе рейтаровъ исчезаетъ изъ списковъ русской арміи.

Послѣдній разрядъ русской конницы составляли казаки Донскіе, Яицкіе, Волжскіе и Терскіе, о которыхъ мы имѣемъ въ виду говорить ниже.

Съ присоединеніемъ Малороссіи и возвращеніемъ многихъ областей отъ Литвы въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ нашихъ войскахъ появились полки черкасовъ или малороссіянъ, имѣвшихъ свой судъ и свою управу и составлявшихъ отдѣльное союзное войско подъ управленіемъ своихъ начальниковъ; а также стали появляться литва — люди литовскаго списка и смоленская шляхта, которые уже составляли особыя разрядъ русской конницы.

Во время царей, исключая иноземныхъ наемныхъ тѣлохранителей, стрѣльцовъ и царскихъ конныхъ другихъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ болѣе или менѣе однообразно, въ одеждѣ и вооруженіи прочихъ войскъ не было никакого однообразія. Простые воины носили большею частью тегиляи, толстые стеганые кафтаны, желѣзныя шапки, копья, сулицы и рогатины; а бѣднѣйшіе изъ нихъ являлись на

[1]) Кн. Голицынъ. Русск. воен. истор. Ч. II, стр. 438.

службу только съ саадакомъ и саблей или даже съ одной саблей. - Низшіе военачальники, дворяне и дѣти боярскіе носили панцырь, кольчугу и бахтерецъ, шеломы, колпаки, шишаки и мисюрки, рѣдко колонтарь, юшманъ, куякъ [1]) и шапки турскую и мѣдную. Воеводы же и знатнѣйшіе люди и сановники носили полный доспѣхъ, именно: двойной панцырь или зерцало съ панцыремъ, наручи, рукавицы, наколѣнки, поножи или бутурлуки, ерихонки, тѣ и другія багато изукрашенные золотомъ, серебромъ и даже драгоцѣнными каменьями. Вообще въ это время всякій, кто только могъ, носилъ на себѣ нѣсколько родовъ оружія и вооруженій изъ азіятской роскоши болѣе, нежели изъ дѣйствительной пользы обременяя себя ими, и весьма часто случалось, что тяжелыя вооруженія и оружія перевозились, какъ и прежде за войскомъ на повозкахъ или по рѣкамъ на судахъ.

Конные стрѣльцы (стремянные) были вооружены длинными самопалами и саадаками.

Ручное огнестрѣльное оружіе въ конницѣ ополченій т. е., дворянъ и дѣтей боярскихъ почти не было въ употребленіи.

Одежда нѣмецкихъ рейтарскихъ и драгунскихъ полковъ въ Россіи были тѣже самыя какъ и въ Германіи.

Вооруженіе рейтаровъ состояло изъ шишаковъ, латъ, шпаги, мушкета, а позже карабина и пистолета. Русскіе рейтарскіе полки до Алексѣя Михайловича не имѣли присвоенной одежды, но получали только оружіе, одинаковое съ иностранцами, и обязаны были умѣть владѣть огнестрѣльнымъ снарядомъ, а равно знать всѣ хитрости нѣмецкаго строя. Драгуны были вооружены шпагами, мушкетами, бердышами или топорами и короткими пиками, имѣли шишаки и латы и службу несли двоякую: пѣшую и конную, имѣя въ первомъ случаѣ большія, какъ въ пѣхотѣ, а во второмъ малыя знамена.

При Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣ него до самаго 1689 г. включительно, разные регулярные полки иноземнаго строя: солдатскіе, рейтарскіе и драгунскіе, а также гусарскіе и казачьи шквадроны или эскадроны, носили вообще одежду прежнихъ временъ, но не однообразную, а разнообразную по полкамъ, только установленнаго покроя, что называлось служилымъ платьемъ [2]). Принадлежностями къ ручному огнестрѣльному оружію были: берендейки деревянныя, обтянутыя кожей, патронныя гильзы, подвѣшенныя на ремешкахъ къ нижней части ременной портупеи черезъ плечо (число гильзъ доходило до 12); рогъ или иногда натруска для пороха, небольшая сумка для фитиля, пуль и проч. мелочей, лядунка для

[1]) Брони или доспѣхи имѣли два главныя вида: 1) кольчатые: панцырь, кольчуга и байдона и 2) досчатые металлическіе: бахтерецъ, колонтарь, юшмань, куякъ, зерцало, латы и кирасъ. Принадлежностями брони или доспѣха были бармицы, зарукавья, наколѣнки, наручи, рукавицы и поножи или бутурлуки, прикрывавшіе плечи, руки и ноги.

[2]) Кн. Голицынъ. Русск. воен. истор. Ч. 2, стр. 470.

„Історія
М. М

...порожскій казакъ и конный стрѣлецъ.

Источники: „Исторія Малор
сіи“ Бантышъ-Каменскаго, альб
Императорской Академіи Х
жествъ, картины Коссака и

патроновъ, ночники для зажженія фитиля. ольстры т. е., чахлы или кобуры для пищалей или для пистолетовъ и проч. [1]).

Въ концѣ описываемаго періода въ числѣ царскихъ войскъ являются впервые гусары. Бородинъ говоритъ, что названіе гусаръ первый разъ встрѣчается въ 1688 году. Въ наказѣ высильщиковъ новгородскаго полка, говоритъ онъ, мы находимъ „ратныхъ людей", гусаръ, копейщиковъ и рейтаровъ [2]). Но судя по разсказу стольника и намѣстника Переславскаго Чемоданова, ѣздившаго посланникомъ въ Венецію въ 1657 году, видно, что гусары существовали уже при Алексѣѣ Михайловичѣ и, вѣроятно, состояли изъ наемныхъ польскихъ копейщиковъ, или по ихъ примѣру были устроены. Разсказъ Чемоданова достаточно знакомитъ съ устройствомъ и вооруженіемъ войскъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, а потому мы выписываемъ его цѣликомъ.

„У Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества, противъ его государевыхъ недруговъ, рать собирается многая и несчетная, и строенье многое, различными ученьи и строеньемъ. Перво устроены многія тысячи копейныхъ ротъ гусарскаго строю, а иныя многія тысячи устроены конныя съ огненнымъ боемъ, рейтарскаго строю; а иныя многія тысячи устроены драгунскимъ строемъ съ большими мушкеты; а иныя многія тысячи устроены солдатскимъ строемъ. И надъ тѣми надо всѣми устроены начальные люди: генералы и полковники, и подполковники, и маіоры и всякіе начальные люди по чинамъ. А низовая сила, Казанская, Астраханская и Сибирская, и иныхъ многихъ государствъ Его Царскаго Величества, сбирается многая, несчетная рать; бьются конныя лучнымъ боемъ. А большаго и меньшаго Ногаю Татарове и Башкирцы и Калмыки бьются лучнымъ же боемъ. А стрѣльцовъ Московскихъ устроено въ Москвѣ сорокъ тысячъ, опричь городовыхъ; а бои у нихъ солдатскаго строенья. А Донскіе и Терскіе и Яицкіе казаки бьются огненнымъ боемъ; а Запорожскіе Черкасы бьются лучнымъ и огненнымъ боемъ. Государевыхъ городовъ дворяне и дѣти боярскія, и всякихъ чиновъ люди, тѣ бьются разными обычаи: лучнымъ и огненнымъ боемъ, и кто къ которому бою навыченъ. А Его Царскаго Величества полку спальники, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе и жильцы: тѣ бьются своимъ обычаемъ; только у нихъ бою, что подъ ними аргамаки рѣзвы, да сабли у нихъ остры: на которое мѣсто не пріѣдутъ, никакіе полки противъ нихъ не стоятъ. То у Великаго Государя нашего и строенье" [3]).

Снаряженіе нашей конницы состояло изъ сѣделъ и уздечекъ, кромѣ рейтарскихъ и драгунскихъ полковъ вѣденія иноземнаго приказа. Нѣмцы занесли съ собою во времена междуцарствія нѣмецкія сѣдла и мундштуки.

[1]) Тамъ же, стр. 445.
[2]) Воен. энцикл. лексик. Т. VI, стр. 553.
[3]) Заимствовано въ воен. энцикл. лексик. Т. II, стр. 543.

Въ русской конницѣ употреблялись сѣдла татарскія, высокія, съ короткими стременами, отчего всадники могли удобно поворачиваться на нихъ во всѣ стороны, но сидѣли очень нетвердо и легко могли быть сбиваемы съ лошадей [1]).

Лошади, употреблявшіяся въ то время русскою конницею подъ верхъ, были большею частью татарской, ногайской породы. Онѣ были средняго роста, легкія, очень дикія, пугались пальбы, были пріучены къ подножному корму, не ѣли, какъ пишетъ кн. Голицынъ [2]), овса и могли скакать 7—8 часовъ безъ остановки. Были въ употребленіи кавказскія лошади, красивыя, но уступавшія татарскимъ въ выносливости и легкости; много было лошадей турецкихъ, польскихъ и русскихъ, малорослыхъ, но добрыхъ и крѣпкихъ. Особенно въ модѣ была масть вороно-пѣгая.

„Съ нашествіемъ монголовъ", пишетъ Мердеръ [3]), „почти вездѣ въ Россіи мѣстныя породы лошадей истреблены въ войнахъ съ ними, только въ Новгородѣ и въ тѣхъ сѣверныхъ областяхъ, которыхъ не коснулось монгольское иго, сохранились мѣстныя лошадиныя породы. Монголы, покоривъ Россію, привели съ собою огромные табуны лошадей, которыя были изъ породъ персидской, арабской и вообще изъ всѣхъ тѣхъ породъ, которыя существовали внутри Азіи. При кочевой и безпечной жизни татаръ, конскіе табуны ихъ оставались безъ присмотра, и случка происходила въ табунахъ какъ попало, по произволу. Послѣдствіемъ смѣшенія различныхъ конскихъ породъ въ татарскихъ табунахъ было происхожденіе лошадей различнаго роста, масти и статей, лошадей, способныхъ вслѣдствіе воспитанія переносить всякія трудности и питаться мерзлымъ подножнымъ кормомъ. Правда, въ ханскихъ табунахъ распложались отборныя лошади для сѣдла хана, но все-таки это не означало еще того, что у татаръ было какое нибудь правильное коневодство. Дѣйствительно въ началѣ XVII столѣтія, когда лошадь сдѣлалась для татаръ важнымъ предметомъ торговли, когда эта торговля стала приносить имъ значительныя выгоды, когда значительное количество ихъ лошадей поступало въ конюшни русскихъ царей и бояръ, они обратили особенное вниманіе на коневодство: стали сортировать ихъ и употреблять къ улучшенію ихъ различныя мѣры. Этихъ улучшенныхъ татарскихъ породъ лошади и распространялись въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ".

Не смотря на то, что вся торговля лошадьми была въ рукахъ татаръ, нѣтъ сомнѣнія, что коневодство и коннозаводство въ Россіи послѣ Дмитрія Донскаго получило большое развитіе, особенно со времени Іоанна III, при которомъ окончательно было свергнуто татарское иго. Дворяне и дѣти боярскія, владѣя наслѣд-

---

[1]) Кн. Голицынъ. Всеобщ. воен. истор. сред. времен. Ч. 3. стр. 91.
[2]) Всеобщ. воен. истор. сред. времен. Ч. 3. стр. 91.
[3]) Истор. очеркъ русскаго коневодства и коннозаводства, стр. 34.

ственно или пожизненно своими вотчинами, обязаны были выходить сами въ случаѣ требованія на войну конные и съ извѣстнымъ числомъ людей также конныхъ. Мы уже говорили до какой огромной цыфры доходила конница, выставляемая поземельными владѣльцами. „Это обстоятельство вызывало необходимость къ заведенію конскихъ заводовъ въ обширныхъ боярскихъ помѣстьяхъ, съ цѣлью разведенія лошадей для требуемаго по обязательству числа всадниковъ и для самихъ бояръ, и для ихъ семействъ. Тѣмъ болѣе, что въ то время бояре любили уже роскошь и старались жить, подражая придворной обстановкѣ царя Іоанна“ [1]).

Въ монастырскихъ помѣстьяхъ сохранились конные заводы еще со временъ монгольскаго ига, такъ какъ монастырскія имущества были ограждены отъ набѣговъ ханскими ярлыками. Заводы эти, по словамъ Мердера, по устройству своему были лучше конскихъ заводовъ въ боярскихъ помѣстьяхъ.

Ко времени Іоанна III относится и начало нашего государственнаго коннозаводства. Извѣстно, что въ концѣ XV столѣтія основанъ былъ первый государственный заводъ подъ Москвою въ Хорошовѣ. Но такъ какъ одного этого завода было недостаточно для покрытія нуждъ двора, то, надо полагать, пишетъ Мердеръ, что были еще и другіе конные заводы.

При Іоаннѣ Грозномъ и сынѣ его Ѳеодорѣ Іоанновичѣ существовали цѣлыя конюшенныя слободы. „Очевидно“, говоритъ Мердеръ, „что слободы эти были ничто другое, какъ государственные конскіе заводы. Съ нихъ правительство получало, какъ извѣстно, громадный доходъ“. „Заводы эти наполнялись лошадьми отнятыми у татаръ, или черезъ покупку, или же отнятыми у нихъ во время войны. Менѣе всего поступало лошадей на эти заводы изъ западныхъ и европейскихъ государствъ. Извѣстно, не болѣе двухъ случаевъ пріобрѣтенія лошадей изъ государствъ западно-европейскихъ; такъ въ царствованіе Іоанна III правитель Швеціи Стенъ-Стуръ прислалъ царю съ племянникомъ своимъ Арбономъ въ подарокъ жеребца отличной красоты, который назначенъ былъ Іоанномъ въ заводъ. Послѣ сего въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, австрійскій императоръ Рудольфъ прислалъ царю и правителю Борису Годунову въ подарокъ нѣсколько жеребцовъ, которые тоже назначены на государственный заводъ. Между тѣмъ лошади отъ татаръ пріобрѣтались въ одинъ разъ тысячами головъ. Въ половинѣ XVI столѣтія одна славная побѣда Шереметева надъ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ доставила около 60 тысячъ лошадей, въ томъ числѣ болѣе 200 аргамаковъ. Всѣ эти лошади назначены были на государственные конскіе заводы. Кромѣ сего, русскіе цари ежегодно закупали у татаръ около 8 т. лошадей, а царь Алексѣй Михайловичъ посылалъ даже нѣсколько разъ конюшенныхъ людей въ Азію

[1]) Мердеръ, стр. 24.

кн. Голицынъ, въ этомъ отношеніи не было никакой, а существовалъ просто старинный русскій обычай „биться“, по тогдашнему выраженію, „и огненнымъ и лучнымъ боемъ“, бросаясь на непріятеля по „казацкому“, или, правильнѣе сказать, по „татарскому“ обычаю, [1]) нестройною густою толпою и рѣшать дѣло рукопашнымъ боемъ, а въ случаѣ неудачи—скакать назадъ за пѣхоту, или въ обозъ, или и совсѣмъ съ поля боя.

„Меньшинство же конницы—регулярные рейтары и драгуны, хотя и сражались болѣе правильнымъ строемъ и образомъ дѣйствій, но уступавшими тѣмъ, которые употреблялись шведами и даже поляками. Притомъ эта русская регулярная конница въ общемъ составѣ русскаго войска была относительно малочисленна.

Всѣ остальные же роды русской конницы, равно строй и образъ дѣйствій ихъ, были иррегулярные“.

Вообще говоря, ни конница, ни пѣхота, ни артиллерія, взятыя отдѣльно и въ совокупности, не имѣли правильнаго строя и образа движеній въ походѣ и дѣйствій въ бою въ открытомъ полѣ.

Со временъ Іоанна III до временъ Алексѣя Михайловича да и при этомъ государѣ, можно сказать, русскіе войска совершали походныя движенія и дѣйствовали приблизительно одинаково. Впереди шелъ ертоулъ или отрядъ легкой конницы, введенный Іоанномъ III и назначенный развѣдывать о путяхъ и непріятелѣ и обезпечивать главное войско отъ внезапнаго нападенія. За ертоуломъ слѣдовали: передовой полкъ, потомъ большой или главное войско и при немъ нарядъ или артиллерія, затѣмъ тяжести и обозы и наконецъ сторожевой полкъ. Полки правой и лѣвой руки дѣйствовали отдѣльно, иногда на большомъ разстояніи отъ большаго полка. Каждый изъ этихъ большихъ полковъ составлялся изъ нѣсколькихъ десятенъ подъ главнымъ начальствомъ воеводы изъ бояръ, окольничихъ и иногда стольниковъ.

Опредѣленнаго общаго боеваго порядка не было: войско раздѣлялось только на середину и два крыла; особые отряды ставились иногда позади для поддержанія и часто скрытно въ засадѣ или посылались въ обходъ. „Конница строилась впереди пѣхоты, потому что начинала бой, производя, по татарскому обычаю, стремительное нападеніе съ большимъ крикомъ, при звукахъ набатовъ, зурнъ и бубновъ, дѣйствуя на скаку метательнымъ и бѣлымъ оружіемъ, стараясь сломить непріятеля дружнымъ ударомъ или окружить его и подавить превосходствомъ числительной силы. Если первое нападеніе имѣло успѣхъ, то побѣда была рѣшена, и конницѣ оставалось только преслѣдовать. Но если непріятель стойко выдерживалъ первое нападеніе, то русская конница приходила въ безпорядокъ и бросалась назадъ за пѣхоту.

[1]) Потому что и у казаковъ малороссійскихъ были свои строи, и лавой, и батовой и пр.

Пѣхота, устроившись подъ защитою мѣстныхъ или искусственныхъ препятствій или, такъ называемаго, гуляя, деревяннаго городка, возимаго на подводахъ, принимала на себя удары противника и, при содѣйствіи артиллеріи, сражалась съ замѣчательнымъ упорствомъ и храбростью. А между тѣмъ воеводы собирали конницу и снова вводили ее въ бой. Такимъ образомъ успѣхъ боя зависѣлъ отъ перваго нападенія конницы и отъ послѣдующихъ оборонительныхъ дѣйствій пѣхоты и артиллеріи; иногда отъ обходныхъ движеній или внезапныхъ нападеній изъ засадъ. Одержавъ побѣду, русскія войска преслѣдовали непріятеля, но слабо, потому что заботились болѣе о разграбленіи его обозовъ, убитыхъ и раненыхъ, а въ непріятельской странѣ, сверхъ того, о разореніи ея [1]).

О боевомъ употребленіи у насъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, пишетъ кн. Голицынъ, не имѣется достаточныхъ свѣденій. Но изъ значительнаго развитія у насъ оборонительнаго вооруженія и ручнаго холоднаго оружія въ XVII вѣкѣ, какъ и прежде, можно съ вѣроятностью заключить, что ручное огнестрѣльное оружіе уступало имъ и не имѣло первенствующаго значенія. Неизвѣстно также, обучались ли войска въ мирное время стрѣльбѣ въ цѣль. Имѣются только нѣкоторыя указанія, что въ XVII вѣкѣ бывали иногда въ Москвѣ испытанія иноземныхъ офицеровъ въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ мушкетовъ. Но испытанія эти невсегда были удовлетворительны, какъ равно и результаты дѣйствительности ружейнаго огня въ бою. По свидѣтельству Посошкова, они были ниже посредственности, между тѣмъ какъ Петрей утверждаетъ напротивъ, будто русскіе уже въ началѣ XVII вѣка пріобрѣли такой навыкъ и такое искусство въ стрѣльбѣ изъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, что не уступали въ томъ наемнымъ иностранцамъ, что не совсѣмъ вѣроятно, а если и справедливо, то немного еще значитъ, потому что и наемные иноземцы не могли, кажется, похвалиться особенными въ этомъ навыкомъ и искусствомъ.

Скажемъ теперь еще нѣсколько словъ о содержаніи сторожевой службы нашею конницею, образовавшеюся изъ засѣчной стражи, о которой мы упоминали во 2-й части нашей исторіи. [2]) Русскіе государи, находя необходимымъ защищать южные предѣлы Россіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, завели въ нынѣшнихъ губерніяхъ Курской и Воронежской нѣсколько станицъ военнаго поселенія. Эти поселенія и должны были содержать сторожи или заставы. Первоначально въ нихъ служили пограничные казаки, бывшіе на однихъ правахъ съ стрѣльцами, а также наемные татары и др. инородцы, бывшіе ихъ данниками. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ дозволилъ бѣглымъ и вольнымъ холопамъ и другимъ людямъ, въ чемъ нибудь провинившимся, также селиться за, такъ называемою, Бѣлгородскою чертою.

---

[1]) Заимствовано у кн. Голицына.

[2]) Глава 14.

кн. Голицынъ, въ этомъ отношенiи не было никакой, а существовалъ просто старинный русскiй обычай „биться“, по тогдашнему выраженiю, „и огненнымъ и лучнымъ боемъ“, бросаясь на непрiятеля по „казацкому“, или, правильнѣе сказать, по „татарскому“ обычаю, [1]) нестройною густою толпою и рѣшать дѣло рукопашнымъ боемъ, а въ случаѣ неудачи—скакать назадъ за пѣхоту, или въ обозъ, или и совсѣмъ съ поля боя.

„Меньшинство же конницы—регулярные рейтары и драгуны, хотя и сражались болѣе правильнымъ строемъ и образомъ дѣйствiй, но уступавшими тѣмъ, которые употреблялись шведами и даже поляками. Притомъ эта русская регулярная конница въ общемъ составѣ русскаго войска была относительно малочисленна.

Всѣ остальные же роды русской конницы, равно строй и образъ дѣйствiй ихъ, были иррегулярные“.

Вообще говоря, ни конница, ни пѣхота, ни артиллерiя, взятыя отдѣльно и въ совокупности, не имѣли правильнаго строя и образа движенiй въ походѣ и дѣйствiй въ бою въ открытомъ полѣ.

Со временъ Iоанна III до временъ Алексѣя Михайловича да и при этомъ государѣ, можно сказать, русскiе войска совершали походныя движенiя и дѣйствовали приблизительно одинаково. Впереди шелъ ертоулъ или отрядъ легкой конницы, введенный Iоанномъ III и назначенный развѣдывать о путяхъ и непрiятелѣ и обезпечивать главное войско отъ внезапнаго нападенiя. За ертоуломъ слѣдовали: передовой полкъ, потомъ большой или главное войско и при немъ нарядъ или артиллерiя, затѣмъ тяжести и обозы и наконецъ сторожевой полкъ. Полки правой и лѣвой руки дѣйствовали отдѣльно, иногда на большомъ разстоянiи отъ большаго полка. Каждый изъ этихъ большихъ полковъ составлялся изъ нѣсколькихъ десятенъ подъ главнымъ начальствомъ воеводы изъ бояръ, окольничихъ и иногда стольниковъ.

Опредѣленнаго общаго боеваго порядка не было: войско раздѣлялось только на середину и два крыла; особые отряды ставились иногда позади для поддержанiя и часто скрытно въ засадѣ или посылались въ обходъ. „Конница строилась впереди пѣхоты, потому что начинала бой, производя, по татарскому обычаю, стремительное нападенiе съ большимъ крикомъ, при звукахъ набатовъ, зурнъ и бубновъ, дѣйствуя на скаку метательнымъ и бѣлымъ оружiемъ, стараясь сломить непрiятеля дружнымъ ударомъ или окружить его и подавить превосходствомъ численной силы. Если первое нападенiе имѣло успѣхъ, то побѣда была рѣшена, и конницѣ оставалось только преслѣдовать. Но если непрiятель стойко выдерживалъ первое нападенiе, то русская конница приходила въ безпорядокъ и бросалась назадъ за пѣхоту.

[1]) Потому что и у казаковъ малороссiйскихъ были свои строи, и лавой, и батовой и пр.

на службѣ, съ означеніемъ всѣхъ пріѣздовъ на службу, кто сколько дней былъ въ дорогѣ, на какой срокъ явился въ назначенное мѣсто, кто и когда его смѣнилъ и проч.“ [1]).

Мы нарочно остановились на ознакомленіи съ организаціею и веденіемъ сторожевой службы на окраинахъ Россіи, такъ какъ это прямое дѣло конницы. На сколько видно изъ приведенныхъ выдержекъ наказа, при всѣхъ прочихъ посредственныхъ качествахъ тогдашнихъ русскихъ войскъ, служба эта велась строго и весьма разумно.

Глава 8-я.

Казачество. Казаки Донскіе и Днѣпровскіе. Общественный и военный бытъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Степное коневодство. Лошади: калмыцкая, башкирская, донская и украинская. Тактическое устройство и образъ дѣйствій казаковъ въ бою. Пограничная охранительная служба.

Все степное пространство на югѣ Россіи по системамъ Дона и Днѣпра до самыхъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей служило ареною для передвиженій разныхъ кочующихъ народовъ и болѣе мелкихъ обществъ и партій, жившихъ набѣгами на сосѣднія страны и грабежомъ. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ перешли на западъ Европы, какъ напр. половцы, другіе, извѣстные подъ названіемъ торковъ, бродниковъ, берендеевъ и проч. во время нашествія татаръ были истреблены или порабощены, третьи пропали безслѣдно. Когда могущество татаръ начало упадать, на этомъ пространствѣ появляются новыя общества, сгруппировываясь первоначально по преимуществу по системамъ Дона и Днѣпра и по окраинамъ Россіи. Но эти новыя общества основаны были на новыхъ началахъ. Сюда стекались выходцы всевозможныхъ націй, успѣвшіе выказать чѣмъ нибудь свое удальство и съ непремѣннымъ условіемъ исповѣдывать православную вѣру. Послѣднее обстоятельство показываетъ на то, что начало этимъ обществамъ положили русскіе. И дѣйствительно, сюда стали стекаться всѣ люди, а въ числѣ ихъ дворяне и даже бояре, которыхъ единодержавіе Московскихъ государей лишило общественнаго вліянія или свободы дѣйствій, кого за разныя преступленія ожидала кара правосудія, кого манила привольная жизнь независимыхъ обществъ. Сюда шли выходцы изъ Литвы и Польши, спасавшіеся отъ притѣсненій правительства магнатовъ и духовенства; сюда являлись выходцы изъ Германіи, Италіи, Франціи и даже изъ Крыма и Турціи. Такимъ образомъ образовалось казачество. Въ 6-й главѣ мы приводили предположеніе о происхожденіи слова „казакъ“ и тождества его съ

---

[1]) Всеобщая военная исторія сред. временъ, ч. 3, стр. 96.

Всѣ они были освобождены отъ податей, но съ обязанностью защищать окраины отъ набѣговъ. Для этой цѣли каждые 20 дворовъ поселенцевъ выставляли по одному человѣку съ пищалями, топорами и кирками; отъ казны же отпускалось по два фунта пороху и такое же количество свинцу. Особыхъ раздѣленій стража не имѣла; каждый уѣздъ составлялъ отдѣльную часть, и былъ въ вѣденіи засѣчнаго головы. Въ эту должность избирали богатыхъ дворянъ или дѣтей боярскихъ, жившихъ по близости границъ.

Разныя льготы, даваемыя правительствомъ, способствовали увеличенію числа поселенцевъ до того, что при царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ эти поселенія могли выставить до 20 тысячъ конныхъ ратниковъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ число ихъ еще болѣе увеличилось, и въ пограничномъ войскѣ были драгуны, солдаты, копейщики, стрѣльцы, казаки и даже пушкари. При Петрѣ Великомъ изъ этихъ поселенцевъ сформированы были ландмилицкіе полки.

Въ организаціи пограничной службы дѣятельными помощниками Іоанну IV, который особенно обращалъ вниманіе на обезпеченіе окраинъ, были сначала Воротынскій и Тюфякинъ, а потомъ Никита Романовичъ Юрьевъ. Воротынскій, изучая окраины и бытъ пограничныхъ станичниковъ, выработалъ особый наказъ или уставъ для отправленія сторожевой службы.

Служба отбывалась станицами по очереди съ 15 апрѣля по 15 ноября, пока не выпадетъ снѣгъ, а если не выпадетъ, то продолжали посылать по 2 станицы на мѣсяцъ. Лѣтомъ выжигали степи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вѣроятнѣе движеніе крымскихъ татаръ, чтобы лишить ихъ подножнаго корма и возможности скрываться въ густой и высокой травѣ. Сторожи, по два человѣка, должны были постоянно ѣздить направо и налѣво по урочищамъ и не должны были слезать съ лошадей; шалашей не дѣлать; ежели нужно сварить кашу, то не раскладывать огня по два раза на одномъ и томъ же мѣстѣ; на ночь перемѣнять мѣста; въ лѣсахъ не стоять, а на открытыхъ мѣстахъ, чтобы удобнѣе слѣдить за противникомъ. Если его замѣтятъ, то немедленно посылать кратчайшимъ путемъ на сосѣдніе сторожи и въ города, но самимъ не оставлять своихъ мѣстъ и продолжать досматривать.

Не узнавши обстоятельно и не видѣвши самолично непріятеля, съ ложными вѣстями не ѣздить. Кто оставитъ свое мѣсто, не дождавшись смѣны, а непріятель прорвется, то таковыхъ казнить смертью. Ежели будетъ замѣчено, что сторожи стоятъ небрежно, или не доѣзжаютъ до указанныхъ мѣстъ, хотя бы непріятель и не ожидался, то таковыхъ бить кнутомъ.

Строго наблюдать, чтобы сторожи посылались о двуконь, на хорошихъ лошадяхъ.

„При Никитѣ Романовичѣ Юрьевѣ съ 1577 года“, пишетъ кн. Голицынъ, „станичная служба была еще болѣе развита и точнѣе опредѣлена, станичнымъ боярскимъ дѣтямъ назначено жалованье, ежегодно въ разряды доставлялись подробныя росписанія всѣмъ станицамъ и сторожамъ, бывшимъ въ продолженіе года

на службѣ, съ означеніемъ всѣхъ пріѣздовъ на службу, кто сколько дней былъ въ дорогѣ, на какой срокъ явился въ назначенное мѣсто, кто и когда его смѣнилъ и проч.“ [1]).

Мы нарочно остановились на ознакомленіи съ организаціею и веденіемъ сторожевой службы на окраинахъ Россіи, такъ какъ это прямое дѣло конницы. На сколько видно изъ приведенныхъ выдержекъ наказа, при всѣхъ прочихъ посредственныхъ качествахъ тогдашнихъ русскихъ войскъ, служба эта велась строго и весьма разумно.

Глава 8-я.

Казачество. Казаки Донскіе и Днѣпровскіе. Общественный и военный бытъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Степное коневодство. Лошади: калмыцкая, башкирская, донская и украинская. Тактическое устройство и образъ дѣйствій казаковъ въ бою. Пограничная охранительная служба.

Все степное пространство на югѣ Россіи по системамъ Дона и Днѣпра до самыхъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей служило ареною для передвиженій разныхъ кочующихъ народовъ и болѣе мелкихъ обществъ и партій, жившихъ набѣгами на сосѣднія страны и грабежомъ. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ перешли на западъ Европы, какъ напр. половцы, другіе, извѣстные подъ названіемъ торковъ, бродниковъ, берендеевъ и проч. во время нашествія татаръ были истреблены или порабощены, третьи пропали безслѣдно. Когда могущество татаръ начало упадать, на этомъ пространствѣ появляются новыя общества, сгруппировываясь первоначально по преимуществу по системамъ Дона и Днѣпра и по окраинамъ России. Но эти новыя общества основаны были на новыхъ началахъ. Сюда стекались выходцы всевозможныхъ націй, успѣвшіе выказать чѣмъ нибудь свое удальство и съ непремѣннымъ условіемъ исповѣдывать православную вѣру. Послѣднее обстоятельство показываетъ на то, что начало этимъ обществамъ положили русскіе. И дѣйствительно, сюда стали стекаться всѣ люди, а въ числѣ ихъ дворяне и даже бояре, которыхъ единодержавіе Московскихъ государей лишило общественнаго вліянія или свободы дѣйствій, кого за разныя преступленія ожидала кара правосудія, кого манила привольная жизнь независимыхъ обществъ. Сюда шли выходцы изъ Литвы и Польши, спасавшіеся отъ притѣсненій правительства магнатовъ и духовенства; сюда являлись выходцы изъ Германіи, Италіи, Франціи и даже изъ Крыма и Турціи. Такимъ образомъ образовалось казачество. Въ 6-й главѣ мы приводили предположеніе о происхожденіи слова „казакъ“ и тождества его съ

---

[1]) Всеобщая военная исторія сред. временъ, ч. 3, стр. 96.

словомъ „гусаръ“. Приведемъ замѣчаніе на этотъ счетъ Костомарова. „Слово казакъ“, пишетъ Костомаровъ [1]) перешло къ намъ отъ татаръ и заимствовано изъ турецкаго джагатайскаго нарѣчія. Казъ значитъ гусь-эмблема вольности у восточныхъ народовъ. Самое слово гусаръ, которое дано въ первый разъ въ Россіи 1727 года переселенцамъ изъ Сербіи, значитъ гусаръ, гусь-самецъ, на словацкомъ husar, на сербскомъ hussar, gussor, на чешскомъ hauser, husak, на польскомъ gensior, и т. д., венгерско-славянское гуса, гусаръ—значитъ свободный всадникъ“. Другіе производятъ слово казакъ отъ кассоговъ, древняго кавказскаго народа, отъ Касахіи, закавказской области, упоминаемой Константиномъ Богрянороднымъ и т. п. Но всѣ эти предположенія не утвердили достовѣрности происхожденія слова казакъ, хотя и нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что оно происхожденія восточнаго, азіятскаго.

Первый разъ въ лѣтописяхъ нашей исторіи упоминаются казаки рязанскіе въ 1444 году. Эти казаки, какъ и прочіе городовые, селившіеся станицами по окраинамъ Россіи, были на одинаковыхъ правахъ съ стрѣльцами и составляли пограничную и засѣчную стражу, обязанную охранять границы наши отъ набѣговъ татаръ, а впослѣдствіи и отъ вольныхъ какаковъ, какъ объ этомъ было уже оговорено въ концѣ предыдущей главы. Вольное или степное казачество образовало первоначально двѣ главныя группы: казачество донское и казачество днѣпровское.

О Донскихъ казакакъ первый разъ упоминается въ 1549 году въ жалобѣ Ногайскаго мурзы Юсуфа русскому царю Іоанну IV, изъ которой видно, что казаки на Дону укрѣпились городками въ трехъ или четырехъ мѣстахъ и открыли свои дѣйствія противъ ногаевъ. Вскорѣ подобныя жалобы послѣдовали отъ крымцевъ и азовцевъ. Черезъ два года казаки стѣснили Азовъ и начали наносить вредъ турецкому султану.

Вскорѣ разнеслась молва о привольной жизни этого общества. Изъ внутреннихъ городовъ русскихъ, изъ Польши и жилищъ казаковъ запорожскихъ начали стекаться охотники, искавшіе жизни независимой, дѣлить опасности войны. Съ этого времени исторія донскихъ казаковъ представляетъ непрерывный рядъ дѣйствій ихъ на югѣ, которыхъ общность составляетъ почти цѣлое, имѣющее свои эпохи.

Число казаковъ увеличивалось новыми пришельцами безпрерывно. „Видя себя усиленными, они уже неограничивались дѣйствіями въ занятомъ имъ на Дону пространствѣ, а начали отдѣлять отъ себя дружины всюду, гдѣ надѣялись пріобрѣсти богатую добычу. По Волгѣ и за Волгою бродили еще остатки разныхъ ордъ; въ эти то мѣста стекались казаки и образовали здѣсь общество Волжскихъ казаковъ. Одна дружина ихъ, съ атаманомъ Нечаемъ, устремилась къ востоку отъ Каспій-

[1]) Воен. энц. лексик. Т. V, стр. 550.

скаго моря, разграбила жившихъ тамъ ногайцевъ, разорила ихъ столицу Сарайчикъ, основалась постоянно на рѣкѣ Яикѣ (1584) и впослѣдствіи составила Яицкое, нынѣ Уральское казачье войско. Другая, съ атаманомъ Андреемъ, подвигаясь по западному берегу Каспійскаго моря, остановилась на Терекѣ и образовало Терское казачье войско. Третья, съ Ермакомъ направилась въ Сибирь и послужила началомъ Сибирскихъ казаковъ. Все это совершилось въ самое короткое время, и не по распоряженіямъ правительства, а по внутреннему, безотчетному сознанію въ своихъ силахъ“ [1]).

Донскіе казаки вели жизнь болѣе кочевую, чѣмъ осѣдлую; земледѣліемъ они почти не занимались и, предпочитая набѣги домашнему спокойствію, проводили жизнь подъ открытымъ небомъ; только по правому берегу Дона, отъ устья Хопра до р. Аксая, были разбросаны казачьи городки. Они состояли изъ землянокъ, обнесенныхъ плетнемъ съ присыпнымъ валомъ и служили слабою оградою отъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей. Казаки мало заботились о красотѣ и удобствѣ своихъ жилищъ и, при нападеніи непріятеля, оставляли ихъ безъ сожалѣнія. Раздоры были первымъ городкомъ и главнымъ по управленію, Новочеркаскъ возникъ уже впослѣдствіи.

Казаки не вели жизнь совершенно безбрачную, какъ запорожцы. Изъ позволенія, даннаго донскимъ казакамъ еще царемъ Іоанномъ IV, ѣздить безпрепятственно во всѣ города Россіи для свиданія съ родными, явствуетъ, что донцы съ самаго появленія своего были связаны съ Россіею не только происхожденіемъ, но и частными родственными отношеніями; но, ведя вѣчную войну, они большую убыль въ людяхъ должны были пополнять новыми пришлецами.

Нравственность казаковъ имѣла много странностей. Они были очень набожны. Лучшую часть добычи отдѣляли на украшеніе монастырей и на содержаніе въ нихъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ своихъ товарищей. Между собою они были вообще очень дружны, гнушались воровствомъ у своихъ; но грабежъ на сторонѣ, особенно у непріятелей, былъ для нихъ вещью обыкновенною. Трусовъ не терпѣли, считая главною добродѣтелью храбрость.

Дѣла свои казаки рѣшали общимъ совѣтомъ. Для этого собирались они въ, такъ называемый, войсковой кругъ. Большинствомъ голосовъ рѣшалось обыкновенно всякое предложеніе атамана, который лично не имѣлъ особенной власти, но былъ только блюстителемъ порядка. Предметы разсужденій на кругу была немногосложны: идти на войну, или нѣтъ, раздѣлить добычу, наказать измѣнника или труса. Въ случаѣ рѣшенія идти въ походъ или на море, дальнѣйшіе распорядки относительно самаго похода и управленіе дѣйствіями были предоставляемы походнымъ атаманомъ. Отправляясь на поиски, казаки не брали съ собою ничего, кромѣ

[1]) Заимствовано у В. М. Аничкова. Воен. энцик. лексик. Т. VI, стр. 374.

небольшаго количества сухарей; хмѣльные напитки запрещены были подъ смертною казнью.

Одежда казаковъ была весьма проста и состояла изъ суконнаго или даже сермяжнаго кафтана, широкихъ штановъ и мѣховой шапки. Оружіе состояло изъ пищалей, пикъ и сабель, но у нихъ была также своя артиллерія изъ легкихъ пушекъ. Порохъ и свинецъ они получали большею частью въ даръ отъ русскихъ государей.

Днѣпровскіе казаки.

Днѣпровскіе казаки дѣлились на двѣ часси: на Запорожскую сѣчь (вѣроятно отъ засѣкъ или тычинъ, которыми окружены были жилища или курени) [1] и на хутора или зимовники. Въ сѣчѣ находились только холостые казаки, занимавшіеся преимущественно войною, а въ хуторахъ обитали казаки семейные, извѣстные также подъ именемъ Украинскихъ или Малороссійскихъ. Историческое и политическое появленіе днѣпровскихъ казаковъ вообще въ видѣ войска, несущаго службу и уже образованнаго въ правильную общину, начинается по присоединеніи Малороссіи къ Польшѣ, со времени Сигизмунда I, т. е., вь началѣ XVI столѣтія. Тогда только лѣтописцы польскіе со вниманіемъ начинаютъ говорить объ островитянахъ, запорожцахъ собственно, не различая отъ нихъ казаковъ малороссійскихъ; впрочемъ исторія тѣхъ и другихъ такъ тѣсно связана, что трудно говорить о запорожцахъ отдѣльно.

Основнымъ закономъ соединенія Малороссіи съ Польшею (1386) объявлено равенство гражданскихъ и религіозныхъ правъ; такъ какъ русскій народъ соединился съ польскимъ какъ равный съ равнымъ и вольный съ вольнымъ. Тогда же были учреждены три гетмана: коронный польскій, литовскій и русскій, т. е., малороссійскій. Но гетманы малороссійскіе были только военачальниками, а не правителями края, который имѣлъ особыхъ королевскихъ намѣстниковъ изъ потомковъ Св. Владиміра. Казиміръ IV, опасаясь вліянія одного изъ нихъ, именно Симеона Олельковича, на народъ, послѣ смерти его въ 1471 году поставилъ въ Кіевѣ уже не князя, а воеводу.

Какъ подданные польскаго короля, малороссійскіе казаки мужественно участвовали во всѣхъ войнахъ государей Польши противъ Тевтонскаго ордена, противъ Россіи и Турціи. Однако-же, не смотря ни на какія заслуги эти, ни на граматы и привиллегіи королей, поляки неоднократно управляли Малороссіею единственно по своей волѣ. Православная вѣра, объявленная свободною, нерѣдко подвергалась угнетенію отъ католическаго духовенства; самолюбіе народное было оскорблено назначеніемъ воеводъ изъ среды литовцевъ и поляковъ.

[1]) Замѣчаніе Савельева. Воен. энцик. лексик. Т. V, стр. 558.

Въ началѣ XVI вѣка первый разъ былъ избранъ въ малороссійскіе гетманы съ правами королевскаго намѣстника Предиславъ Ланцкоронскій. Съ тѣхъ поръ Малороссіею стали управлять гетманы, избранные народомъ изъ среды своей, и весь этотъ періодъ (1500—1592) наполненъ отважными подвигами малороссіянъ. Запорожцы, составляя всегда готовое и жившее войною общество, служили ядромъ воинства гетмановъ; но иногда, руководимые своими атаманами, рѣшались на совершенно независимыя предпріятія. Во времена гетманства Ланцкоронскаго впервые встрѣчается имя законодателя Запорожской Сѣчи и перваго кошеваго атамана ея Евстафія Дашковича.

Въ 1511 году онъ удалился на днѣпровскіе острова и, избранный запорожцами въ кошевые атаманы, раздѣлилъ ихъ на сотни и трехсотенные полки, вооружилъ ихъ однообразно пищалями и саблями, поставилъ надъ ними старшинъ и ввелъ между ними военные подчиненность и порядокъ. Перенесеніе всякихъ трудовъ и лишеній, презрѣніе опасностей и смерти, безусловное повиновеніе начальству, равный дѣлежъ добычи—таковы были свойства, обязанности и права казаковъ при Дашковичѣ.

Стефанъ Баторій, постигая всю важность Малороссіи, одинаково покровительствовалъ католикамъ и православнымъ; при немъ не было споровъ о религіи: свобода совѣсти и ненарушимое сохраненіе правъ Малороссіи привлекли къ нему сердца народа. Это время было цвѣтущимъ вѣкомъ для Польши и послѣднею эпохою ея могущества. „Стефанъ Баторій", пишетъ кн. Голицынъ, [1]) „далъ казакамъ полное войсковое учрежденіе, раздѣлилъ ихъ на 10 полковъ по числу повѣтовъ или округовъ, а полки на сотни, поставилъ надъ ними старшинъ и пожаловалъ предводителю ихъ, Богдану Рожинскому, гетманскіе клейноды: королевское знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла, бунчукъ, булаву и войсковую печать. Всѣхъ днѣпровскихъ казаковъ считалось тогда до 26 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 6000 выборныхъ или регистровыхъ составляли пограничную, а 20 тысячъ внутреннюю стражу. Первые пополнялись послѣдними. Каждый регистровый казакъ имѣлъ лошадь, пищаль и пику, получалъ въ годъ червонецъ жалованья и кожухъ.

Казаки на службѣ судились старшинами въ полкахъ и сотняхъ, а по дѣламъ земскимъ—въ повѣтовыхъ судахъ по литовскому статуту. Старшины состояли изъ генеральныхъ: обознаго, судьи, писаря, есаула и хорунжаго, и изъ полковниковъ, сотниковъ и атамановъ. Сверхъ того, Стефанъ Баторій пожаловалъ казакамъ городъ Трактомировъ на Днѣпрѣ, дозволилъ имъ селиться до самаго Кіева и владѣть на лѣвой сторонѣ Днѣпра Переяславлемъ, Полтавой и Миргородомъ, а для пребыванія гетмана построилъ на р. Сеймѣ городъ, названный по его имени Батуриномъ.

[1]) Русс. воен. истор. Ч. II, стр. 45.

Въ это время малороссійскіе казаки совершенно отдѣлились уже отъ островитянъ или казаковъ запорожскихъ. Живя въ городахъ и селеніяхъ, первые болѣе и болѣе знакомились съ гражданственностью. Послѣдніе же, по прежнему живя на днѣпровскихъ островахъ, ведя безбрачную жизнь и повинуясь своему кошевому атаману, сохранили въ неизмѣнности древніе свои бытъ и свободу, и по прежнему продолжали производить безпрестанные сухопутные и особенно морскіе набѣги на Крымъ и Турцію, противъ татаръ и турокъ, хотя и находились подъ общею съ малороссійскими казаками властью гетмана и вмѣстѣ съ ними участвовали въ войнахъ Польши съ татарами и турками. Безпрестанныя вторженія татаръ въ Польшу, въ отмщеніе за набѣги казаковъ, были причиной строгихъ мѣръ Сигизмунда III въ отношеніи къ малороссійскимъ казакамъ. Сигизмундъ подчинилъ какъ малороссійскихъ, такъ и запорожскихъ казаковъ власти польскаго коронного гетмана, обязалъ ихъ клятвою, что они безъ вѣдома, согласія или приказанія послѣдняго не будутъ самовольно производить набѣги на татаръ и турокъ, никого принимать въ сотоварищество и привозить добычи, подъ смертною казнью, назначенною и тѣмъ, которые стали бы продавать имъ военные запасы и пр." Но этимъ не ограничилось. Подъ вліяніемъ іезуитовъ, Сигизмундъ, изъ безразсудной приверженности къ католицизму, лишившійся своего родоваго наслѣдія, шведскаго королевства, началъ вводить въ Малороссіи унію. Это наконецъ вывело малороссіянъ изъ терпѣнія и породило рядъ казацкихъ войнъ, потрясшихъ Польшу, и наконецъ, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ римской церкви, заставило малороссіянъ соединиться съ родными братьями своими великороссіянами.

Много невзгодъ въ теченіе этихъ войнъ вынесла Малороссія, много героизму выказали казаки и ихъ гетманы, изъ которыхъ многіе погибли мученическою смертью. „Русскіе депутаты", пишетъ Георгій Кониссkій, „были отлучены навсегда отъ сейма народнаго, и рыцарство отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ; староства, деревни отобраны отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ русскихъ. Рыцарство русское названо хлопами, а народъ, отвергавшій унію, схизматиками; города и селенія заняты польскими войсками; грабительство и насильства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Церкви православныя силою обращены въ унію или отданы жидамъ въ аренду, и за исполненіе церковныхъ требъ положена денежная плата".

Король Владиславъ, наслѣдовавшій Сигизмунду и не сочувствовавшій этимъ гоненіямъ, но не могшій ничего сдѣлать противъ рѣшеній сейма, говорилъ Хмѣльницкому: „ты вправѣ употребить противу Чаплинскаго (польскаго правителя Малороссіи) мѣры насильственныя, и для всѣхъ казаковъ, подобныхъ тебѣ, это одно средство избавиться отъ притѣсненій". Какъ бы внявъ этому совѣту, Богданъ Хмѣльницкій удалился въ Никитинъ Рогъ (Никополь), гдѣ была въ то время запорожская сѣчь, собралъ около себя 3000 удальцевъ, которые, скучая миромъ,

палъ краденое, преслѣдовали жестоко. За неплатежъ долговъ приковывали на площади къ пушкѣ и оставляли должника въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ пока не удовлетворитъ заимодавца. За смерть казака преступнику назначалась смерть. Впослѣдствіи запорожцы часто судились закономъ тѣхъ народовъ, подъ вліяніемъ которыхъ состояли.

Холостая, одинокая жизнь запорожскихъ казаковъ неминуемо должна-бы привести къ разрушенію ихъ братства, если бы они не принимали къ себѣ выходцевъ изъ Украйны, Россіи, Польши, даже французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, турокъ и татаръ. Единственнымъ условіемъ для принятія была православная вѣра; сверхъ того, по свидѣтельству Боплана, жившаго долгое время между запорожцами, принимаемый въ казацкое братство долженъ былъ показать опытъ удальства своего, переплывъ пороги противъ теченія. Иногда запорожцы сами похищали мальчиковъ изъ Малороссіи и Польши, а нерѣдко и женъ и дѣвицъ, которыхъ держали вблизи сѣчи, въ особыхъ хуторахъ: если рождался сынъ, то его бралъ въ свое время къ себѣ отецъ, а дочери оставались при матеряхъ.

Запорожцы прежде всего были превосходные моряки. Морскія предпріятія, какъ самыя прибыльныя они предпочитали всѣмъ прочимъ. Но дѣлали свои дальніе походы и набѣги и на коняхъ; дрались же какъ заставляли обстоятельства. По свидѣтельству современныхъ писателей, „запорожцы тѣлосложенія крѣпкаго, легко переносили холодъ и голодъ, зной и жажду; въ войнѣ неутомимы, отважны, храбры, или лучше сказать, дерзки. Мѣтко стрѣляя изъ пищалей, обыкновеннаго своего оружія, они наиболѣе показывали храбрость и проворство въ таборѣ, огороженномъ телѣгами, или при оборонѣ крѣпостей; сотня ихъ въ таборѣ не побоится ни тысячи ляховъ, ни нѣсколькихъ тысячъ татаръ, говоритъ Бопланъ. Если бы казаки конные имѣли такое же мужество, какъ пѣшіе, то были бы непобѣдимы“.

Мы не будемъ останавливаться на описаніи нравовъ и обычаевъ казачьихъ обществъ, образовавшихся отдѣленіемъ отъ Донскаго или Днѣпровскаго казачества, такъ какъ въ главныхъ чертахъ устройство и способы дѣйствій ихъ въ бою оставались въ томъ же видѣ, какъ у донцовъ и малороссійскихъ казаковъ.

Одежда казаковъ какъ Донскихъ, такъ и Днѣпровскихъ была весьма проста и состояла изъ кафтана, широкихъ шароваръ и высокой мерлушковой шапки. Кафтаны днѣпровскихъ казаковъ дѣлались иногда съ откидными рукавами. Обогатившись добычею, казаки иногда любили пощеголять и украшали свою одежду; но обыкновенно носили одежду простую. Вооруженіе казаковъ состояло изъ пищали, впослѣдствіи изъ мушкета; а иногда даже изъ штуцера, двухъ или 4 пистолетовъ, пики или копья, называвшагося ратищемъ, и сабли. Главное оружіе была пищаль, изъ которой казаки стрѣляли чрезвычайно мѣтко, и въ огнестрѣльномъ бою имѣли преимущество надъ поляками и турками. Оружіе свое они пріобрѣтали изъ Турціи и Швеціи.

Только послѣ вечерней дойки, до разсвѣта кобылѣ дозволяютъ кормить своего жеребенка, который цѣлый день стоитъ на солнцѣ, привязанный на недоуздкѣ къ аркану, безъ корму. Такимъ образомъ онъ проводитъ все лѣто. Въ сентябрѣ обыкновенно кончается эта пытка, и жеребенокъ поступаетъ въ косякъ. Зиму табуны вмѣстѣ съ жеребятами проводятъ на открытомъ воздухѣ въ степи и тебенюютъ, т. е., изъ подъ глубокаго снѣга достаютъ себѣ кормъ копытомъ.

Въ случаѣ чрезмѣрно суровой зимы, нѣкоторые хозяева поддерживаютъ своихъ лошадей сѣномъ, заготовляемымъ въ весьма маломъ количествѣ. Трава показывается весною не раньше конца апрѣля; слѣдовательно жеребенокъ только черезъ годъ послѣ рожденія поступаетъ на хорошій обильный кормъ. Сухаго фуража онъ никогда не видитъ. Владѣльцы ихъ убѣждены въ томъ, что жеребенокъ, который не выдержитъ нѣсколько мѣсяцевъ, будучи привязаннымъ къ аркану на жарѣ безъ корма, безъ движенія и. безъ защиты отъ мухъ, не будетъ въ состояніи выдержать суровости зимы на тебеневкѣ. Разувѣрить ихъ въ этомъ не можетъ никакое разсужденіе. Кобылка поступаетъ въ случку на третьемъ году, жеребчикъ на четвертомъ. Легко можно себѣ вообразить, сколько отъ подобнаго воспитанія гибнетъ лошадей, и какъ не удивляться тому, что при всѣхъ этихъ нуждахъ, испытуемыхъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, описываемыя нами лошади еще имѣютъ такую непомѣрную силу“.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти степныя лошади служили въ свое время разнымъ казачьимъ обществамъ, совершавшимъ свои походы и набѣги черезъ упомянутыя степныя пространства; но, входя въ соприкосновеніе съ персіянами и турками, у которыхъ нерѣдко казаки отбивали цѣлые партіи и табуны лошадей, между которыми попадались и лошади восточной породы—арабскія, персидскія и турецкія, они имѣли возможность своихъ полудикихъ степныхъ лошадей улучшить лошадьми кровными высшей породы. Такимъ образомъ образовались племена Донское и Украинское, а въ нагорныхъ странахъ сѣвернаго Кавказа разныя Черкесскія племена, о которыхъ мы будемъ говорить при описаніи конницы кавказскихъ народовъ.

Теперь постараемся познакомиться въ общихъ чертахъ съ особенностями каждаго изъ перечисленныхъ степныхъ племенъ. О киргизскихъ лошадяхъ мы уже говорили въ предыдущей части исторіи. Скажемъ нѣсколько словъ о калмыцкой и башкирской лошади и потомъ перейдемъ къ описанію донской и украинской.

Калмыцкихъ лошадей раздѣляютъ на двѣ части. Извѣстно, что калмыки выселились изъ Джунгаріи. Часть ихъ на пути къ западу остановилась для кочевокъ въ земляхъ Тунгута и Тибета. другая, продолжая движеніе, осталась кочевать въ горахъ Алтайскихъ и близь границъ Томской и Енисейской губерніи, а третья въ 1630 году заняла степи между Волгою и Ураломъ. Лошади алтайскихъ калмыковъ по причинѣ особенныхъ свойствъ мѣстности и работы, заключавшейся

весьма подвижными ушами; глазъ небольшой, свѣтлый; скучный взглядъ и впалый глазъ, такъ часто замѣчаемый въ простыхъ степныхъ племенахъ, не составляетъ типической черты донской лошади, но кажется именно такимъ тогда, если лошадь слишкомъ заморена. Спереди въ плечахъ донецъ не широкъ, но въ кострецахъ всегда имѣетъ достаточный просторъ. Мышцы сухія и крѣпкія. Длина лошади обыкновенная, но при нѣкоторой степени пашистости (что вознаграждается впрочемъ хорошею связью спины съ задомъ или почкою) лошадь нерѣдко кажется растянутою".

„Изъ сдѣланнаго нами очерка не трудно придти къ общему заключенію, что донскую лошадь слѣдуетъ отнести къ разряду верховыхъ, и никакъ не къ упряжнымъ, ибо для этого не достаетъ въ ней главнаго склада плечъ и строенія конечностей, свойственныхъ упряжнымъ лошадямъ. Она гибка и ловка, потому что, будучи хорошо наѣзжана, дѣлаетъ самые крутые повороты на всемъ скаку; спориста, не требуетъ побужденій при состязаніяхъ и идетъ охотно черезъ препятствія: рвы и изгороди. Махъ ея рѣдокъ, но широкъ. Скорость хорошаго донца на малыхъ разстояніяхъ, конечно меньше, нежели англійскаго скакуна, однако шестиверстныя дистанціи, при вѣсѣ всадника въ 4 пуда, на скачкахъ проходились не разъ въ 9 минутъ (англійскіе скакуны въ 8 м.) На большихъ разстояніяхъ донецъ сносливѣе: на Дону скачутъ по 10, 15 и до 30 верстъ. Шагъ очень хорошъ, до 7 верстъ въ часъ. Сносливость такова, что при хорошемъ сбереженіи служатъ исправно до 20-ти лѣтняго возраста. На кормъ неразборчивы, благодаря суровымъ превратностямъ степной жизни.

Масти донскихъ лошадей бурыя, рыжія, сѣрыя, иногда гнѣдыя, караковыя и весьма рѣдко вороныя, которыхъ вообще мало въ азіатскихъ племенахъ. „Степная лошадь, привыкшая оберегать себя и своихъ жеребятъ отъ нападенія звѣрей, преимущественно въ темныя, южныя ночи, постепенно сдѣлалась чуткою, осторожною—качества, передаваемыя ею въ крови и своему приплоду, вмѣстѣ съ отвагою и смѣлостью. Пугливыя между ними очень рѣдки: донская лошадь подъ казаками идетъ всегда смѣло впередъ и незакидывается ни передъ препятствіемъ, ни передъ выстрѣлами. Понятлива и памятлива отъ природы, что доказывается многими фактами. Характеръ: твердый, ровный и довольно горячій, но недовѣрчивый, по крайней мѣрѣ на первое время. Таковы въ общихъ чертахъ природа и отличательныя свойства степной лошади стараго, первоначальнаго племени на Дону, которое сложилось мало по малу на этомъ театрѣ постоянныхъ войнъ, сложилось безъ сомнѣнія изъ такихъ же разнородныхъ стихій, какъ и самъ казакъ донской, изъ переселенцевъ и выходцевъ со всѣхъ краевъ Россіи и сосѣднихъ мѣстъ".

„Съ начала нынѣшняго столѣтія на Дону мало по малу развилось, рядомъ со старымъ казачьимъ племенемъ, новое улучшенное племя лошадей. Начало ему

Донская лошадь.

„Исторія конницы“
М. Маркова.

Киргизская лошадь.

въ военный регистръ до выслуги положеннаго срока, отчего и произошло названіе регистровыхъ казаковъ. Половина ихъ, конная, содержалась всегда въ полѣ, а другая, пѣшая, составляла въ городахъ гарнизоны; въ случаѣ надобности, послѣдняя помогала коннымъ и комплектовала ихъ.

Впослѣдствіи число полковъ измѣнялось. Такъ напр. при Богданѣ Хмѣльницкомъ число полковъ считалось 34, а въ началѣ XVIII вѣка, при гетманѣ Скоропадскомъ, Малороссія была ограничена только уже десятью полками.

Полковники опредѣлялись сперва гетманами за деньги; потомъ, по удостоенію гетмановъ, съ утвержденія государей. Въ полковыя старшины и сотники производилъ гетманъ.

Казаки, имѣвшіе *муницію*, какъ то: мундиръ, ружье, пику, также лошадь, и исправлявшіе такимъ образомъ службу на родинѣ и за границею, назывались выборными. Бѣдные были также снаряжаемы: иногда три двора и болѣе снаряжали всѣмъ нужнымъ одного казака, который по этой причинѣ назывался подпомощникомъ. Число тѣхъ и другихъ въ полкахъ было неравное: въ каждомъ выборныхъ находилось сто, двѣсти и болѣе подпомощниковъ до тысячи и свыше. Первые считались поголовно, послѣдніе хатами и семьями. Сначала регистровымъ и выборнымъ казакамъ производилось годовое жалованье, по 30 золотыхъ каждому, но впослѣдствіи жалованье было отмѣнено: внутри границъ казаки несли службу на всемъ своемъ содержаніи, за границею же получали продовольствіе и фуражъ, только обязаны были имѣть собственныхъ лошадей, мундиры, ружья и пики. Въ мирное время выборные казаки вмѣстѣ съ запорожцами содержали цѣпь на границѣ Россіи и областей турецкихъ; подпомощники исполняли пѣшую и конную внутреннюю службу и находились при сотенныхъ и полковыхъ канцеляріяхъ для разныхъ посылокъ. Артиллерія, главная и полковая, снабжалась изъ казаковъ армашами или пушкарями и фурлейтами.

Кромѣ конныхъ казацкихъ полковъ, были въ Малороссіи пѣхотные, извѣстные подъ названіемъ сердюковъ. Первый разъ они упоминаются въ малороссійскихъ лѣтописяхъ 1674 года. По мнѣнію Бантышъ-Каменскаго, это войско, набранное не изъ однихъ казаковъ, но также изъ другихъ свободныхъ людей, получавшихъ жалованье, учреждено Дорошенкою. Сердюки при Мазепѣ составляли три полка. Они имѣли пребываніе въ Батуринѣ и въ окрестностяхъ этого города. „Эти Мазепины гвардейцы“, пишетъ Георгій Конисскій, „играли черныю какъ мячемъ, почему и были ненавидимы народомъ, войско также не терпѣло ихъ. При паденіи Мазепы, исключая одного полка, вѣрнаго, сердюки, избѣгшіе смерти, обратились въ поденщики“.

Для поощренія охотниковъ, задолго до Хмѣльницкаго, устроено было пять полковъ охочекомонныхъ; назывались они именемъ своихъ полковниковъ, назначенныхъ гетманомъ; общее названіе имъ было гультяи; имъ выдавалось незначитель-

ное жалованье, а больше довольствовались они рыбною и звѣриною ловлею; мѣстомъ пребыванія ихъ были земли при рѣкахъ Самарѣ, Бугѣ и Днѣстрѣ. По присоединеніи къ Россіи, эти окочекомонные или компанейскіе полки также существовали; уже во времена Императрицы Екатерины они были преобразованы въ легкоконные регулярные: Кіевскій, Черниговскій. Новгородъ-Сѣверскій и другіе. Какъ Донскіе, такъ и Малороссійскіе казаки имѣли свою артиллерію, какъ выше сказано, главную и полковую.

Казаки составляли, если можно такъ выразиться, универсальное войско: они были превосходными кавалеристами, въ случаѣ надобности, пѣхотинцами и отличными моряками.

Морскіе походы самые опасные, но особенно прибыльные, казаки предпочитали сухопутнымъ. Образъ войны казаковъ на сухомъ пути состоялъ по большей части въ нападеніяхъ внезапныхъ и быстрыхъ, стараясь употребить въ свою пользу темноту ночи и оплошность непріятеля.

Эволюціи, къ которымъ приходилось имъ прибѣгать, были весьма несложны: маршъ колонною назывался *идти саганою;* будучи окружены въ пѣшемъ строю, казаки свертывались въ треугольное каре, и наконецъ, построившись въ три шеренги, защищались изъ за лошадей. Строй этотъ назывался батова. Малороссійскіе казаки часто прибѣгали къ бою изъ-за повозокъ, которыя выстраивали въ видѣ каре или вагенбурга.

Атаки производили лавою. Первоначальное употребленіе этого строя относится къ тому времени, когда кочевье казаковъ безпрерывно подвергалось нападеніямъ татаръ и другихъ азіятскихъ народовъ. По первому сигналу, казаки выѣзжали толпою въ поле и, пользуясь большимъ пространствомъ степныхъ равнинъ, мгновенно, съ гикомъ, растягивались въ одну линію, стараясь охватить фланги всегда толпившейся азіятской конницы. Новая лава слѣдовала за первою, и эта дружная послѣдовательность удара составляла тайну ихъ успѣха. При совокупномъ дѣйствіи нѣсколькихъ сотенъ или полковъ, казаки для атаки располагались нѣсколькими лавами по нѣскольку сотенъ въ одной линіи. Первая линія сначала идетъ шагомъ, потомъ рысью, а по достаточномъ сближеніи съ противникомъ дѣлаетъ ударъ къ карьеръ. Вторая линія (лава) становится эшелонами, минуя фланги первой линіи и, когда первая линія пойдетъ въ атаку, вторая слѣдуетъ за нею; въ случаѣ удачной атаки первою, подкрѣпляетъ ее ударомъ на непріятеля во флангъ или въ тылъ; въ противномъ случаѣ останавливаетъ преслѣдующаго непріятеля и даетъ время первой линіи отойти и построиться для новой атаки. Вообще атака лавою производится на подобіе разсыпной атаки регулярной конницы, съ тою разницею, что фланги лавы выдаются значительно впередъ для охватыванія фланговъ непріятеля, и для этой цѣли еще на фланги становятся самые доброконные всадники.

Только послѣ вечерней дойки, до разсвѣта кобылѣ дозволяютъ кормить своего жеребенка, который цѣлый день стоитъ на солнцѣ, привязанный на недоуздкѣ къ аркану, безъ корму. Такимъ образомъ онъ проводитъ все лѣто. Въ сентябрѣ обыкновенно кончается эта пытка, и жеребенокъ поступаетъ въ косякъ. Зиму табуны вмѣстѣ съ жеребятами проводятъ на открытомъ воздухѣ въ степи и тебенюютъ, т. е., изъ подъ глубокаго снѣга достаютъ себѣ кормъ копытомъ.

Въ случаѣ чрезмѣрно суровой зимы, нѣкоторые хозяева поддерживаютъ своихъ лошадей сѣномъ, заготовляемымъ въ весьма маломъ количествѣ. Трава показывается весною не раньше конца апрѣля; слѣдовательно жеребенокъ только черезъ годъ послѣ рожденія поступаетъ на хорошій обильный кормъ. Сухаго фуража онъ никогда не видитъ. Владѣльцы ихъ убѣждены въ томъ, что жеребенокъ, который не выдержитъ нѣсколько мѣсяцевъ, будучи привязаннымъ къ аркану на жарѣ безъ корма, безъ движенія и безъ защиты отъ мухъ, не будетъ въ состояніи выдержать суровости зимы на тебеневкѣ. Разувѣрить ихъ въ этомъ не можетъ никакое разсужденіе. Кобылка поступаетъ въ случку на третьемъ году, жеребчикъ на четвертомъ. Легко можно себѣ вообразить, сколько отъ подобнаго воспитанія гибнетъ лошадей, и какъ не удивляться тому, что при всѣхъ этихъ нуждахъ, испытуемыхъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, описываемыя нами лошади еще имѣютъ такую непомѣрную силу“.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти степныя лошади служили въ свое время разнымъ казачьимъ обществамъ, совершавшимъ свои походы и набѣги черезъ упомянутыя степныя пространства; но, входя въ соприкосновеніе съ персіянами и турками, у которыхъ нерѣдко казаки отбивали цѣлые партіи и табуны лошадей, между которыми попадались и лошади восточной породы—арабскія, персидскія и турецкія, они имѣли возможность своихъ полудикихъ степныхъ лошадей улучшить лошадьми кровными высшей породы. Такимъ образомъ образовались племена Донское и Украинское, а въ нагорныхъ странахъ сѣвернаго Кавказа разныя Черкесскія племена, о которыхъ мы будемъ говорить при описаніи конницы кавказскихъ народовъ.

Теперь постараемся познакомиться въ общихъ чертахъ съ особенностями каждаго изъ перечисленныхъ степныхъ племенъ. О киргизскихъ лошадяхъ мы уже говорили въ предыдущей части исторіи. Скажемъ нѣсколько словъ о калмыцкой и башкирской лошади и потомъ перейдемъ къ описанію донской и украинской.

Калмыцкихъ лошадей раздѣляютъ на двѣ части. Извѣстно, что калмыки выселились изъ Джунгаріи. Часть ихъ на пути къ западу остановилась для кочевокъ въ земляхъ Тунгута и Тибета, другая, продолжая движеніе, осталась кочевать въ горахъ Алтайскихъ и близь границъ Томской и Енисейской губерніи, а третья въ 1630 году заняла степи между Волгою и Ураломъ. Лошади алтайскихъ калмыковъ по причинѣ особенныхъ свойствъ мѣстности и работы, заключавшейся

загоралась, въ тоже время зажигались и другія фигуры. Тогда жители уходили изъ окрестностей въ слободы, спасая скотъ и жизнь свою, а потомъ и всѣ полки казачьи, стоящіе по паланкамъ, собиралиеь въ одно мѣсто для отпора непріятелю.

Глава 9-я.

Польская конница. Гусары, пахолики, панцѣрники и лисовчики. Польская лошадь. Жолкѣвскій въ сраженіи при Клушинѣ.

Въ то время какъ въ западной Европѣ феодализмъ постепенно слабѣлъ и наконецъ рушился, а монархическая власть, при содѣйствій средняго сословія, усилилась и утвердилась, въ Польшѣ, напротивъ, среднее сословіе, состоявшая большею частью изъ нѣмецкихъ переселенцевъ и евреевъ, было чуждымъ народу и государству; королевская власть, лишенная его содѣйствія, ослабѣла до того, что наконецъ сдѣлалась ничтожною, а дворянство захватило верховную власть въ государствѣ и предписывало законы самымъ королямъ.

„Обязанность оборонять государство лежала вообще на сословіи землевладѣльцевъ и преимущественно на дворянствѣ. Главнымъ видомъ вооруженныхъ силъ Польши было земское ополченіе, составленное изъ войскъ, выставляемыхъ съ имѣній королевскихъ, духовныхъ и дворянскихъ, а главную силу земскаго ополченія составляло высшее и низшее дворянство (шляхта). Въ случаяхъ особенной важности производилось, какъ прежде всеобщее ополченіе (pospolite ruszenie). Составъ земскаго ополченія, порядокъ сбора его, несеніе въ немъ службы, чиноначалія, подчиненности, увольненія отъ служлы и проч. были опредѣлены особыми законами и постановленіями. На основаніи ихъ, всѣ совершеннолѣтніе дворяне и городскіе жители, владѣвшіе землями, были обязаны, по требованію короля и государственнаго сейма, являться съ опредѣленнымъ числомъ людей, въ предписанномъ вооруженіи и съ нужными запасами продовольственными и военными, на назначенныхъ сборныхъ мѣстахъ, подъ предводительствомъ своихъ частныхъ военачальниковъ (хорунжихъ, каштелляновъ и воеводъ), въ своихъ округахъ, повѣтахъ, воеводствахъ и наконецъ на главномъ сборномъ мѣстѣ цѣлаго войска. Здѣсь ему производился общій смотръ, и оно поступало подъ главное начальствованіе, назначаемаго королемъ, великаго и короннаго гетмана польскаго, который имѣлъ не ограниченную власть, часто даже надъ жизнью и достояніемъ дворянъ.

Въ составъ земскаго ополченія входили также: 1) собственныя королевскія войска и тѣлохранители, въ числѣ постепенно менѣе и менѣе значительномъ, служившіе на жалованьѣ и содержаніи королей; 2) дворовыя дружины и хоругви

весьма подвижными ушами; глазъ небольшой, свѣтлый; скучный взглядъ и впалый глазъ, такъ часто замѣчаемый въ простыхъ степныхъ племенахъ, не составляетъ типической черты донской лошади, но кажется именно такимъ тогда, если лошадь слишкомъ заморена. Спереди въ плечахъ донецъ не широкъ, но въ кострецахъ всегда имѣетъ достаточный просторъ. Мышцы сухія и крѣпкія. Длина лошади обыкновенная, но при нѣкоторой степени пашистости (что вознаграждается впрочемъ хорошею связью спины съ задомъ или почкою) лошадь нерѣдко кажется растянутою".

„Изъ сдѣланнаго нами очерка не трудно придти къ общему заключенію, что донскую лошадь слѣдуетъ отнести къ разряду верховыхъ, и никакъ не къ упряжнымъ, ибо для этого не достаетъ въ ней главнаго склада плечъ и строенія конечностей, свойственныхъ упряжнымъ лошадямъ. Она гибка и ловка, потому что, будучи хорошо наѣзжана, дѣлаетъ самые крутые повороты на всемъ скаку; спориста, не требуетъ побужденій при состязаніяхъ и идетъ охотно черезъ препятствія: рвы и изгороди. Махъ ея рѣдокъ, но широкъ. Скорость хорошаго донца на малыхъ разстояніяхъ, конечно меньше, нежели англійскаго скакуна, однако шестиверстныя дистанціи, при вѣсѣ всадника въ 4 пуда, на скачкахъ проходились не разъ въ 9 минутъ (англійскіе скакуны въ 8 м.) На большихъ разстояніяхъ донецъ сносливѣе: на Дону скачутъ по 10, 15 и до 30 верстъ. Шагъ очень хорошъ, до 7 верстъ въ часъ. Сносливость такова, что при хорошемъ сбереженіи служатъ исправно до 20-ти лѣтняго возраста. На кормъ неразборчивы, благодаря суровымъ превратностямъ степной жизни.

Масти донскихъ лошадей бурыя, рыжія, сѣрыя, иногда гнѣдыя, караковыя и весьма рѣдко вороныя, которыхъ вообще мало въ азіатскихъ племенахъ. „Степная лошадь, привыкшая оберегать себя и своихъ жеребятъ отъ нападенія звѣрей, преимущественно въ темныя, южныя ночи, постепенно сдѣлалась чуткою, осторожною—качества, передаваемыя ею въ крови и своему приплоду, вмѣстѣ съ отвагою и смѣлостью. Пугливыя между ними очень рѣдки: донская лошадь подъ казаками идетъ всегда смѣло впередъ и незакидывается ни передъ препятствіемъ, ни передъ выстрѣлами. Понятлива и памятлива отъ природы, что доказывается многими фактами. Характеръ: твердый, ровный и довольно горячій, но недовѣрчивый, по крайней мѣрѣ на первое время. Таковы въ общихъ чертахъ природа и отличательныя свойства степной лошади стараго, первоначальнаго племени на Дону, которое сложилось мало по малу на этомъ театрѣ постоянныхъ войнъ, сложилось безъ сомнѣнія изъ такихъ же разнородныхъ стихій, какъ и самъ казакъ донской, изъ переселенцевъ и выходцевъ со всѣхъ краевъ Россіи и сосѣднихъ мѣстъ".

„Съ начала нынѣшняго столѣтія на Дону мало по малу развилось, рядомъ со старымъ казачьимъ племенемъ, новое улучшенное племя лошадей. Начало ему

Донская лошадь.

„Исторія конницы“
М. Маркова.

Киргизская лошадь.

положено богатѣйшими табунами, съ примѣсью лучшихъ азіятскихъ и европейскихъ кровей, заведенными трудами и средствами атамановъ: графа Платова, Мартынова и Д. И. Иловайскаго". Но объ этихъ лошадяхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи при описаніи конницы XIX столѣтія.

Степная украинская лошадь образовалась подобно донской. Водившіяся въ полудикомъ состояніи лошади въ нынѣшнихъ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, вѣроятно, служили еще предкамъ нашимъ скиѳамъ и сарматамъ въ ихъ перекочевываніяхъ и набѣгахъ. Сношенія и служба въ арміяхъ восточныхъ народовъ, персовъ, грековъ и римлянъ и, надо полагать, особенно походъ въ IV вѣкѣ въ Аравію, а потомъ нападеніе въ 912 году руссовъ (какъ думаютъ запорожцевъ) на Табаристанъ способствовали пріобрѣтенію ими персидскихъ и другихъ лошадей восточной породы. Во время переселенія народовъ и особенно во время нашествія монголовъ сюда занесена была лошадь изъ средней Азіи туркменская и татарская. Запорожскіе и Украинскіе казаки, считаясь стражами русскихъ и литовскихъ границъ, дѣлали набѣги на Крымъ и Турцію, а нерѣдко и на Польшу: отбивали тамъ хорошихъ лошадей и улучшали свои табуны. Такимъ образомъ образовалось степное украинское племя изъ весьма разнородныхъ кровей.

Лошадь эта менѣе типична сравнительно съ донскою, но знатокъ какъ говоритъ Мердеръ, смотря на украинскую лошадь, не можетъ не признать въ ней какой то кровности. Лошади эти обладаютъ въ отношеніи выносливости и годности подъ верхъ такими же достоинствами, какъ и донскія [1].

Выходя въ походъ, казаки какъ Донскіе, такъ и Днѣпровскіе раздѣлялись на полки различнаго состава. Каждый полкъ, составлявшій особую область или провинцію, получалъ названіе или отъ главнаго города, или отъ мѣстечка, или иногда отъ своего полковника или старшины. Полки на Дону составлялись изъ неопредѣленнаго числа сотень, а сотни дѣлились на пятидесятни.

Въ Запорожьѣ полки были меньшаго состава. Намъ извѣстно, что Дашковичъ раздѣлилъ запорожцевъ на сотни и полки (въ 300 чел.); каждый полкъ состоялъ изъ трехъ сотень.

Въ Малороссійскомъ войскѣ Евстафій Рожинскій учредилъ 20 полковъ въ 2000 каждый. Полки были раздѣлены на сотни, названные, какъ и полки по имени городовъ и мѣстечекъ. Во всякомъ полку опредѣлено быть полковникамъ и сотникамъ, которые, будучи выбраны казаками и товариществомъ, оставались въ своихъ чинахъ на всю жизнь. Полки набирались и пополнялись изъ молодыхъ казаковъ, которыхъ выбирали изъ куреней и околицъ шляхетскихъ, [2]) и записывали

---

[1]) Типъ этой лошади см. на рисункѣ изображ. гунна, прилож. къ главѣ II-й I части.

[2]) Жители Малороссіи раздѣлялись на шляхту или рыцарство, духовенство и посполитство. Казаки принадлежали къ шляхетству.

въ военный регистръ до выслуги положеннаго срока, отчего и произошло названіе регистровыхъ казаковъ. Половина ихъ, конная, содержалась всегда въ полѣ, а другая, пѣшая, составляла въ городахъ гарнизоны; въ случаѣ надобности, послѣдняя помогала коннымъ и комплектовала ихъ.

Впослѣдствіи число полковъ измѣнялось. Такъ напр. при Богданѣ Хмѣльницкомъ число полковъ считалось 34, а въ началѣ XVIII вѣка, при гетманѣ Скоропадскомъ, Малороссія была ограничена только уже десятью полками.

Полковники опредѣлялись сперва гетманами за деньги; потомъ, по удостоенію гетмановъ, съ утвержденія государей. Въ полковыя старшины и сотники производилъ гетманъ.

Казаки, имѣвшіе *муницію*, какъ то: мундиръ, ружье, пику, также лошадь, и исправлявшіе такимъ образомъ службу на родинѣ и за границею, назывались выборными. Бѣдные были также снаряжаемы: иногда три двора и болѣе снаряжали всѣмъ нужнымъ одного казака, который по этой причинѣ назывался подпомощникомъ. Число тѣхъ и другихъ въ полкахъ было неравное: въ каждомъ выборныхъ находилось сто, двѣсти и болѣе подпомощниковъ до тысячи и свыше. Первые считались поголовно, послѣдніе хатами и семьями. Сначала регистровымъ и выборнымъ казакамъ производилось годовое жалованье, по 30 золотыхъ каждому, но впослѣдствіи жалованье было отмѣнено: внутри границъ казаки несли службу на всемъ своемъ содержаніи, за границею же получали продовольствіе и фуражъ, только обязаны были имѣть собственныхъ лошадей, мундиры, ружья и пики. Въ мирное время выборные казаки вмѣстѣ съ запорожцами содержали цѣпь на границѣ Россіи и областей турецкихъ; подпомощники исполняли пѣшую и конную внутреннюю службу и находились при сотенныхъ и полковыхъ канцеляріяхъ для разныхъ посылокъ. Артиллерія, главная и полковая, снабжалась изъ казаковъ армашами или пушкарями и фурлейтами.

Кромѣ конныхъ казацкихъ полковъ, были въ Малороссіи пѣхотные, извѣстные подъ названіемъ сердюковъ. Первый разъ они упоминаются въ малороссійскихъ лѣтописяхъ 1674 года. По мнѣнію Бантышъ-Каменскаго, это войско, набранное не изъ однихъ казаковъ, но также изъ другихъ свободныхъ людей, получавшихъ жалованье, учреждено Дорошенкою. Сердюки при Мазепѣ составляли три полка. Они имѣли пребываніе въ Батуринѣ и въ окрестностяхъ этого города. „Эти Мазепины гвардейцы“, пишетъ Георгій Конисскій, „играли чернью какъ мячемъ, почему и были ненавидимы народомъ, войско также не терпѣло ихъ. При паденіи Мазепы, исключая одного полка, вѣрнаго, сердюки, избѣгшіе смерти, обратились въ поденщики“.

Для поощренія охотниковъ, задолго до Хмѣльницкаго, устроено было пять полковъ охочекомонныхъ; назывались они именемъ своихъ полковниковъ, назначенныхъ гетманомъ; общее названіе имъ было гультяи; имъ выдавалось незначитель-

ное жалованье, а больше довольствовались они рыбною и звѣриною ловлею; мѣстомъ пребыванія ихъ были земли при рѣкахъ Самарѣ, Бугѣ и Днѣстрѣ. По присоединеніи къ Россіи, эти окочекомонные или компанейскіе полки также существовали; уже во времена Императрицы Екатерины они были преобразованы въ легкоконные регулярные: Кіевскій, Черниговскій. Новгородъ-Сѣверскій и другіе. Какъ Донскіе, такъ и Малороссійскіе казаки имѣли свою артиллерію, какъ выше сказано, главную и полковую.

Казаки составляли, если можно такъ выразиться, универсальное войско: они были превосходными кавалеристами, въ случаѣ надобности, пѣхотинцами и отличными моряками.

Морскіе походы самые опасные, но особенно прибыльные, казаки предпочитали сухопутнымъ. Образъ войны казаковъ на сухомъ пути состоялъ по большей части въ нападеніяхъ внезапныхъ и быстрыхъ, стараясь употребить въ свою пользу темноту ночи и оплошность непріятеля.

Эволюціи, къ которымъ приходилось имъ прибѣгать, были весьма несложны: маршъ колонною назывался *идти саганою;* будучи окружены въ пѣшемъ строю, казаки свертывались въ треугольное каре, и наконецъ, построившись въ три шеренги, защищались изъ за лошадей. Строй этотъ назывался батова. Малороссійскіе казаки часто прибѣгали къ бою изъ-за повозокъ, которыя выстраивали въ видѣ каре или вагенбурга.

Атаки производили лавою. Первоначальное употребленіе этого строя относится къ тому времени, когда кочевье казаковъ безпрерывно подвергалось нападеніямъ татаръ и другихъ азіятскихъ народовъ. По первому сигналу, казаки выѣзжали толпою въ поле и, пользуясь большимъ пространствомъ степныхъ равнинъ, мгновенно, съ гикомъ, растягивались въ одну линію, стараясь охватить фланги всегда толпившейся азіятской конницы. Новая лава слѣдовала за первою, и эта дружная послѣдовательность удара составляла тайну ихъ успѣха. При совокупномъ дѣйствіи нѣсколькихъ сотенъ или полковъ, казаки для атаки располагались нѣсколькими лавами по нѣскольку сотенъ въ одной линіи. Первая линія сначала идетъ шагомъ, потомъ рысью, а по достаточномъ сближеніи съ противникомъ дѣлаетъ, ударъ къ карьеръ. Вторая линія (лава) становится эшелонами, минуя фланги первой линіи и, когда первая линія пойдетъ въ атаку, вторая слѣдуетъ за нею; въ случаѣ удачной атаки первою, подкрѣпляетъ ее ударомъ на непріятеля во флангъ или въ тылъ; въ противномъ случаѣ останавливаетъ преслѣдующаго непріятеля и даетъ время первой линіи отойти и построиться для новой атаки. Вообще атака лавою производится на подобіе разсыпной атаки регулярной конницы, съ тою разницею, что фланги лавы выдаются значительно впередъ для охватыванія фланговъ непріятеля, и для этой цѣли еще на фланги становятся самые доброконные всадники.

Если съ конницею казаковъ дѣйствовала и пѣхота, то она всегда выходила съ пушками впередъ. Въ открытомъ бою пѣхота становилась въ срединѣ, конница по флангамъ; отважнѣйшіе наѣздники фланкировали вокругъ.

Для переправы черезъ рѣки казаки употребляли слѣдующій способъ [1]: сѣдло и вьюкъ клали на нѣсколько пуковъ камышу, что называлось салою, и все вмѣстѣ привязывали къ хвосту лошади; самъ же казакъ, ухватясь за гриву, смѣло пускался вплавь.

Съ крымцами и турками у казаковъ была всегдашняя война. Вотъ обстоятельство, показывающее, какъ дѣйствовали казаки въ степяхъ съ татарами. Однажды крымскій ханъ расположился лагеремъ въ степи. Гетманъ Рожинскій въ полночь выступилъ и тихо приблизился къ стану татарскому. Онъ подошелъ къ непріятелю на разсвѣтѣ, когда лошади у нихъ бываютъ не у коновязей, а на подножномъ корму, заарканеныя на рукѣ всадника. Гетманъ выслалъ отрядъ конницы съ ракетами, извѣстными подъ именемъ шутихъ. Наскакавъ на татарскій станъ, казаки пустили ракеты между лошадей: испуганныя онѣ понеслись во весь опоръ по табору, волоча своихъ всадниковъ, били, топтали ихъ; а между тѣмъ подошли всѣ войска гетманскія съ артиллеріею и прошли насквозь весь станъ, поразивъ татаръ на̀ голову; весь обозъ достался побѣдителямъ.

Любопытны предосторожности, которыя принимали въ свою очередь казаки противъ хищныхъ сосѣдей своихъ, ногайцевъ и крымцевъ. По лѣвую сторону Днѣпра, начиная отъ устья Оржи, по рѣкѣ Конскія воды, устроены были радуты (редуты) и фигуры. Первые находились надъ самымъ Днѣпромъ: это были просто заѣздные дворы, разстояніемъ одинъ отъ другого на 10, 20 и на 30 верстъ, смотря по положенію открытыхъ или закрытыхъ мѣстъ, такъ чтобы одинъ другой непремѣнно могъ видѣть. Строенія эти были пространны, широки, покрыты тесомъ или камышомъ, обведены рвомъ и деревяннымъ заборомъ и имѣли конюшни для пріѣзжихъ. Здѣсь жили малороссійскіе и запорожскіе казаки, всегда безотлучно до 50 чел. для содержанія пикетовъ и разъѣздовъ. Отъ каждаго радута на $^1/_2$ и не ближе $^1/_4$ версты строились фигуры, тоже что маяки изъ пустыхъ осмоленныхъ бочекъ, поставленныхъ пирамидально и обвязанныхъ смолеными канатами; вверху укрѣплялась перекладина, черезъ которую висѣлъ до земли канатъ, имѣвшій на одномъ концѣ связку мочулы (пакли), вываренной въ селитрѣ. Отъ радутовъ къ фигурамъ отряжались по 2 и по 3 часовыхъ. Въ разъѣзды посылались отъ 5 до 10 и болѣе казаковъ, которые ѣздили отъ радута до радута для содержанія сообщеній, иногда и въ степи, гдѣ зрѣла трава и покосъ, до самой границы, для вывѣдыванія о непріятелѣ. Завидѣвъ его, они извѣщали радуты, откуда есаулъ скакалъ съ казаками къ фигурѣ, вздергивалъ зажженую паклю наверхъ, и фигура

[1]) Заимствовано у Аничкова, воен. энцикл. лексик. Т. VI, стр. 377.

загоралась, въ тоже время зажигались и другія фигуры. Тогда жители уходили изъ окрестностей въ слободы, спасая скотъ и жизнь свою, а потомъ и всѣ полки казачьи, стоящіе по паланкамъ, собиралиеь въ одно мѣсто для отпора непріятелю.

Глава 9-я.

Польская конница. Гусары, пахолики, панцерники и лисовчики. Польская лошадь. Жолкѣвскій въ сраженіи при Клушинѣ.

Въ то время какъ въ западной Европѣ феодализмъ постепенно слабѣлъ и наконецъ рушился, а монархическая власть, при содѣйствіи средняго сословія, усилилась и утвердилась, въ Польшѣ, напротивъ, среднее сословіе, состоявшая большею частью изъ нѣмецкихъ переселенцевъ и евреевъ, было чуждымъ народу и государству; королевская власть, лишенная его содѣйствія, ослабѣла до того, что наконецъ сдѣлалась ничтожною, а дворянство захватило верховную власть въ государствѣ и предписывало законы самымъ королямъ.

„Обязанность оборонять государство лежала вообще на сословіи землевладѣльцевъ и преимущественно на дворянствѣ. Главнымъ видомъ вооруженныхъ силъ Польши было земское ополченіе, составленное изъ войскъ, выставляемыхъ съ имѣній королевскихъ, духовныхъ и дворянскихъ, а главную силу земскаго ополченія составляло высшее и низшее дворянство (шляхта). Въ случаяхъ особенной важности производилось, какъ прежде всеобщее ополченіе (pospolite ruszenie). Составъ земскаго ополченія, порядокъ сбора его, несеніе въ немъ службы, чиноначалія, подчиненности, увольненія отъ služлы и проч. были опредѣлены особыми законами и постановленіями. На основаніи ихъ, всѣ совершеннолѣтніе дворяне и городскіе жители, владѣвшіе землями, были обязаны, по требованію короля и государственнаго сейма, являться съ опредѣленнымъ числомъ людей, въ предписанномъ вооруженіи и съ нужными запасами продовольственными и военными, на назначенныхъ сборныхъ мѣстахъ, подъ предводительствомъ своихъ частныхъ военачальниковъ (хорунжихъ, каштелляновъ и воеводъ), въ своихъ округахъ, повѣтахъ, воеводствахъ и наконецъ на главномъ сборномъ мѣстѣ цѣлаго войска. Здѣсь ему производился общій смотръ, и оно поступало подъ главное начальствованіе, назначаемаго королемъ, великаго и короннаго гетмана польскаго, который имѣлъ не ограниченную власть, часто даже надъ жизнью и достояніемъ дворянъ.

Въ составъ земскаго ополченія входили также: 1) собственныя королевскія войска и тѣлохранители, въ числѣ постепенно менѣе и менѣе значительномъ, служившіе на жалованьѣ и содержаніи королей; 2) дворовыя дружины и хоругви

(nadworne hufce i chorągwie) или собственныя войска лицъ высшаго дворянства (магнатовъ), въ числѣ иногда весьма значительномъ, служившія на жалованьѣ и содержаніи тѣхъ, кому принадлежали; 3) малороссійскіе казаки, которые, за розданныя имъ земли и опредѣленные оклады денежнаго жалованья, выставляли особые казачьи полки (какъ было говорено выше) и 4) иностранныя наемныя дружины, преимущественно пѣшія". [1])

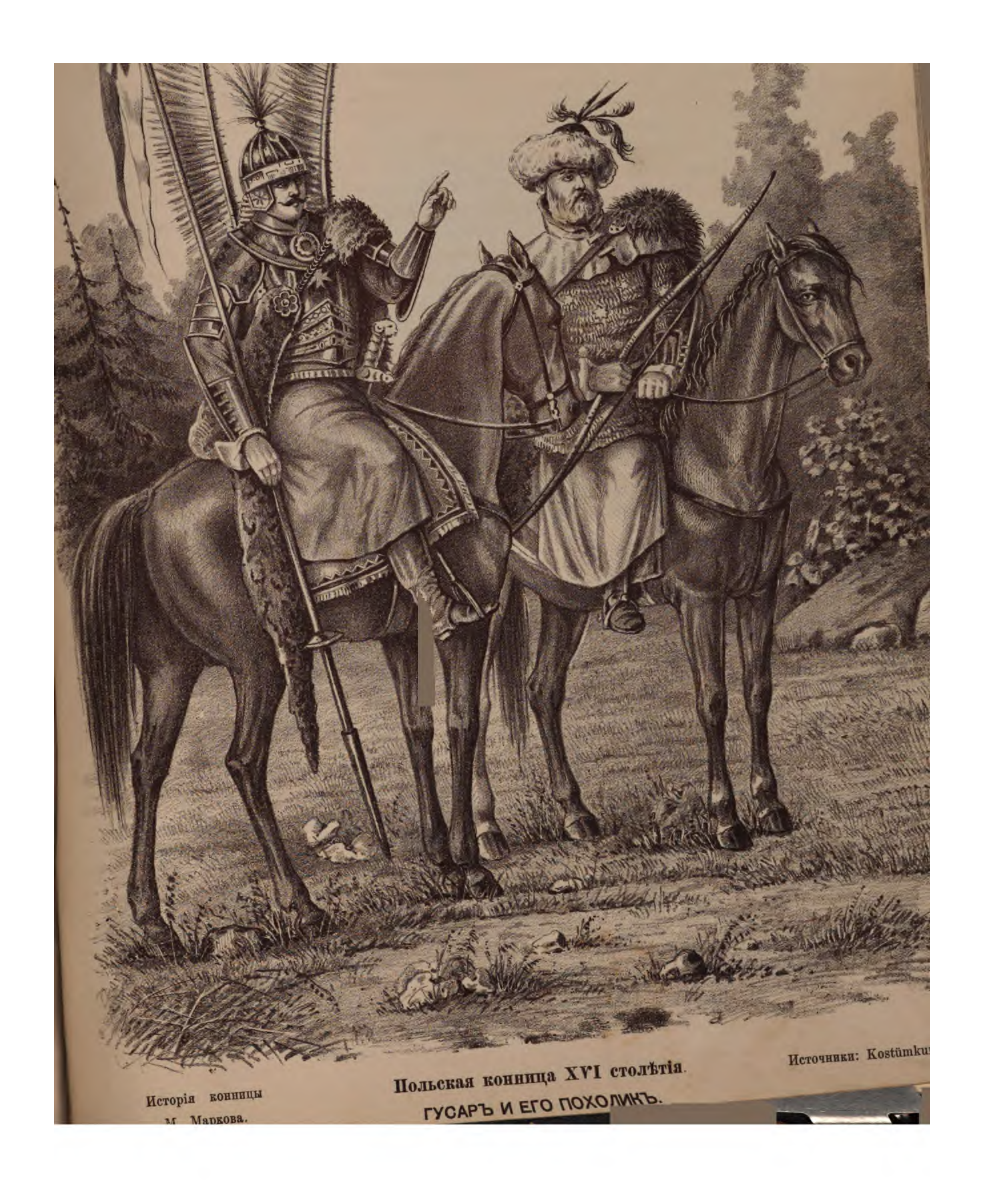
Главною, многочисленнѣйшею и лучшею частью польскаго войска всегда была конница: казаки, иностранныя наемныя конныя дружины и особенно польская дворянская конница.

Польская конница состояла по преимуществу изъ гусаръ (huszarze) и панцерниковъ (pancerni). Въ гусарахъ, по причинѣ богатой одежды и вооруженія ихъ и дорогого содержанія, служили только самые богатые дворяне. Вооруженіе и устройство гусаръ было весьма сходно съ вооруженіемъ и устройствомъ западно-европейской рыцарской конницы и особенно французскихъ ордонансовыхъ ротъ. Они носили полный доспѣхъ: шлемъ, латы съ ожерельемъ, набедренникомъ, нарукавниками, наножниками, рукавицами и проч., совершенно подобные тѣмъ, которые носили современные нѣмецкіе и французскіе рыцари. Къ лѣвому боку ихъ привѣшена была кривая сабля, а къ сѣдлу съ лѣвой же стороны—палашъ длиною въ 5 футовъ. Сверхъ того гусары имѣли боевые молоты. Но главнымъ оружіемъ ихъ было копье, длиною до 19 футовъ, такого же вида, какъ рыцарскія копья у нѣмцевъ, французовъ и др., и съ значкомъ или флюгеромъ наверху, часто весьма длиннымъ. Надо замѣтить, что копье или пику поляки очень любили, и въ то время, когда во всей западной Европѣ отъ пики отказались, польская конница продолжала ее употреблять. На плечахъ и за спиною гусары носили львиныя, тигровыя и леопардовыя шкуры и по примѣру венгерцевъ крылья. Всѣ части вооруженія ихъ были богато украшены золотомъ и серебромъ, а шлемы сверхъ того перьями.

Каждый гусаръ имѣлъ при себѣ четырехъ пахоликовъ или оруженосцевъ на легкихъ коняхъ и легко вооруженныхъ. Пахолики не имѣли панцырей, а носили кафтаны изъ волчьей шкуры съ орлинымъ крыломъ за спиной. 20 гусаръ съ 80 ихъ пахоликами составляли самостоятельную часть—роту или эскадронъ конницы въ 100 всадниковъ и столько же коней. Изъ нихъ 20 гусаръ въ бою составляли переднюю шеренгу, а 80 пахоликовъ — 4 заднія, такъ что за каждымъ гусаромъ находились одинъ за другимъ 4 его пахолика—строй, совершенно подобный строю французскихъ ордонансовыхъ ротъ. Гусары сражались одинаково хорошо противъ конницы и противъ пѣхоты, и въ составѣ всей конницы были лучшею по устройству и храбрѣйшею частью ея.

---

[1]) Заимствовано у кн. Голицына. Русская воен. истор. Ч. II, стр. 37.

Исторія конницы
М. Маркова.

Польская конница XVI столѣтія.

ГУСАРЪ И ЕГО ПОХОЛИКЪ.

Источники: Kostümku

(nadworne hufce i chorągwie) или собственныя войска лицъ высшаго дворянства (магнатовъ), въ числѣ иногда весьма значительномъ, служившія на жалованьѣ и содержаніи тѣхъ, кому принадлежали; 3) малороссійскіе казаки, которые, за розданныя имъ земли и опредѣленные оклады денежнаго жалованья, выставляли особые казачьи полки (какъ было говорено выше) и 4) иностранныя наемныя дружины, преимущественно пѣшія". [1])

Главною, многочисленнѣйшею и лучшею частью польскаго войска всегда была конница: казаки, иностранныя наемныя конныя дружины и особенно польская дворянская конница.

Польская конница состояла по преимуществу изъ гусаръ (huszarze) и панцерниковъ (pancerni). Въ гусарахъ, по причинѣ богатой одежды и вооруженія ихъ и дорогого содержанія, служили только самые богатые дворяне. Вооруженіе и устройство гусаръ было весьма сходно съ вооруженіемъ и устройствомъ западно-европейской рыцарской конницы и особенно французскихъ ордонансовыхъ ротъ. Они носили полный доспѣхъ: шлемъ, латы съ ожерельемъ, набедренникомъ, нарукавниками, наножниками, рукавицами и проч., совершенно подобные тѣмъ, которые носили современные нѣмецкіе и французскіе рыцари. Къ лѣвому боку ихъ привѣшена была кривая сабля, а къ сѣдлу съ лѣвой же стороны—палашъ длиною въ 5 футовъ. Сверхъ того гусары имѣли боевые молоты. Но главнымъ оружіемъ ихъ было копье, длиною до 19 футовъ, такого же вида, какъ рыцарскія копья у нѣмцевъ, французовъ и др., и съ значкомъ или флюгеромъ наверху, часто весьма длиннымъ. Надо замѣтить, что копье или пику поляки очень любили, и въ то время, когда во всей западной Европѣ отъ пики отказались, польская конница продолжала ее употреблять. На плечахъ и за спиною гусары носили львиныя, тигровыя и леопардовыя шкуры и по примѣру венгерцевъ крылья. Всѣ части вооруженія ихъ были богато украшены золотомъ и серебромъ, а шлемы сверхъ того перьями.

Каждый гусаръ имѣлъ при себѣ четырехъ пахоликовъ или оруженосцевъ на легкихъ коняхъ и легко вооруженныхъ. Пахолики не имѣли панцырей, а носили кафтаны изъ волчьей шкуры съ орлинымъ крыломъ за спиной. 20 гусаръ съ 80 ихъ пахоликами составляли самостоятельную часть—роту или эскадронъ конницы въ 100 всадниковъ и столько же коней. Изъ нихъ 20 гусаръ въ бою составляли переднюю шеренгу, а 80 пахоликовъ — 4 заднія, такъ что за каждымъ гусаромъ находились одинъ за другимъ 4 его пахолика—строй, совершенно подобный строю французскихъ ордонансовыхъ ротъ. Гусары сражались одинаково хорошо противъ конницы и противъ пѣхоты, и въ составѣ всей конницы были лучшею по устройству и храбрѣйшею частью ея.

[1]) Заимствовано у кн. Голицына. Русская воен. истор. Ч. II, стр. 37.

Панцерниковъ составляло низшее дворянство (мелкая шляхта). Они были вооружены саблями, ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ (со времени введенія его), именно короткими ружьями и длинными пистолетами, а нерѣдко еще луками и стрѣлами. Оборонительное вооруженіе ихъ составляли панцыри. желѣзныя шапки или мисюрки (misurka) съ кольчатыми сѣтками, прикрывавшими лицо, шею, плечи и спину. Огнестрѣльныя и походныя принадлежности они носили привѣшенными къ поясу съ правой стороны. Панцерники считались легкою конницею хотя весьма мало отличались отъ гусаръ и подобно послѣднимъ имѣли своихъ пахоликовъ. Сходныя съ панцерниками имѣли вооруженіе и устройство и нѣкоторые другіе роды польской конницы, между прочимъ, столь извѣстные дѣйствіями своими въ Россіи въ смутное время, лисовчики (lissowczyki), называвшіеся такъ по имени предводителя своего Лисовскаго.

Кромѣ всего этого, по примѣру иностранныхъ войскъ были учреждены Стефаномъ Баторіемъ драгуны и рейтары, формируемые какъ изъ рекрутъ, такъ и изъ вольныхъ охочихъ людей. Драгуны и рейтары составляли полки подъ начальствомъ знатнѣйшихъ магнатовъ и дѣлились на эскадроны, командуемые ротмистрами.

Въ случаяхъ, если народной польской и казачьей конницы было недостаточно, правительство нанимало въ свою службу конныя дружины венгровъ, нѣмцевъ, чеховъ и даже шотландцевъ.

Имѣя въ своей власти днѣпровскихъ казаковъ, поляки, безъ сомнѣнія могли пользоваться въ значительномъ количествѣ степными украинскими лошадьми; а, вмѣстѣ съ казаками и венграми воюя съ крымцами и турками, пріобрѣтали и лошадей восточной породы. Но независимо отъ этого, Польша была богата и своими собственными лошадьми. Древне-польская лошадь произошла отъ скрещиванія рослыхъ мекленбургскихъ кобылъ съ андалузскими жеребцами и наслѣдовала отъ кобылъ ростъ и высокій поставъ шеи, съ небольшимъ и неуродующимъ ихъ кадыкомъ, скрадывающемся прекрасною головою съ круто образованнымъ зарѣзомъ и шелковистою, нѣсколько длинною, гривою. Лошади эти по легкости и неутомимости отличались особенною способностью къ службѣ подъ верхъ [1]).

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ Польшу было много закупаемо арабскихъ лошадей для двора и частныхъ лицъ. Лошадьми этими освѣжались частные заводы, а нѣкоторые заводы, подобно нашимъ Орловскимъ и Ростопчинскому, ведутъ племя отъ чистѣйшей арабской и англійской кровей. Лучшіе заводы были Сангушки, Браницкаго и Яновскій Королевскій, нынѣ государственный.

Огнестрѣльное оружіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Польшѣ уже вскорѣ послѣ введенія его въ западной Европѣ. Объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ (armaty) въ поль-

---

[1]) Заимствованъ изъ журнала Коннозаводства 1871 г. № 8, стр. 19.

Панцерниковъ составляло низшее дворянство (мелкая шляхта). Они были вооружены саблями, ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ (со времени введенія его), именно короткими ружьями и длинными пистолетами, а нерѣдко еще луками и стрѣлами. Оборонительное вооруженіе ихъ составляли панцыри. желѣзныя шапки или мисюрки (misurka) съ кольчатыми сѣтками, прикрывавшими лицо, шею, плечи и спину. Огнестрѣльныя и походныя принадлежности они носили привѣшенными къ поясу съ правой стороны. Панцерники считались легкою конницею хотя весьма мало отличались отъ гусаръ и подобно послѣднимъ имѣли своихъ пахоликовъ. Сходныя съ панцерниками имѣли вооруженіе и устройство и нѣкоторые другіе роды польской конницы, между прочимъ, столь извѣстные дѣйствіями своими въ Россіи въ смутное время, лисовчики (lissowczyki), называвшіеся такъ по имени предводителя своего Лисовскаго.

Кромѣ всего этого, по примѣру иностранныхъ войскъ были учреждены Стефаномъ Баторіемъ драгуны и рейтары, формируемые какъ изъ рекрутъ, такъ и изъ вольныхъ охочихъ людей. Драгуны и рейтары составляли полки подъ начальствомъ знатнѣйшихъ магнатовъ и дѣлились на эскадроны, командуемые ротмистрами.

Въ случаяхъ, если народной польской и казачьей конницы было недостаточно, правительство нанимало въ свою службу конныя дружины венгровъ, нѣмцевъ, чеховъ и даже шотландцевъ.

Имѣя въ своей власти днѣпровскихъ казаковъ, поляки, безъ сомнѣнія могли пользоваться въ значительномъ количествѣ степными украинскими лошадьми; а, вмѣстѣ съ казаками и венграми воюя съ крымцами и турками, пріобрѣтали и лошадей восточной породы. Но независимо отъ этого, Польша была богата и своими собственными лошадьми. Древне-польская лошадь произошла отъ скрещиванія рослыхъ мекленбургскихъ кобылъ съ андалузскими жеребцами и наслѣдовала отъ кобылъ ростъ и высокій поставъ шеи, съ небольшимъ и неуродующимъ ихъ кадыкомъ, скрадывающемся прекрасною головою съ круто образованнымъ зарѣзомъ и шелковистою, нѣсколько длинною, гривою. Лошади эти по легкости и неутомимости отличались особенною способностью къ службѣ подъ верхъ [1]).

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ Польшу было много закупаемо арабскихъ лошадей для двора и частныхъ лицъ. Лошадьми этими освѣжались частные заводы, а нѣкоторые заводы, подобно нашимъ Орловскимъ и Ростопчинскому, ведутъ племя отъ чистѣйшей арабской и англійской кровей. Лучшіе заводы были Сангушки, Браницкаго и Яновскій Королевскій, нынѣ государственный.

Огнестрѣльное оружіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Польшѣ уже вскорѣ послѣ введенія его въ западной Европѣ. Объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ (armaty) въ поль-

---

[1]) Заимствованъ изъ журнала Коннозаводства 1871 г. № 8, стр. 19.

сдѣлались совершенно подобными польскимъ. Тогда литовское войско состояло частью изъ пѣхоты на жалованьѣ (жолнеровъ) и преимущественно изъ дворянской конницы: гусаръ съ ихъ пахоликами и панцерниковъ, — раздѣлялось на полки и хоругви, а предводительствовалъ имъ великій гетманъ литовскій, независимый отъ польскаго или короннаго". [1])

Не будемъ описывать дѣйствія польской конницы въ феодальный періодъ, такъ какъ дѣйствія эти, какъ выше замѣчено, ничѣмъ не отличались отъ дѣйствій конницы въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Перейдемъ прямо къ описанію дѣйствій въ бою этого рода оружія въ началѣ XVII столѣтія, когда уже всѣ западно-европейскія конницы отбросили и вооружились огнестрѣльнымъ оружіемъ. Только поляки и казаки вѣрили въ пику, но и казаки вмѣстѣ съ нею употребляли, главнымъ образомъ для пѣшаго боя ружья, между тѣмъ какъ польскіе гусары огнестрѣльнаго оружія не заводили, предоставляя употребленіе его своимъ пахоликамъ. Войны съ Россіею въ началѣ XVII столѣтія представляютъ много примѣровъ превосходныхъ дѣйствій въ бою польской конницы, и, если дѣйствія польскихъ войскъ не увѣнчались благопріятными результатами, то главнымъ образомъ по причинѣ страшнаго своеволія и неурядицы въ правительственныхъ сферахъ. Поляки упустили случай воспользоваться рознью въ землѣ русской во время междуцарствія, оттолкнули отъ себя казачество, которое, когда по гласу Минина воспрянула русская земля, присоединило свои силы, а впослѣдствіи и совсѣмъ слилось съ единовѣрною державою, тогда противъ соединенныхъ силъ русскаго государства поляки оказались слабыми. Тѣмъ не менѣе и въ послѣдующее время превосходство польскихъ войскъ, и особенно конницы, проявлялось во многихъ столкновеніяхъ съ русскими, въ дѣйствіяхъ польской конницы совмѣстно съ венгерцами противъ Австріи и даже противъ страшной въ то время турецкой конницы. Мы постараемся разобрать дѣйствія польской конницы въ двухъ столкновеніяхъ: 1) въ сраженіи при Клушинѣ въ 1610 году, гдѣ превосходство польской конницы надъ русскою и шведскою выказалось въ полной мѣрѣ; 2) разгромъ турецкихъ войскъ польскими и имперскими войсками подъ Вѣною подъ общимъ предводительствомъ польскаго короля Яна Собѣсскаго, но описаніе послѣдняго отнесемъ къ 15 главѣ, когда будемъ излагать войны австрійцевъ съ турками.

Сраженіе при Клушинѣ 24 іюня 1610 года.

Когда скончался князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, царь Василій Іоанновичъ Шуйскій назначилъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ брата своего, князя Дмитрія. Дмитрій Шуйскій не отличался военными способностями и знаніемъ рат-

[1]) Заимствовано у кн. Голицына. Русск. воен. истор. Ч. II, стр. 43.

наго дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подозрѣваемый въ отравленіи князя Михаила Скопина-Шуйскаго, былъ не любимъ русскимъ народомъ. Въ это время король польскій Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ, второй самозванецъ, принужденный успѣхами Скопина покинуть Тушинскій лагерь и бѣжать въ Калугу, опять усиливался, войска польскаго короля и шайки своевольныхъ польскихъ конфедератовъ грабили и опустошали въ разныхъ мѣстахъ русскія области; въ Рязани Прокопій Ляпуновъ поднялъ бунтъ за смерть Скопина; въ самой Москвѣ составились противъ царя сильныя партіи, приверженныя къ королевичу Владиславу. Наемныя шведскія войска, служившія вѣрно Шуйскому при жизни Скопина, начали роптать и замышлять измѣну; другіе иностранные наемники также были ненадежны, наконецъ и русское войско не оказывало большой преданности Василію Іоанновичу. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Дмитрій Шуйскій принялъ начальство надъ войскомъ.

Въ намѣреніи освободить Смоленскъ отъ осады, въ которой держалъ его Сигизмундъ, Шуйскій выступилъ изъ Москвы и остановился близь Можайска, ожидая прихода изъ Москвы Делагарди, который съ своими наемными войсками не шелъ къ Можайску, въ ожиданіи денегъ, обѣщанныхъ Василіемъ на жалованье этимъ войскамъ; а Горнъ, командовавшій прочими наемниками, сначала озабоченъ былъ важными неустройствами, происшедшими въ его отрядѣ вслѣдствіи тайныхъ происковъ поляковъ; а потомъ, двинувшись отъ Зубцова, соединился съ княземъ Хованскимъ и осадилъ Бѣлый.

Между тѣмъ Сигизмундъ, узнавъ о движеніи русскаго войска, отправилъ на встрѣчу Димитрію гетмана Жолкѣвскаго съ 2 тысячами конницы и 1000 человѣкъ пѣхоты, но, получивъ также извѣстія объ опасности Бѣлому, усилилъ Жолкѣвскаго еще 500 человѣкъ польской конницы и приказалъ ему немедленно идти не къ Вязьмѣ, а прежде на освобожденіе Бѣлаго. Хованскій и Горнъ, узнавъ о наступленіи Жолкѣвскаго отступили отъ Бѣлаго къ Можайску на присоединеніе съ Димитріемъ Шуйскимъ, а Жолкѣвскій отъ Бѣлаго пошелъ черезъ Шуйскій и Вязьму къ Царево-Займищу, на пути присоединилъ къ себѣ конные отряды Казановскаго (800 чел.), Дуниковскаго (700 чел.) и Зборовскаго (3 тысячи тушинскихъ поляковъ и казаковъ Заруцкаго) и съ этими войсками атаковалъ русскій отрядъ у Займища. Отрядъ этотъ, подъ начальствомъ кн. Елецкаго и Валуева, былъ выдвинутъ къ Займищу въ видѣ авангарда отъ арміи Дмитрія Шуйскаго, съ приказаніемъ расположиться здѣсь укрѣпленнымъ станомъ. Получивъ сильный отпоръ у Царева-Займища отъ Валуева и опасаясь отваживаться на вторичное нападеніе, Жолкѣвскій обошелъ станъ Валуева и расположился въ тылу его на дорогѣ въ Можайскъ, а, чтобы поставить Елецкаго и Валуева въ затруднительное положеніе въ отношеніи продовольствія, построилъ на дорогахъ ведущихъ къ стану окопы, въ которые помѣстилъ по 100 человѣкъ пѣхоты и казаковъ.

Неоднократныя донесенія Валуева о затруднительномъ положеніи заставили Шуйскаго рѣшиться на движеніе впередъ. Делагарди, получивъ отъ Василія Іоанновича удостовѣреніе, что въ Можайскѣ готово жалованье для его войскъ, двинулся туда, но, не нашелъ ни денегъ, ни русскихъ войскъ. Димитрій Шуйскій свернулъ съ большой дороги вправо и двинулся по проселочнымъ на селеніе Клушино, чтобы войти въ связь съ Валуевымъ съ сѣвера, такъ какъ южныя дороги были заняты поляками. Далагарди также двинулся къ сѣверу, соединился у дер. Масловой съ Горномъ и, получивъ наконецъ жалованье, успѣлъ раздать войскамъ Горна, а своимъ, за поспѣшностью марша, отложилъ до освобожденія Валуева. Это произвело большое неудовольствіе войскъ, которое съ трудомъ удалось потушить.

Соединившись вмѣстѣ, Димитрій и Делагарди прошли черезъ Клушино и расположились на обширной полянѣ у выхода изъ лѣса, какъ можно полагать, между деревнями Затворова и Сокорева. Шуйскій, съ тридцатью тысячами русскихъ войскъ и 11 полевыхъ пушекъ, сталъ у лѣса, имѣя впереди небольшую деревню, Сокореву (по нашему предположенію), а Делагарди съ 8 тыс. своихъ войскъ нѣсколько правѣе у рѣчки Дубни. Русскій станъ былъ огражденъ рогатками, а иноземный повозками. Находившаяся впереди ихъ поляна была пересѣчена двумя деревушками (вѣроятно Сокорева и Быкова), а противъ стана Делагарди, сверхъ того, высокими плетнями. Делагарди совѣтовалъ Шуйскому укрѣпить передовую часть своего стана и выслать разъѣзды для наблюденія за непріятелемъ. Но войска, утомленныя походомъ, искали только отдыха, и всѣ мѣры предосторожности ограничились только укрѣпленіемъ деревни лежавшей впереди стана Шуйскаго. Безпечность Шуйскаго и даже самаго Делагарди, какъ видно изъ распоряженій, происходила отъ увѣренности ихъ подавить непріятеля чрезвычайнымъ превосходствомъ силъ своихъ.

Между тѣмъ Жолкѣвскій, увѣдомленный о выступленіи Шуйскаго изъ Можайска, бдительно слѣдилъ за всѣми его движеніями и безпрестанно посылалъ разъѣзды для развѣдыванія. Показанія этихъ разъѣздовъ, взятыхъ плѣнныхъ и пяти французскихъ и шотландскихъ переметчиковъ согласовались въ томъ, что Шуйскій 23 іюня долженъ былъ расположиться на ночлегъ у Клушина, въ разстояніи не болѣе 30 верстъ отъ Царево-Займища. Собравъ военный совѣтъ, Жолкѣвскій высказалъ нерѣшимость атаковать ли противника или ждать его нападенія. Мнѣнія членовъ совѣта тоже раздѣлились: хотя никто не высказывалъ мнѣнія объ отступленіи, но многіе думали про себя, что гетманъ, обрекая себя на вѣрную гибель, увлекаетъ къ ней съ собою и все войско. Однако, изъ общаго и глубокаго уваженія къ Жолкѣвскому, никто въ его присутствіи не смѣлъ выразить мнѣнія, похожаго на малодушіе. Жолкѣвскій распустилъ совѣтъ, объявивъ, что предоставляетъ себѣ размыслить еще и рѣшить, которое изъ двухъ мнѣній исполнить, но приказалъ на всякій случай всѣмъ быть готовыми къ походу и запастись двух-

дневнымъ довольствіемъ. Нерѣшимость Жолкѣвскаго была притворная, изъ предосторожности, чтобы Шуйскій или Валуевъ не были какимъ либо образомъ предостережены. Дѣйствительно же онъ твердо рѣшался идти на встрѣчу Шуйскому, основывая свои надежды на успѣхъ, какъ на внезапности нападенія, такъ и на ненадежности иноземцевъ Делагарди.

Оставивъ отрядъ изъ 900 чел. польской пѣхоты, 700 чел. польской конницы и 4 тыс. казаковъ противъ Елецкаго и Валуева подъ начальствомъ Бобковскаго, Жолкѣвскій приказалъ ему нетрогаться изъ окоповъ; а самъ объявилъ полковникамъ, въ 6 часовъ вечера 23 іюня, о выступленіи, черезъ часъ послѣ того поднялъ свои войска и съ 4700 чел. польской конницы, 400 казаковъ, 200 чел. польской пѣхоты и двумя полевыми орудіями, всего съ 5300 чел. смѣло пошелъ противъ 38-ми тысячнаго царскаго и иноземнаго войска. Онъ намѣревался напасть врасплохъ на спавшія войска Шуйскаго и Делагарди, но исполнить это было трудно, какъ по причинѣ узкой и дурной дороги черезъ лѣсъ, такъ и по краткости ночи въ это время года. Поэтому, хотя самъ Жолкѣвскій съ головнымъ отдѣленіемъ своей конницы подошелъ къ непріятелю до разсвѣта, но главныя силы его не выбрались еще изъ лѣса, задержанныя въ немъ завязшими двумя орудіями. Отъ этого Жолкѣвскій потерялъ часъ драгоцѣннаго времени, которымъ Шуйскій и Делагарди воспользовались, чтобы поспѣшно изготовиться къ вовсе неожиданному ими бою. Жолкѣвскій же между тѣмъ осмотрѣлъ мѣстность и. найдя, что поляна передъ обоими станами непріятеля была заграждена плетнями и двумя деревушками, велѣлъ разломать первые и зажечь послѣднія, какъ для того, чтобы непріятель не занялъ ихъ своею пѣхотою, такъ и для большей свободы дѣйствій своей конницы. Когда же вся послѣдняя выбралась наконецъ изъ лѣса, Жолкѣвскій немедленно построилъ ее въ боевой порядокъ: на правомъ крылѣ противъ русскихъ полкъ Зборовскаго, поддержанный полками Казановскаго, и Вайтера, а на лѣвомъ противъ Делагарди—полкъ Струся, поддержанный гетманскимъ полкомъ. Остальныя конныя роты были поставлены въ резервѣ въ колоннахъ, а Пясковскій съ 400 вольныхъ казаковъ—на оконечности лѣваго крыла въ кустарникѣ.

Шуйскій, имѣя впереди себя открытое поле, выслалъ впередъ свою конницу, а позади ея, на опушкѣ лѣса расположилъ пѣхоту. Делагарди же наоборотъ впереди поставилъ пѣхоту за плетнями, которые еще не всѣ были разобраны поляками, а за нею расположилъ конницу. При этомъ войска, какъ Шуйскаго, такъ и Делагарди, занимали мѣста съ торопливостью, неизбѣжною по причинѣ неожиданнаго нападенія непріятеля.

Въ 3 часа утра Жолкѣвскій трубами и барабаннымъ боемъ подалъ знакъ къ атакѣ. Польская конница на обоихъ флангахъ бросилась впередъ и ударила на русскую конницу и шведскую пѣхоту. Московская конница, принявшая на себя первый натискъ поляковъ, замѣшалась и была опрокинута; но, получивъ подкрѣ-

пленіе отъ фланговыхъ полковъ, въ свою очередь охватила поляковъ со всѣхъ сторонъ; тогда Жолкѣвскій выслалъ изъ резерва конные роты, которые, обскакавъ столпившуюся русскую конницу съ правой стороны, ударили на нее сбоку и обратили ее въ бѣгство. Видя это, пѣхота также бросилась назадъ. Одна часть ея искала убѣжища въ своемъ станѣ, другая разсѣялась въ лѣсу позади. Но самъ Шуйскій, засѣвшій съ пятью тысячами въ укрѣпленной впереди стана деревнѣ, заставилъ правый флангъ поляковъ остановиться. Всадники Зборовскаго, разсѣявъ русскія войска, не отважились спѣшиться для нападенія на укрѣпленную деревню, когда участь боя еще не была рѣшена на лѣвомъ флангѣ.

Одновременно съ атакою Зборовскаго на правомъ флангѣ, полкъ Струся сдѣлалъ нападеніе на шведскую пѣхоту. „Здѣсь поляки", пишетъ кн. Голицынъ, [1]) „встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны иноземной пѣхоты, занявшей плетни, хотя и несплошные, но въ узкіе промежутки которыхъ не могли пройти рядомъ болѣе 10 коней. Польская конница нѣсколько разъ пыталась пробиться сквозь нихъ, но каждый разъ по тѣснотѣ мѣста, не будучи, своевременно поддержана, была отражаема иноземною конницею, дѣйствовавшею въ совокупности, при содѣйствіи пѣхоты за плетнями. Такой невыгодный для польской конницы бой продолжался 3 часа съ большимъ для нея урономъ, пока наконецъ къ 6 часамъ утра не подоспѣла польская пѣхота съ орудіями. Хотя ея было всего только 200 чел., но Жолкѣвскій, имѣя большое довѣріе къ ней, приказалъ ей отогнать иноземную пѣхоту отъ плетней. Послѣдняя, хотя и разстроенная огнемъ орудій произвела залпъ по польской пѣхотѣ, но видя, что она продолжаетъ смѣло наступать, побѣжала отъ плетней къ находящемуся позади лѣсу. Тогда нѣсколько польскихъ конныхъ ротъ выскакало изъ за плетней на поляну и вступило въ бой съ иноземною конницею, продолжавшійся нѣсколько времени безъ рѣшительнаго успѣха. Хотя Жолкѣвскій и продолжалъ подкрѣплять свою конницу, но ей уже трудно было, какъ по причинѣ относительной слабости своей, такъ и потому, что гусары большею частью переломали свои пики. Иноземцы, замѣтивъ это, выслали для окончательнаго ея пораженія свѣжій конный отрядъ, поддержанный другимъ такимъ же. Но первый отрядъ, вмѣсто дружнаго удара бѣлымъ оружіемъ, далъ залпъ и сталъ поворачивать назадъ, чтобы зарядить карабины и уступить мѣсто заднему отряду. Поляки ловко воспользовались этимъ мгновеніемъ, ударили въ палаши и опрокинули первый отрядъ на второй, такъ что оба они смѣшались и обратили тылъ. Столь неожиданный оборотъ боя такъ смутилъ Делагарди и Горна, что они вмѣстѣ съ большею частью своей конницы поскакали черезъ свой станъ въ лѣсъ. Поляки, преслѣдуя ихъ, промчались черезъ станъ, не оставивъ никого для занятія его. Иноземная пѣхота и примкнувшая къ ней часть французской

[1]) Русс. воен. ист. Ч. II, стр. 342.

Планъ сраженія при Клушинѣ.

„Исторія Конницы"
М. Маркова.

конницы, всего до 3 т. чел. еще не совсѣмъ разстроенныхъ, немедленно заняли свой станъ. Между тѣмъ и русскіе стали оправляться, и князья Андрей Васильевичъ Голицынъ и Мезецкій уговорили многихъ изъ нихъ объѣздомъ воротиться къ укрѣпленной деревнѣ, занятой Шуйскимъ. Такимъ образомъ Жолкѣвскому хотя и удалось сбить царское войско съ поля боя передъ его станами, но для довершенія побѣды оставалось еще выбить его изъ послѣднихъ. Исполнить это было нелегко съ войскомъ, которое было слабѣе числомъ и еще болѣе ослаблено урономъ и утомлено боемъ. Однако Жолкѣвскій приказалъ нѣсколькимъ ротамъ приблизиться къ стану иноземцевъ, не столько для нападенія на нихъ, сколько для устрашенія ихъ и привлеченія къ измѣнѣ. Мѣра эта имѣла полный успѣхъ: французы, уже предшествовавшими происками приготовленные къ предательству, стали по 2 и по 3 чел. переходить къ полякамъ, увѣряя, что и прочіе французы были склонны къ тому же. Дѣйствительно, въ станѣ иноземцевъ, послѣ бѣгства Делагарди и Горна съ конницею въ лѣсъ, было полное безначаліе и сильное волненіе. Этимъ воспользовались нѣкоторые возмутители, чтобы уговорить иноземцевъ не сражаться болѣе за царя.

Между тѣмъ Делагарди и Горнъ, не преслѣдуемые никѣмъ, воротились въ станъ и всячески старались отклонить войско отъ измѣны, но тщетно. Никто уже не слушался Делагарди и особенно неистовствовали французы и нѣмцы: они требовали, чтобы самъ Делагарди приступилъ къ договору и, получивъ отказъ, бросились грабить собственный его обозъ.

Шуйскій же все еще оставался въ укрѣпленной деревнѣ, съ намѣреніемъ возобновить бой при содѣйствіи иноземцевъ. Но, видя, что они рѣшительно измѣняютъ, не отважился безъ ихъ помощи сопротивляться полякамъ — и бѣжалъ къ Можайску, нарочно расбросавъ за собою серебряные кубки и чаши, богатыя одежды, соболи, мѣха и другія драгоцѣнныя вещи, дабы тѣмъ отвлечь непріятеля отъ преслѣдованія. Дѣйствительно, лишь очень немногіе поляки бросились въ погоню за нимъ; а всѣ прочіе накинулись на богатую добычу, и при этомъ захватили также и всѣ орудія и военные запасы русскаго войска.

Съ нашей стороны число убитыхъ и раненыхъ было весьма велико, поляки же потерпѣли незначительную потерю. Вечеромъ того-же дня Жолкѣвскій отъ Клушина вернулся къ Цареву-Займищу. Воеводы Елецкій и Валуевъ, узнавъ о пораженіи, понесенномъ главными силами нашими, сдали городокъ безъ сопротивленія и присягнули королевичу Владиславу. Такъ кончилось несчастное для насъ Клушинское дѣло, слѣдствіемъ котораго было низведеніе съ престола царя Василія Іоанновича Шуйскаго.

Мы нарочно описали сраженіе при Клушинѣ, въ которомъ выказалось громадное превосходство польской конницы, какъ надъ конницей русской, такъ и надъ конницей западно-европейскихъ государствъ. Въ описываемое время, т. е.,

въ началѣ XVII столѣтія вся европейская конница, вооружившись огнестрѣльнымъ оружіемъ, всю надежду свою въ бою возлагала на это оружіе и дѣйствовала противъ непріятеля залпами съ коня, между тѣмъ какъ польская конница, покрайней мѣрѣ польскіе гусары, подобно испанцамъ, это оружіе съ коня не употребляла; а, какъ видно изъ описанія столкновенія ея съ конницею Делагарди, превосходно воспользовалась моментомъ, когда иноземцы, давъ залпъ, сдѣлали поворотъ для заряжанія за фронтомъ своихъ карабиновъ, и разметали ихъ своими палашами. Въ сраженіи при Клушинѣ мы видимъ горсть поляковъ (5000 всадниковъ), которая не задумываясь атакуетъ сорокатысячную армію. Это указываетъ на превосходное состояніе ея духа и на большую талантливость Жолкѣвскаго. Личность этого полководца ясно очертилась 23-го и 24 іюня, если припомнимъ его поведеніе на военномъ совѣтѣ и распоряженія для движенія противъ Дмитрія Шуйскаго. Собравъ совѣтъ, онъ выслушиваетъ разнорѣчивыя мнѣнія и, выказывая нѣкоторую нерѣшительность для маскированія своихъ намѣреніи, знакомится съ состояніемъ духа своихъ подчиненныхъ. Хотя многіе видѣли большой рискъ со стороны Жолкѣвскаго, если бы онъ вознамѣрился атаковать Шуйскаго, но ни одинъ полякъ и не подумалъ объ отступленіи. Планъ же Жолкѣвскаго рѣшенъ былъ заранѣе и основанъ на вѣрномъ знаніи своихъ противниковъ и увѣренности въ превосходствѣ польской конницы. Не смотря на это однако, онъ непренебрегаетъ посѣять измѣну въ непріятельскомъ лагерѣ. Впрочемъ ни одинъ измѣнникъ не оставилъ своего мѣста, пока Жолкѣвскій не одержалъ побѣды; т. е., пока русская конница не бѣжала и пока предводители иноземцевъ Делагарди и Горнъ, потерявъ надежду на успѣхъ съ разгромомъ шведской конницы, не покинули поля сраженія.

Глава 10-я.

Замѣчаніе о конницѣ XVI столѣтія. Школы верховой ѣзды и выѣздки лошадей. Дворянскія военныя академіи. Обученіе конницы конному и пѣшему строю. Появленіе первыхъ уставовъ. Порядокъ отправленія сторожевой службы. Замѣчаніе о конницѣ венгерцевъ, поляковъ, казаковъ и турокъ.

Припоминая все сказанное объ устройствѣ и образѣ дѣйствій европейской конницы въ XVI вѣкѣ, нельзя не замѣтить крайняго разнообразія въ названіяхъ, въ понятіяхъ объ употребленіи, и неустойчивость мнѣній о характерѣ этого рода оружія. Мы встрѣчаемъ названія рыцарей, жандармовъ, копейщиковъ, джинетовъ, рейтаровъ, конныхъ стрѣлковъ, албанцевъ или страдіотовъ, гусаръ, аркебузёровъ, драгунъ, карабинеровъ, кирасиръ, панцерниковъ и другихъ.

„Въ сущности весьма трудно даже перечислить“, пишетъ Пузыревскій [1]), всѣ комбинаціи, которыя отъ времени до времени въ XVI столѣтіи появились въ организаціи различныхъ видовъ кавалеріи и въ способѣ ихъ соединенія между собою для взаимной поддержки, въ вооруженіи и т. п. Почти каждый годъ представляются перемѣны, обнаруживаются новыя идеи, смотря по понятіямъ военачальниковъ. Не смотря на это, мы пока не замѣчаемъ такого рода кавалеріи, который бы хотя въ первоначальномъ зародышевомъ видѣ отвѣчалъ идеалу конницы, если таковымъ считать ея единство, способность удовлетворять всякимъ боевымъ требованіямъ. Требованія войны въ высшей степени разнообразны, а потому, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, тотъ типъ каждаго изъ этихъ родовъ оружія принесетъ наибольшую пользу, который способенъ къ многоразличнымъ, или даже всевозможнымъ назначеніямъ, сообразно основнымъ своимъ свойствамъ. Съ этой точки зрѣнія единство, какъ пѣхоты, такъ и кавалеріи является одной изъ существеннѣйшихъ чертъ требуемаго идеала. Кавалеріи можетъ прійтись дѣйствовать и въ разсыпную и сомкнуто, и въ пѣшемъ и въ конномъ строю—вотъ предѣлы ея боевыхъ свойствъ, условія ея универсальности. Рыцарская кавалерія, какъ типъ крайне односторонній, неспособна была для разсыпныхъ дѣйствій, для малой войны и для боя пѣшкомъ; хотя она часто спѣшивалась въ Средніе вѣка, но ни по своему вооруженію, ни по одеждѣ, ни по снаряженію не отвѣчала условіямъ такого боя. Народившаяся легкая кавалерія большею частью не годилась для сомкнутыхъ атакъ, или же не назначалась для боя въ пѣшемъ строю. Только въ половинѣ XVI столѣтія зарождается тотъ родъ кавалеріи, которому въ послѣдующее, особенно въ новѣйшее время суждено было осуществить собою идею единства и боевой универсальности кавалеріи, а именно—драгуны“.

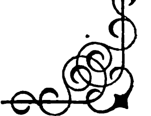
Это броженіе происходило главнымъ образомъ отъ перемѣны обстановки. Въ средніе вѣка рыцари составляли единственное военное сословіе. Къ военному дѣлу подготовляли они себя съ младенчества, были отличными ѣздоками, превосходно владѣли оружіемъ и удовлетворяли тогдашнимъ взглядамъ на военное искусство. Съ упадкомъ феодализма выдвинулось, кромѣ рыцарей, среднее сословіе, огнестрѣльное оружіе дало соотвѣтствующее мѣсто пѣхотѣ; обѣднѣвшее низшее дворянство, при упадкѣ рыцарства, должно было искать мѣсто въ правительственныхъ войскахъ и, хотя еще долго давало лучшіе контингенты въ конницу, но съ каждымъ годомъ ряды его рѣдѣли, дворяне стали поступать и въ рейтарскіе полки и даже въ пѣхоту, предпочитая здѣсь быть офицерами, чѣмъ служить безъ выслуги въ дорогихъ ордонансовыхъ ротахъ. Прежніе молодые люди, прошедшіе тяжелую школу пажей, оруженосцевъ и рыцарей, исчезли, а съ ними исчезли и люди, получившіе хорошую подготовку для

[1]) Истор. воен. искус. въ средніе вѣка, ч. II, стр. 115.

кавалерійской слубжы. Этимъ обстоятельствомъ мы объясняемъ постепенное уменьшеніе числа рыцарскихъ и ордонансовыхъ ротъ и стараніе правительствъ замѣнить ихъ наемными рейтарами и страдіотами, которые, живя войною, имѣли сравнительно лучшую боевую подготовку, чѣмъ войска, выставляемыя земствомъ или городами. Но такъ какъ наемныя войска отличались своевольствомъ и были чужды патріотическому чувству, то по примѣру ихъ правительства старались завести драгунъ и карабинеровъ, разсчитывая дѣйствіемъ огня замѣнить неспособность новой конницы къ бою на конѣ холоднымъ оружіемъ. Только у тѣхъ націй, гдѣ дольше сохранились рыцарскія традиціи, держится еще настоящая конница, а именно въ Испаніи и Польшѣ. Въ другихъ государствахъ, глядя на успѣхи испанской, польской, а также турецкой конницъ, въ подражаніе имъ заводятъ женетеровъ, по примѣру испанскихъ джинетовъ, т. е., всадниковъ на легкихъ коняхъ и вооруженныхъ пикою; во Франціи, по примѣру рыцарской Польши, нѣсколько разъ вводятъ пику въ нѣкоторыхъ кавалерійскихъ полкахъ и опять отъ нее отказываются. Но дѣло не въ томъ, чтобы дать человѣку легкаго коня или пику. Надо выучить его ѣздить верхомъ и хорошо владѣть пикою, да выѣздить лошадей, а для этого ни учителей уже не было, ни средствъ, ни времени, и не знали какъ приняться за дѣло. Разъ невозможно было имѣть хорошихъ всадниковъ, естественно должны были на первыхъ порахъ обратиться къ огнестрѣльному бою. Жалкое состояніе западноевропейской конницы въ XVI столѣтіи наглядно обрисовывается слѣдующими выписками: 1) „Карабинеры должны были быть на высокихъ лошадяхъ“ [1]). 2) „Кавалерія была подвижна только сравнительло съ пѣхотою“ [2]). 3) „Легкая конница могла прибѣгать къ холодному оружію только въ крайней необходимости и въ рукопашномъ бою, слѣдующемъ за первымъ столкновеніемъ; но никогда не атаковать со шпагою въ рукахъ сомкнутаго непріятеля“ [3]). 4) „Большинство конницы навьючило на себя цѣлую наковальню. Красота всадника перешла въ безобразіе, и нынѣшніе доспѣхи такъ тяжелы, что дворянинъ уже въ 30—35 лѣтъ совершенно изувѣченъ ими“ [4]). 5) „Копейщики, не умѣвшіе владѣть лошадью, какъ отъ неудавшагося столкновенія, такъ и отъ огня кирасиръ приходила въ совершенное разстройство, потому и не удивительно что они почти всегда были биты“ [5]). 6) Кирасиры аллюра больше рыси не употребляли. „Они не нуждаются въ лошадяхъ лучшей породы, и всякій, имѣющій соотвѣтствующее вооруженіе, можетъ пріобрѣсти для этой службы ловкость и умѣнье“ [6]).

---

[1]) Hoyer.
[2]) Suzanne.
[3]) Walhausen. Kriegs. K. zu Pferde, 2 Th. 4.
[4]) De la Noue. Discours politiques et militaire.
[5]) Hoyer.
[6]) Пузыревскій, Ч. II, стр. 123.

7) „Столкновенія съ легкой конницей кирасиры побаивались и не столько думали объ атакѣ, сколько объ оборонѣ. Атаку ея они встрѣчали стоя на мѣстѣ, построившись въ глубокія колонны или каре фронтомъ во всѣ стороны, и старались отразить противника залпами пошереножно“ [1]).

Изъ всего этого видно, что тогдашняя конница, не имѣя никакой боевой подготовки, т. е., главнымъ образомъ не имѣя хорошихъ всадниковъ, совершенно не обладала истиннымъ кавалерійскимъ духомъ. Исключеніе составляли, еще разъ повторяемъ, испанскіе копейщики до конца XVI вѣка, венгерцы, поляки, казаки и турки.

Въ такомъ положеніи дѣло оставаться не могло. Необходимость школъ и обученія для кавалеріи въ особенности, была ощутительна, и потому нѣкоторые изъ выдающихся военныхъ дѣятелей обратили на этотъ вопросъ серьезное вниманіе. Но первоначально это дѣло не клеилось. Нужно было много времени, чтобы конница получила должное направленіе въ обученіи; нужно было пережить періоды увлеченій разными мелочами показной стороны, разными излишествами въ дресировкѣ лошадей, пріемахъ съ оружіемъ и стрѣльбѣ, эволюціяхъ и пр., пока, наконецъ, уже во времена Фридриха Великаго, установились на всѣ эти вопросы прочныя убѣжденія, основанныя на свойствахъ конницы и согласованныя съ требованіями войны.

Первоначально появились школы верховой ѣзды, устроенныя частными лицами для выѣздки лошадей и обученія молодыхъ дворянъ, желающихъ служить въ конницѣ. Особенную извѣстность пріобрѣла школа въ Неаполѣ, гдѣ, какъ намъ извѣстно, еще въ XII столѣтіи появились берейтора, спеціально занимавшіеся выѣздкою лошадей. Въ началѣ XVI столѣтія Неаполь принадлежалъ Испаніи, и, вѣроятно, испанское правительство обратило вниманіе и расширило значеніе этой школы. Въ XVI столѣтіи здѣсь молодые люди обучались искусству ѣздить верхомъ и владѣть копьемъ подъ руководствомъ итальянцевъ Гризани и Фіаши, а потомъ Пюньателли. Ученики Гризани ознакомили съ этимъ искусствомъ Англію; а ученики Пюньателли Францію. Основателемъ первой школы въ Англіи былъ герцогъ Ньюкестльскій, который во время своего изгнанія устроилъ училище для верховой ѣзды въ Антверпенѣ; во Франціи первую школу основалъ Плювинель.

Начало было сдѣлано. Явились школы, явились и теоріи ѣзды и выѣздки. Въ этихъ школахъ имѣлось въ виду обучать не только полевой ѣздѣ но и высшей, школьной. Школьныя дресированныя лошади должны были способствовать образованію учениковъ потому, что на нихъ замѣтны малѣйшія ошибки въ управленіи

[1]) Hoyer. Кн. Голицынъ, всеоб. воен. ист. сред. временъ, Ч. III, стр. 14.

и употребленіи помочей; а это, по необходимости, заставляло учащагося привыкать къ тонкому чувству въ посадкѣ и рукѣ и правильному употребленію помочей. Но вчитываясь въ проповѣдуемыя этими первыми учителями теоріи ѣзды и выѣздки, нельзя не замѣтить, что на первыхъ порахъ искусство въ упомянутыхъ школахъ было въ младенческомъ состояніи; а общее сознаніе въ необходимости подобныхъ школъ распространило массу слѣпыхъ сторонниковъ ихъ теорій, такъ что, не смотря на многіе видимые недостатки проповѣдуемыхъ теорій, всякое отступленіе отъ нихъ почиталось расколомъ. „Знаменитый Гризонъ, (Гризани) уроженецъ Неаполя, котораго считали преобразователемъ верховаго искусства въ Европѣ", пишетъ Ноланъ [1]), „торжественно училъ своихъ учениковъ слѣдующимъ правиламъ:" „чтобы выѣздить молодыхъ лошадей, ставьте ихъ въ круговую яму, обращайтесь сурово съ горячими и ретивыми лошадьми. бейте ихъ палкою между ушей и проч." Теперь мы смѣемся надъ его ямою и палкою: средства эти отжили, какъ отживутъ и другія нелѣпости. Послѣдователи Гризона: Плювинель, Ньюкэстль, Гериньеръ. Монфоконъ и пр. употребляли при выѣздкѣ каппугъ, нагрудный ремень и хлыстъ. Они привязывали лошадь между стойками и хлыстали ее до тѣхъ поръ, пока она не подымала переднія ноги и не дѣлала тому подобныхъ движеній. Но въ ихъ многословныхъ книгахъ о верховой ѣздѣ вовсе не упоминалось, какимъ образомъ преодолѣвать затрудненія, встрѣчающіяся при выѣздкѣ лошади, между тѣмъ какъ затрудненія эти представляются всегда въ извѣстномъ порядкѣ и составляютъ нѣсколько случаевъ, которые нужно разсматривать въ отдѣльности". Сколько превосходныхъ лошадей, если только они были горячаго темперамента, было испорчено при такой методѣ, пока наконецъ уже Боше (Baucher) разгромилъ эту старую школу, основанную на томъ, чтобы силою и страхомъ заставить лошадь повиноваться человѣку, и возстановилъ новую, основанія которой заключаются въ слѣдующихъ словахъ: „съ лошадью слѣдуетъ обращаться кротко: она сдѣлаетъ постепенные, но вѣрные успѣхи".

Въ Германіи при княжескихъ конюшняхъ и университетахъ также устроены были училища верховой ѣзды. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ были въ Кобургѣ и въ Вѣнѣ. Училище въ Геттингенѣ пріобрѣло себѣ славу уже въ послѣдующее время при главномъ берейторѣ Айрерѣ, старшемъ.

Многіе государи, убѣдившись въ необходимости научнаго воспитанія будущихъ офицеровъ изъ дворянства, учредили, такъ называемыя дворянскія академіи, гдѣ кромѣ рыцарскихъ упражненій, ѣзды и владѣнія оружіемъ, преподавались военныя науки—Межевое искусство, Фортификація, немного Артиллеріи, а для высшаго дворянства и схоластическія науки. Одна изъ первыхъ академіи (Ritter Akademie) была основана въ Зигенѣ Іоанномъ старшимъ, графомъ Нассаускимъ въ

---

[1]) Исторія и тактика кавалеріи, переводъ Корибутъ-Кубитовича, стр. 138.

1616 году. Здѣсь молодые люди дворяне, подъ руководствомъ и наблюденіемъ Вальгаузена, обучались латинскому, французскому и итальянскому языкамъ, черченію, Фортификаціи, верховой ѣздѣ, вольтижировкѣ, фехтованію и участвовали въ конныхъ и пѣшихъ турнирахъ.

Въ 1623 году Христіанъ IV Датскій основалъ такую же академію въ Сорё, на островѣ Зеландѣ.

И такъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ школъ появились въ XVI столѣтіи (школы ѣзды) другія дворянскія академіи уже въ XVII столѣтіи. Черезъ тѣ и другія проходилъ слишкомъ ограниченный контингентъ, который въ войскахъ едва былъ ощутителенъ. Юное воинство всячески старалось уклониться отъ труда. Богатый отправлялся волонтеромъ, а бѣдный пристраивался къ свитѣ высшаго или вліятельнаго начальника; каждый старался отличиться и, мимо всякой науки и схоластики, получить офицерское мѣсто. Если въ такомъ положеніи дѣло было въ XVII столѣтіи, то въ XVI вѣкѣ школы не могли обнаружить рѣшительно никакого вліянія на состояніе конницы. Только нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ принадлежитъ починъ введенія обученія въ самыхъ войскахъ.

Одинъ изъ первыхъ на обученіе конницы обратилъ вниманіе герцогъ Альба. Онъ обучилъ копейщиковъ дѣйствовать въ сомкнутомъ строю, онъ же вывелъ легкую конницу — карабинеровъ изъ узкой роли, къ которой она предназначалась: построилъ ее въ эскадроны и сталъ пріучать ее атаковать противника. Но жалкое состояніе финансовой части и другіе безпорядки въ управленіи Нидерландами, повліявшіе на упадокъ испанской конницы, а потомъ и утраты Нидерландовъ, уничтожили труды Альбы, герцога Пармскаго, Спинолы и другихъ испанскихъ генераловъ. Такимъ образомъ эти улучшенія и попытки обученія дѣлались урывками, въ зависимости отъ энергіи отдѣльныхъ начальниковъ. Являлись разныя предложенія и теоріи частныхъ лицъ, касающія обученія войскъ. Но они большею частью выражали только желаніе и сознаніе въ необходимости такого обученія. „Господствовавшіе наемники служили только во время войны и довольствовались тѣмъ практическимъ навыкомъ, который пріобрѣтали во время наемной службы на войнѣ, т. е., самыми простыми пріемами дѣйствія оружіемъ и самыми несложными построеніями". „Только во время Нидерландскихъ войнъ", пишетъ Пузыревскій [1]), „является строевое обученіе въ истинномъ смыслѣ слова, и творцемъ его былъ знаменитый Морицъ Оранскій". Первыми изложившими это искусство были: извѣстный своей „Kriegsbuch", Дилихъ и нидерландецъ Гейнъ (Geyn), издавшій въ 1608 году книгу о „пріемахъ оружіемъ". Дилихъ дѣлитъ упражненія на „exertitia in separata и conjucta"; первыя суть тѣ, которымъ каждый кавалеристъ и пѣхотинецъ долженъ выучиться, какъ необходимымъ „для ихъ собственной персоны, для ихъ личнаго

[1]) Часть II, стр. 159.

искусства и умѣнія употреблять оружіе"; второе соотвѣтствуютъ обученію „въ составѣ рядовъ, шеренгъ, частей и боеваго порядка".

Обученіе владѣнію оружіемъ заключалось въ слѣдующемъ:

Главное вниманіе вездѣ обращалось на копейщиковъ, пока они существовали, потому что тамъ служили люди лучшихъ фамилій. Назначенные для службы въ копейщикахъ, молодые люди, пріучившись управлять лошадьми, должны были практиковаться попадать копьемъ въ разные предметы съ мѣста и во время движенія на конѣ шагомъ, рысью и карьеромъ. Для этихъ упражненій цѣли привѣшивались разнообразно: на высотѣ плечъ всадника, выше и ниже. Но такъ какъ при столкновеніи съ непріятелемъ копье могло переломиться, то копейщиковъ обучали также употребленію пистолета и шпаги.

Владѣнію пистолетомъ и шпагою обучали также кирасиръ, но только съ тою разницею, что самыя быстрыя движенія ихъ ограничивались рысью, рѣдко галопомъ.

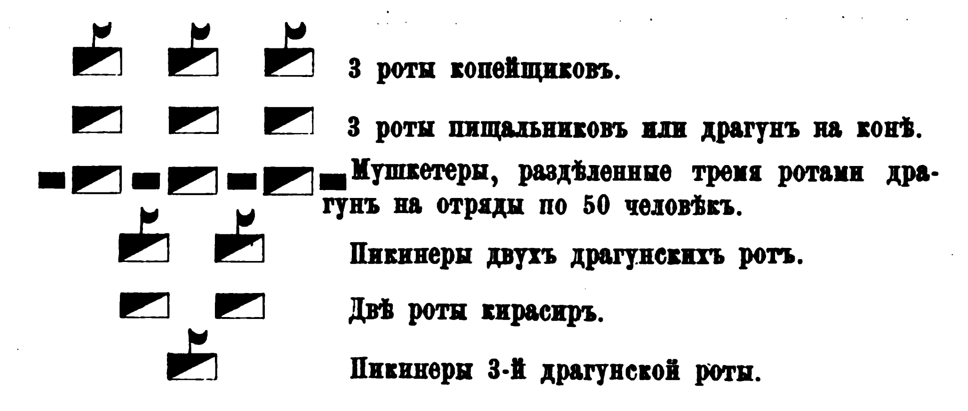
Карабинеровъ или аркебузёровъ обучали до тонкости обращенію съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они должны были на всемъ скаку зарядить карабины и стрѣлять во всѣ стороны; ко, какъ замѣчено было, никогда не атаковать со шпагою въ рукѣ.

Драгуны, кромѣ упражненій въ пѣшемъ строю, обучались вскакиванію на лошадь и слѣзанью; обучались вязать лошадей и строиться въ шеренги для атаки. „Ловкость поворотовъ и эволюцій", пишетъ Гойеръ, „конница пріобрѣла при Морицѣ Оранскомъ. Онъ обучилъ ее сдваивать шеренги, размыкать и смыкать ихъ, поворачиваться рядами и шеренгами направо и налѣво и вообще дѣлать повороты шеренгами и массой. Стрѣлкамъ, какъ мы уже объ этомъ говорили раньше, приказано было выскакивать впередъ шеренгами противъ фронта непріятеля и рядами противъ фланга, стрѣлять, потомъ скакать во весь карьеръ назадъ и сзади фронта заряжать ружья снова.

Строевое обученіе очень усложнилось, особенно съ выходомъ въ свѣтъ уставныхъ правилъ. Въ 1616 году Вальгаузенъ написалъ „Kriegskunst zu Pferde", большую книгу съ рисунками всадниковъ разныхъ видовъ существовавшей въ то время конницы, чертежами эволюцій и командными словами. Всѣ дѣйствія на конѣ, употребленіе оружія и пальба были раздѣлены на множество пріемовъ и темповъ, такъ что для производства выстрѣла приходилось продѣлать до 100 пріемовъ.

„Въ первые уставы или руководства", пишетъ Пузыревскій, такимъ образомъ, вкралось уже много лишняго, имѣвшаго значеніе невинной забавы или фокусничества, служившаго только для развлеченія глаза, а не для боевыхъ цѣлей. Вальгаузенъ, въ школѣ пикинеровъ, говоритъ: „замѣть, большею частью все ты долженъ исполнять, какъ и съ мушкетомъ, въ три темпа, и это желательно не только для щеголеватости, но и ради ловкости и быстроты".

Вальгаузенъ между прочимъ въ своемъ уставѣ предлагаетъ слѣдующій порядокъ для совокупнаго построенія значительныхъ силъ кавалерійскаго корпуса или отряда:

Въ заключеніе замѣчаній нашихъ о конницѣ XVI столѣтія скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ сторожевой службы, который вообще былъ принятъ въ тогдашнихъ войскахъ западной Европы, на сколько даютъ намъ объ этомъ понятіе скудныя дошедшія до насъ свѣденія.

Для охраненія лагернаго или квартирнаго расположенія выставляли на главнѣйшихъ дорогахъ караулы отъ конницы; а отъ нихъ цѣпь ведетовъ, т. е., парныхъ часовыхъ. По этой линіи разставлялась еще вторая цѣпь пѣшихъ постовъ или пикетовъ изъ мушкетеровъ. Конные разъѣзды и пѣшіе патрули обходили безпрестанно мѣстность занятую сторожевыми постами.

Если лагеремъ или на квартирахъ стояла одна конница, то охраненіе измѣнялось. Кавалерійскій полковникъ Баста во время нидерландскихъ войнъ началъ ставить линію отдѣльныхъ постовъ, между которыми безпрестанно ходили разъѣзды; а къ непріятелю выдвигались особые развѣдывательные разъѣзды и ползучіе патрули (Schleichpatruillen), которые должны были подкрадываться и проникать въ самое расположеніе непріятеля.

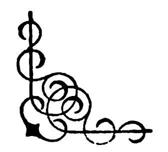
Во время же Нидерландскихъ войнъ впервые стали располагать за линіею форпостовъ резервъ, составленный обыкновенно изъ кирасиръ. Резервъ этотъ былъ всегда въ полной готовности поддержать цѣпь, если бы она была прорвана.

Разстановка постовъ возлагалась въ ротѣ на поручика, въ помощь которому служилъ капралъ; фурьеры, квартирмейстеры, а иногда и оберъ офицеры исполняли обязанности рунда.

Ежедневно объявлялся по войскамъ лозунгъ, и всякій знающій его проходилъ черезъ цѣпь безпрепятственно; но во время осады Дорнина, нидерландцы напали на одинъ постъ, узнали отъ него лозунгъ и были пропущены безпрепятственно въ расположеніе испанцевъ. Съ тѣхъ поръ герцогъ Пармскій запретилъ пропус-

кать черезъ цѣпь иначе какъ по осмотрѣ и удостовѣреніи офицера ближайшаго караула.

Касательно венгерцевъ, поляковъ, казаковъ и турокъ, какъ народовъ выдѣляющихся своею конницею въ XVI вѣкѣ, можно сказать, что часть ихъ можетъ быть приравнена къ средневѣковой рыцарской конницѣ, а часть къ восточной или азіятской. Поэтому они и обладали всѣми достоинствами и недостатками той или другой конницы. Такъ, напримѣръ, тяжелая венгерская конница и польскіе гусары представляли собою вполнѣ рыцарскую конницу, обладали устойчивостью строя и неотразимою силою удара; но были неспособны къ малой войнѣ и развѣдывательной службѣ. Джинеты, страдіоты, венгерскіе секлеры и куманы, польская легкая конница, казаки и турки, наоборотъ, какъ всѣ конницы восточныхъ народовъ, не обладали устойчивостью строя, но вознаграждали это легкостью и подвижностью; въ высшей степени способны были къ дѣйствіямъ малой войны и развѣдыванію; а назойливыми нападеніями и преслѣдованіемъ способны при случаѣ разстроить и уничтожить лучшую европейскую конницу. Относительно ихъ обученія мы распространяться не будемъ, такъ какъ вѣчная война и опасность, въ которой они находились доставляли имъ такую практику, которую не можетъ замѣнить самое тщательное и продолжительное мирное обученіе.

Stanford University Libraries
3 6105 015 290 070
UE
15
.M3
f
v.3
pt.1
DATE DUE
Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305

